

Борис
АКУНИН

Ф.И.М.

том первый

ОЛМА
МЕДИАГРУПП

Борис
АКУНИН

Ф.И.

том первый

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос-Рус)6
А 44

Художник *А. Ферез*
Каллиграфия *Ю. Клопов*

Акунин Б.

А 44 Ф. М.: Роман. Т. 1. — ОЛМА-ПРЕСС, 2006. —
384 с.

ISBN 5-224-01638-X

ISBN 5-224-01658-4 (Т. 1)

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос-Рус)6

ISBN 5-224-01638-X
ISBN 5-224-01658-4 (Т. 1)

© В. Akunin. 2006
© Издательство «ОЛМА-ПРЕСС»,
2006

Автор благодарит за помощь:

В. Бирон (Музей Ф. М. Достоевского в
Санкт-Петербурге)

М. Гарбера (за спецконсультацию)

Б. Гребенщикова (за песню «Когда
Достоевский был ранен»)

М. Живову (за яти и ижицы)

Л. Черницына

(Экспертно-криминалистический
центр МВД)

1. ФОРС-МАЖОР

Главное, не хотел он его мочить. Реально не хотел. Думал, подскочит сзади, когда Ботаник в тачку полезет (в тачку он, в смысле Ботаник, влезал поуродски, башкой вперед, с откляченным задом), и тогда он, в смысле Рулет, подлетит, рванет у него, в смысле у Ботаника, папку — и ноги. А тот вцепился насмерть. Ну и что было делать?

Короче, тухляк вышел, полный.

Стоп. Неправильно начал.

Дубль два.

Поехали.

Какого-то июля (конкретные числа Рулет в последнее время догонял смутно) выполз он из своей съемной хаты в Саввинском переулке совсем мертвый. Весь в тряске, рожа синяя — краше в закрытом гробу хоронят. Время было за послеобеда, ну в смысле не *после обеда*, потому что обедать Рулет давно не обедал, кусок в горло не лез, а в смысле что солнце уже за середину неба перевалило.

Выполз, значит, и пошел себе в сторону Краснолужского моста, хреново соображая, куда это он та-

щит ласты и зачем. Короче, завис, это с ним в абстеге часто случалось.

Песня еще из окна орала: «Тополиный пух, жара, июль». И точно — жарко было, реально жарко. Но Рулет пока жары не чувствовал, у него с отходняка, наоборот, зуб на зуб не попадал. Шел, от яркого болели глаза, жмурился. Чисто Дракула, которого не по делу разбудили.

Было ему паршиво. Совсем труба.

Еле дошаркал до соседней улицы, как ее, блин. Забыл. Он в последнее время всё больше вещей забывал. То есть, если постараться, наверно вспомнил бы. Но на фига?

И тут его вдруг пробило — чего он из дома-то вылез.

У Ботаника закрыли фортку. Значит, сейчас во двор выйдет. Ботаник всегда перед уходом фортку закрывал. На кой — непонятно. Душно же.

Повернул Рулет назад. Пристроился в подворотне, где темно и не так жарит. Еще минуту назад его колотун бил, а тут припарило ого-го как, конкретно, и пот полился ручьями, типа летят скворцы во все концы, и тает снег, и сердце тает. Кино какое-то такое было. Давно, в детстве.

Совсем Рулет глухой стал. Не в смысле, что слышал плохо, а в смысле, что вконец доходил. Дороги у него теперь отстроились по всем жилам — что на руках, что на ногах. Прямо шоссейные, ширнуться некуда, одни узлы. Центровую трассу, которая у локтя, он раньше называл: «автобан Вена-Глюкенбург», типа в шутку. Теперь по ней не проедешь, тромб на тромбе. И насчет шутить тоже — позабыл, как это делается.

За комнату второй месяц не плачено — это ладно. Не жрал ничего который день — тоже плевать. Хуже всего, что иглиться ему теперь надо было, хоть сдохни, каждые три часа. И не меньше, чем по два децила, иначе не пробивало. А где столько бабок взять? Мать раз в месяц присылает по полторы штуки, как раз на полторы дозы хватает. Больше, пишет, никак не могу, ты уж крутись как-нибудь, вам ведь стипендию платят. Какую, блин, стипендию? Рулет забыл, как и институт-то назывался. Год почти отрубил, на лекции ходил, даже сессию одну сдал, а в памяти только одно слово застряло: форс-мажор. Это когда никто никого не кидал, не подставлял, а само так вышло. Ну, типа карма.

Вот и у Рулета получился кругом сплошной форс-мажор.

Хорошо, когда-то боксом занимался, без этого наверно, сдох бы.

По вечерам, когда внутри начинало всё винтом заворачивать, Рулет отправлялся на заработок. Подходил в темном месте к загулявшему мужику видом попримичнее, или, если повезет, к дамочке. Бил хуком в висок, брал бумажник или сумочку. Убегал. Много не взял ни разу, максимум пять тысяч, и то однажды.

Сначала старался подальше от дома отойти, потом забил на это. Позавчера, например, прямо в Саввинском, перед магазином, налетел сзади на мужика, который из «фолькса» вылезал, врезал в переносицу и барсетку увел. А там, в барсетке, права, паспорт, техталон да столярник для гаишника. И привет. Еле-еле у барыги за всё про всё — и барсетку, и документы — две дозы выпросил.

Вчера Рулету вообще ничего не обломилось. Отутюжил по улицам вхолостую. И сегодня сделался ему совсем край. Иначе нипочем среди бела дня, да еще в собственном дворе не стал бы заморачиваться. Не дурак же.

Ботаника этого плюгавого он уже несколько дней как присмотрел. Тот жил на третьем этаже, в доме напротив. Выходил из подъезда в разное время, не работал нигде, что ли. Форточку всегда перед выходом закрывал.

Мужичонка так себе — облезлый, с внутренним займом на лысине, но прикинутый: блейзер, платочек шелковый в нагрудном кармане, белые брюки. Выйдет, сядет в «мерс» и катит через подворотню на улицу. Во всем дворе у него одного «мерс» был.

Рулет еще всё жалел, что Ботаник по ночам не ездит. Такого обсоска с ног свалить — как нечего делать. Он и не увидит ничего, потому что по-уродски в тачку влазит. Папку у него цапнуть, пока не очухался, и в подворотню. У Ботаника папки были классные — кожаные, каждый день разного цвета. Это есть такие козлы, по большей части пидоры, которые бумажник в карман не кладут, чтоб брюки не оттягивать, а только в портфельчик или папочку. Ботаник, когда свою папку нес, неважно какого цвета, всегда к груди прижимал, бережно так. Значит, было из-за чего.

Стало быть, несколько дней Рулет за Ботаником сёк, на папки эти разноцветные облизывался, а сегодня решился. Приперло.

Пока парился в подворотне, а Ботаник, скотина, всё не шел, стало Рулету невмоготу, и докатился он

до самого что ни на есть последнего финиша, до чего никогда еще не опускался — ляпнулся всухую. Снял с машинки колпачок («гараж» называется) и ширнулся в сгиб локтя просто так, ничем. От привычной маленькой боли на секунду полегчало, но потом стало еще хуже. Обманутую вену пронзило будто током, Рулет аж скрючился. И подумал вдруг: а не загнать ли в арык полную стекляшку воздуха? Говорят, от этого сердце на куски лопається. И привет, больше никаких заморочек.

Подумал — и испугался. До того испугался, что швырнул баян об стену. Сразу же обругал себя: куда ширяле без собственного аппарата? Нагнулся, подобрал, но машинке реально настали кранты. Жало погнулось и стекло треснуло. Короче, всё один к одному.

Но долго переживать из-за сломанного шприца Рулету не пришлось. Из подъезда как раз выкатился Ботаник и затопал к своему «мерсу». Папка у него сегодня была черная, и прижимал он ее к себе, чисто как мамаша младенца.

Момент был супер, во дворе ни души. Ну, Рулет и рванул.

Подскочил сзади, когда тот уже башкой в дверцу сунулся. Одной рукой за ворот его, другой рванул

Баян, он же агрегат,
он же машинка

папку из-под мышки. Еще шикнул для страха: «Тихо, ****, убью!»

А тот как взвизгнет, обеими руками в папку вцепился, и ни в какую.

Рулет, между прочим, сам на нерве был, среди бела дня же, каждую секунду дверь подъезда открыться может или из подворотни кто вылезет. Не говоря уж про окна.

Короче, схватил Ботаника обеими руками за шею и давай колотить башкой об дверцу. Так Рулета от ярости и страха зауродило — ничего не видит, не слышит, только фиолетовые круги перед глазами.

Очухался, когда мужик уже на сиденье сполз, кровь у него из ушей, и голова обвисла. Папку подобрал, попятился.

Как через подворотню в переулок выскочил, не запомнил.

За-мо-чил, за-мо-чил, стучало в висках у Рулета. Всё, теперь всё. Сгорел, как в танке! В углу заплачет мать старушка, слезу рукой смахнет отец. То есть отца у него не было, но это в песне так поется, про танкистов, которые в танке сгорели.

С отходняка на Рулета и без того всегда жуткая шугань накатывала — это когда всего шугаешься, от каждого шороха закидываешься, ночью воешь от страха. А тут реально человека замочил. Хотел — не хотел, кого это колышет. И наверняка бабка какая-нибудь поганая из окна видела, им же делать не хрена, только с утра до вечера во двор пялиться. Видела, узнала Рулета, уже в ментуру названивает.

А в ментуру Рулету было никак нельзя. Сдохнет он за решеткой без «хлеба». В кошмарных мучениях.

Спокойно, спокойно, повторял Рулет, шаркая ногами по тополиному пуху. Но успокоиться можно было только одним способом.

В первом же незапертом подъезде он осмотрел добычу.

И чуть не заплакал.

Ни банана в черной папке не оказалось. Ни денег, ни кредитной карточки, ни даже водительских прав. Только стопка старых бумажек. Чего Ботаник, козлина, так за эту макулатуру цеплялся, непонятно. Только себе хуже сделал и Рулета конкретно закопал.

На всякий случай Рулет перетряс листы получше, но ничего между ними не обнаружил. Пожелтевшие страницы, на них какие-то каракули бледными коричневыми чернилами, да еще чирканоперечиркано всё.

Один навар — папка богатая. Натуральная кожа, под крокодила. А может, и чистый крокодил.

И двинул Рулет на Плешак, где герои Плевны собираются. В смысле героинщики. Там и днем, если повезет, можно найти барыгу, кто не за бабки, а по бартеру пушерит.

И сжалилась карма над бедным Рулетом, реально повезло. То есть сначала минут двадцать он всухую протоптался. Народу в сквере было полно, но всё не то, мимо кассы: кто так на травке валялся, кто партнера искал (там, на Плешке, еще и пидоры тусуются). Но потом на скамеечке увидел Рулет знакомого кровососа Кису. Киса, во-первых, фуфла никогда не втюхает. Во-вторых, всегда затаренный, герыч прямо при себе носит (тащиться за товаром на «бухту» у Рулета сейчас бы сил не хвати-

Памятник героям Плевны

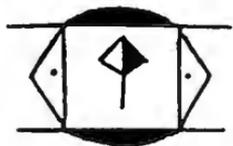
ло). А главное, не одним баблом берет. У Кисы на указательном пальце татуха, для новых клиентов: перстень с наполовину зачерненным ромбом. Это значит «пушерю на обмен». Короче, то, что надо.

Отошли за кустик. Киса папку пощупал. По-направилась.

Сговорились за две дозы плюс машинку впридачу — свою-то Рулет грохнул.

Глядя, как Рулета всего колотит, Киса посочувствовал:

— Что, веревки горят? Ничё, сейчас задвинешь стеклышко — отпустит. Сам-то попадешь или помочь?

Татуировка пушера

— Фигня, — ответил Рулет, которому от одного прикосновения к ампуляку уже полегчало. — Ох, не хочет кровь струиться, не пора ли нам взбодриться!

Хотел уйти, но Киса окликнул, показал на брошенные листки.

— Ты не мусори. Здесь, между прочим, люди ширяются. Отнеси до урны, выкини.

Рулет взял бумажки подмышку, дошел до ограды. Место хорошее: тут кусты, там машины несутся.

И листкам применение нашлось. Подложил их на каменный парапет, чтоб задницу не студить. Одна страничка, верхняя, упала — так он подобрал, культурно. Снизу подсунул.

Сел с кайфом. Зарядил агрегат. С дыркой пришлось малость повозиться, но в конце концов попал. Пустил в стекляшку крови на контроль, как положено. Потом вмазал. Ровно две трети, остальное на догон оставил.

Ему стало хорошо, уже когда шило домой попало, то есть в вену вошло. А как вдарил приход и по всей системе, по каждой клеточке шандарахнуло волшебным током, наступило счастье. Весна на душе. Кстати, кино то старое, из детства, «Весна» называлось, он вспомнил. И запел: «И даже пень в апрельский день березкой снова стать мечтает».

Да хрен его кто поймает. Даже искать не станут. Во-первых, потому что в этом мире всем на всё с прибором, а во-вторых, потому что лохи они все против Рулета. И бабки никакой у окна не было, а то высунулась бы и заорала. Тип-топ всё, можно не париться.

Он встал, сладко потянулся.

Взял из стопки страничку, посмотреть. Очень она Рулету понравилась. Гладкая такая на ощупь, кайфово желтоватая и строчки ровные-преровные. А меж-

ду прочим, без линеек. Разобрать почерк трудно, но на фига его разбирать? Только зря грузиться.

Всё ему сейчас ужасно нравилось: и солнце в небе, и зелень, и разноцветные машины на улице. Хорошая штука жизнь, если, конечно, жить правильно. И мозгами работать.

А мозги у Рулета запустились на полный оборот. И стукнула ему в башку идея, гениальная.

Не надо бумажки эти в урну бросать. Они старые. Им, может, сто лет. Хендрикс (это знакомый один, на барбитуре сидит), недавно рассказывал, что на Солянке есть мужик, который старые бумажки берет. Офис у него там, со двора вход. Как контора называется, Рулет позабыл, но Хендрикс говорил, найти легко, там табличка висит. Он на чердаке целый сундук с макулатурой нашел, так мужик этот много чего отобрал. И отбашлял сразу, на месте.

Может, придурок этот солянский возьмет листки? Глядишь, еще на одну дозу хватит. Надо ведь и про будущее подумать.

Главная гениальность идеи, осенившей Рулета, состояла в том, что Солянка была вот она, прямо за углом. Пять минут ходу, даже меньше.

Сложил он бумажки поаккуратней и пошел. Почти что полетел.

Кто другой, потупее, запутался бы во внутренних дворах и подворотнях огромного серого дома, выходящего разом на три улицы, а Рулет почти сразу нашел нужную арку, потому что башка варит и вообще всё в масть.

Хендрикс говорил, там еще рядом въезд в подземный гараж или, может, склад. Здоровенный такой, с решетчатыми воротами. Не спутаешь.

Точно, были ворота. И подъезд неподалеку. Табличка, правда, не одна, несколько. Но Рулет как посмотрел, сразу вспомнил. «Страна советов», вот как у того мужика контора называлась. Новенький такой щиток, медный. Сияет — смотреть в кайф. Пятый этаж. Офис 13-а.

Короче, поднялся — пешком взлетел, лень было лифт ждать.

У двери еще одна табличка:

Консультационная фирма
«СТРАНА СОВЕТОВ»

Николай Александрович Фандорин,
магистр истории

Ишь ты, «магистр».

Рулет позвонил.

Открыла охренительная телка. Прикид, как из журнала, плюс синие глаза с пушистыми ресницами, плюс припухлые, чуть приоткрытые губы. Это есть такие бабы, заводные, которые от секса, когда их здорово забирает, губы себе кусают. Сам Рулет таких баб не пялил, не доводилось, но видать видал, в кино. У них еще обычно голос хриловатый, от которого внутри всё ёкает.

Телка облизнула губы кончиком очень красного, то есть *реально* красного языка и спросила хриловатым голосом:

— Вы по какому вопросу?

У Рулета внутри всё ёкнуло.

2. ФИГЛИ-МИГЛИ

Когда вошла секретарша, Николас Фандорин, владелец консалтинговой компании «Страна советов», стоял у окна и, страдая, прислушивался к фортепьянным аккордам, просачивавшимся сквозь шум улицы. Ничего отвратительного в музыке не было — стандартный вальс Грибоедова, исполняемый очень гладко и старательно, но Фандорина дальние звуки пианино явно мучили. Он то вздыхал, то морщился. Когда же милейшая мелодия, на миг оборвавшись, зазвучала вновь, гораздо громче и насыщенней, так что сразу почувствовалось — за дело взялся мастер, Ника совсем сник. На то имелись свои причины, однако о них чуть позже.

Итак, в кабинет вплыла Валя, улыбнулась своими раздутыми от коллагена губищами и объявила:

— Николай Александрович, к вам посетитель. О цели визита умалчивает, хочет сообщить лично.

В последнее время Валя работала над сменой имиджа: старалась изъясняться цивилизованно и вести себя, как леди, но давалось ей это непросто — то и дело сбивалась.

— Только, по-моему, фигли-мигли, — добавила она, что на ее жаргоне означало «пустая трата времени», и наморщила точеный носик (две операции, тридцать тысяч долларов). — Обычный ширяла. Я бы его турнула в шею, но он, похоже, вам что-то приташил. Впарить хочет. То есть, предложить на продажу, — поправилась Валя и изящным жестом потрогала прическу.

— Кто это — «ширяла»? — мрачно спросил Ника, подходя к столу.

— Наркоман. Шляется всякая шушера, а клиентов настоящих нет.

Что правда, то правда. Летом фирма «Страна советов» по большей части простаивала без работы. То есть в целом, если сравнивать с прошлым, дела шли не так уж плохо. «Сарафанное радио», самый медленный, но зато самый надежный вид рекламы, наконец заработало, и клиентура потихоньку расширялась. Настоящего дела, правда, давно не подворачивалось. Большинство тех, кто алкал совета, приходили к Николасу, или Николаю Александровичу, или Нике (это уж в зависимости от короткости отношений), просто чтоб как следует выговориться, рассказать понимающему человеку о своем сложном внутреннем мире и душевных проблемах. В Америке с подобной целью посещают сеансы психоанализа, но в России это высоко rentабельное детище фрейдизма не прижилось и не приживется — во всяком случае, до тех пор, пока не избавится от обидного компонента «психо».

У Николаса такие посетители не лежали на кушетке, а сидели в обычном кресле, потому что не психи какие-нибудь, а совершенно здоровые лю-

Кушетка
психоаналитика

ди, просто с тонкой нервной организацией. Болтали час или два, получали свою порцию советов и уходили в задумчивости. Работа с клиентами этого сорта нелегкая, будто из тебя всю кровь высасывают, но зато довольно денежная. Однако

летом энергетические вампиры разъезжались по Биаррицам-Сардиниям латать нервы, продувать чакры и восстанавливать прану. Мастер добрых советов маялся бездельем и томился. А тут еще это фортепяно...

Валя наострила уши — слух у нее был отличный.

Ядовито спросила:

— По клавишам бренчат? А я вам тысячу раз говорила: не понимает МЭМЭ своего счастья. Такой мужчина ей достался, а она... Только мучает вас. — Секретарша вздохнула, обвела шефа лучистым взглядом — сверху вниз и опять вверх. — Эх, я бы вас на руках носила. Одевала, как куколку.

Про Валю

С тех пор, как Валя Глен окончательно определился с выбором гендера и хирургическим образом поменял пол на женский, он, то есть теперь уже «она» совсем обнаглела и вела осадку начальника в открытую. По-хорошему, давно следовало ее уволить, но кто еще станет ра-

ботать за такую зарплату? Да и в настоящих делах, когда они подворачивались, другой такой помощницы было не сыскать.

Современная медицина движется вперед семимильными шагами. Особенно необязательная, существующая не для спасения жизни и здоровья, а для удовлетворения причуд и прихотей. Глядя на Никину секретаршу, никто бы не поверил, что еще пару лет назад она была молодым мужчиной и звалась Валентином. Лицо, фигура, голос, жесты — изменилось всё. Разве что размер ноги остался прежним, но у нынешних барышень сорок второй не такая уж редкость.

Новоиспеченная Валя законным образом поменяла паспорт и незаконным — свидетельство о рождении, в остальных документах, где пол не указывают, вроде диплома или водительских прав, просто приписала после имени букву «а». Все свои старые фотографии уничтожила. Гардероб сменила. Машину перекрасила из стального цвета в розовый.

Так в прекрасной половине человечества произошло незапланированное природой пополнение.

— У человека должен быть фридом оф чойс, и я выбрала тот гендер, который лучше, — объяснила она работодателю, выйдя на работу после своего второго рождения.

— В смысле женский? — кивнул Ника.

— Нет, мужской. Имеешь ведь дело не со своим полом, а с противоположным.

Тут Фандорин, выражаясь по-валиному, перестал догонять и затормозил.

— Погоди, разве мужской пол лучше женского?

— Бьен сюр. Мужики такие клевые! С бойфрендом можно и футбол по телеку смотреть, и на байке гонять. Не то что с бабой. И вообще, вы не представляете, какие мы, бабы, гадкие.

Еще помощница объявила, что пошла на такую жертву ради него, Ники. Чтобы он не чувствовал себя извращенцем, когда наконец поймет: они созданы друг для друга.

Это, впрочем, не помешало Вале почти сразу же после своего второго рождения выскокить замуж. Причин было две. Айнс: она всю жизнь мечтала пройтись по Александровскому саду в белой фате. Цвай: Мамона (так Валя называла свою мать-банкиршу) сняла бывшего сына с дотации — мол, дочерей у нее нет и не будет. А жить на что-то надо. Не на Никину же гребаную зарплату?

Так что брак был коммерческий, по расчету. Во всяком случае, со стороны невесты. Жених-то, владелец империи платных туалетов Макс Зюзин, втрескался в чудо пластической хирургии не на шутку. Свадьбу сыграли не хуже людей — пышную, во дворце екатерининских времен. Фоторепортажи с гламурного праздника появились во всех глянцевых журналах, причем Валю именовали «русалкой», «царевной Лебедь» и «загадочной незнакомкой».

Семейная жизнь, правда, не сложилась.

Когда выяснилось, по какой причине у молодой не может быть детей, с суженым приключилась истерика. Он даже хотел убить Валю на месте, голыми руками, но убить Валю голыми руками довольно трудно, во всяком случае без помощи телохранителей, а звать телохранителей Макс не решился — побоялся огласки. В результате, кроме морального ущерба, понес еще и физический, в виде синяков и выбитого зуба.

Развелись, впрочем, цивилизованно, без азиатчины. Туалетный император был человек, хоть и эмоциональный, но не дурак. Еще одна волна публикаций в прессе ему была ни к чему.

От недолгого замужества у Вали остались приличные алименты и мужнина фамилия — надоело раз за разом документы переделывать.

В общей сложности Фандорин прожил без секретарши неполный месяц, а потом всё вернулось на круги своя.

— Отстань, — буркнул Ника. — И не смей называть мою Алтын «МЭМэ», сколько раз повторять.

Эта дурацкая аббревиатура означала «мадам Мамаева».

— Да? — обиделась Валя. — А ей меня можно «трансформером» обзывать? Сама, между прочим, при живом муже вон как хвостом крутит.

— Всё, баста! — Фандорин стукнул по столу. — Зови посетителя!

Пока Вали не было, он быстро подошел к окну, прислушался.

Тихо. Вальс больше не звучал.

От этого на душе у магистра истории сделалось еще паршивей. Чем это они там занимаются?

— Здрасьте, — слышался развязный молодой голос.

Ника оглянулся.

К нему, протягивая ладонь, шел высокий парень со стопкой бумаг под мышкой. Он показался Фандорину симпатичным: высокий, стройный, с красивыми темными глазами. Одет, правда, странно — несмотря на жару, в тяжелых ботинках и рубашке с длинными рукавами. Зато улыбка хорошая. Сразу видно, что у человека чудесное настроение. Совсем не похож на наркомана.

Ника помотрел на оставшуюся в дверях секретаршу с укоризной.

— Я слышал, вы бумажки старые покупаете, — сказал посетитель, не представившись. — Глянете?

Предложив молодому человеку сесть, Ника взял стопку и первым делом понюхал ее, была у него такая привычка.

Листки пахли как надо — настоящей стариной, навсегда ушедшим временем. От этого аромата, вкуснее которого нет ничего на свете, у магистра всегда кружилась голова. Он громко чихнул, извинился, чихнул еще раз.

Однако, перелистнув страницы, увидел, что рукопись не особенно старая. Судя по фактуре бумаги, цвету чернил и нажиму, вторая половина 19 века. Перо уже стальное, но по тому, как поставлен почерк, видно, что писавший обучался грамоте еще в николаевские времена, гусиным пером и почти наверняка в казенном учреждении. При домашнем

воспитании почерк был бы мягче и небрежнее, а тут почти каллиграфия. Опять же исключительная ровность строк. Но не писарь и не переписчик — вон сколько помарок и исправлений. Э, да тут и рисунки на полях. Готическое окно, рожицы какие-то. Нарисовано так себе, по-дилетантски.

Заметив крупное «ГЛАВА I», Фандорин немножко расстроился: кажется, какой-то трактат или художественное сочинение. Полистал.

Почерк, хоть и красивый, читался не так просто. Прищурившись, Ника разобрал первую попавшуюся на глаза строчку: «...святителя Порфирія, памятнаго темъ, что избавилъ первохристіанъ Святой Земли от притесненія язычниковъ». Похоже, что-то душеспасительное. В те времена многие баловались подобной писаниной. Провалилась эта графомания в каком-нибудь забытом сундуке полтора столетия, да еще во что-нибудь заботливо завернутая, иначе запах времени так не сохранился бы...

— Обороты чистые — это замечательно, — сказал он вслух. — У меня есть знакомый художник, рисует пером на старинной бумаге. Если текст не представляет интереса, подарю ему.

— Мне-то сколько отбашляете? — шмыгнул носом симпатичный юноша и через рубашку почесал сгиб локтя.

— Сохранность бумаги приличная. Могу дать по 30 рублей за страницу. Сколько здесь?

На вид в стопке было страниц двадцать — двадцать пять.

— Меньше, чем за тыщу, не отдам, — твердо заявил посетитель.

Валя хмыкнула:

— Ну ясное дело. — И прибавила непонятное. — Герою на один подвиг.

Однако парень загадочную фразу, кажется, понял. Обернулся и бросил:

— Не твое дело, цыпа.

Ника, пересчитывавший страницы, открыл было рот, чтобы поставить молодого нахала на место, да так с открытым ртом и остался.

Последний лист был почти чистым, никакого текста — лишь крупно выписанное заглавие:

ТЕОРИЙКА

**Петербургская повесть
Сочинение В. Достоевского**

Почему заглавие оказалось сзади? — вот первое, что подумалось Нике. И тут же кинуло в жар, затряслись руки.

Не может быть! Неужели рукопись Достоевского? То-то рисунки показались смутно знакомыми! Судя по помаркам, это не список, а черновик. Что же тогда получается? Это рука классика?!

Но черновик чего? «Теорийка»? Такого сочинения у Достоевского Ника что-то не припоминал. Хотя, конечно, он не специалист. Может быть, какой-нибудь набросок, не осуществленный замысел?

Дома в шкафу стоит академический 30-томник, полное собрание сочинений. Там эта «Теорийка» наверняка есть. Надо найти, принести сюда и сверить текст.

— Вы вот что, — севшим голосом сказал Фандорин. — Вы подождите тут. Кажется, это... Нет, я

должен проверить. Скоро вернусь. Вы только не уходите.

Кажется, юноше его реакция показалась подозрительной. Посетитель быстро взял со стола рукопись и прижал к груди.

— Спокуха, — сказал он, сдвинув брови. — Я передумал. За тыщу не отдам. Рулета еще никто не кидал.

— Кого?

— Это я — Рулет, — назвалса молодой человек — очевидно, фамилией или прозвищем.

— А я Николай Александрович, очень приятно. Послушайте, я не собираюсь вас обманывать, — волнуясь, стал объяснять Ника. — Просто нужно удостовериться... Если это то, что я думаю, то это... это будет...! Вы посидите пока тут. Я скоро.

Проходя мимо Вали, на всякий случай шепнул:

— Не выпускать. Ни под каким видом.

Та кивнула и загородила своим силиконовым бюстом дверной проем. Теперь сдвинуть с места ее можно было только бульдозером.

* * *

Путь был недалгий — квартира находилась совсем рядом, в соседнем подъезде.

Две минуты ушло на то, чтобы спуститься во двор, пройти десять метров и снова подняться. И еще минут пять Ника стоял перед дверью собственного жилища, решая сложную проблему: позвонить или открыть ключом?

Всё это время изнутри лились печальные звуки грибоедовского вальса — то по-ученически робкие, то мастеровито-уверенные.

Алтын Мамаева, жена Николаса А. Фандорина, бывшего подданного ее величества и баронета, а ныне гражданина Российской Федерации, занималась музыкой с преподавателем. И не просто с преподавателем, а с самим Ростиславом Беккером, лауреатом всевозможных конкурсов, гордостью отечественной культуры.

Смотрите, что получается.

Первое. Красивый, знаменитый и богатый гений 5 (пять) дней в неделю таскается на Солянку, чтобы тратить свое баснословно драгоценное время на дилетантку, едва помнящую ноты.

Второе. Деловая женщина, шеф-редактор преуспевающего журнала, извечная трудоголичка, возвращающаяся с работы не раньше девяти вечера, каждый день находит полтора часа, чтобы заезжать домой на урок. Ни одного не пропустила. А время занятий, между прочим, такое, когда дома ни мужа, ни детей.

Третье. Алтын всегда говорила, что музыкальная школа, все эти Гедике и Майкопары — одно из худших воспоминаний ее детства.

Четвертое. Куплен за 5000 (пять тысяч!) долларов рояль «гербштадт».

Пятое. К тридцати пяти, войдя в самый лучший женский возраст, Алтын так сногсшибательно, так мучительно похорошела, что чертов Ростислав был бы просто идиот, если б не предложил такой ученице свои лучезарные уроки.

Вот к чему привело лестное знакомство со знаменитостью на журнальной презентации (будь она проклята). Алтын воспылала внезапной любовью к гармонии, лауреат увлекся преподаванием, а мел-

кий предприниматель сомнительного профиля Н. А. Фандорин лишился покоя.

Ладно, ничего особенного, сказал себе Ника, не накручивай себя. Обычные уроки музыки.

Но все-таки как войти? Если без звонка — получится, как будто подкрался. Но звонить к себе домой будет совсем странно. Или сказать, что забыл ключ?

В результате открыл дверь сам, но долго лязгал в замочной скважине и в прихожей нарочно произвел побольше шума.

На столике в коридоре лежали рядышком крошечный портфельчик звезды и большущий ридикуль Алтын. Известно, что статные мужчины любят маленькие сумки, а миниатюрные женщины — большие, но бедный Ника и в этом невинном зрелище усмотрел новый повод для самотерзаний.

Портфельчик был страусиной кожи и, наверное, стоил таких денег, какие «Страна советов» не зарабатывала и за месяц.

Во сколько обошелся змеиный ридикуль, страдалец понятия не имел, потому что не мог покупать супруге такие дорогие вещи — Алтын одаряла себя ими сама.

Увы, ПБОЮЛ (предприниматель без образования юридического лица) Фандорин был существенно беднее своей жены, и несравнимо беднее собственной секретарши. О чем обе ему постоянно напоминали, причем (что хуже всего) не коря, а *материально поддерживая*. Алтын, та покупала дорогие пиджаки и рубашки, да еще бессовестно врала про какие-то неслыханные распродажи по 499 рублей. Валя же взяла моду по всем мыслимым и не-

мыслимым поводам делать шефу дорогие подарки. Зная его как облупленного, выбирала вещи, от которых Ника был не в силах отказаться. То преподнесет на 23 февраля чиновничью парадную шпагу с выгравированным инициалом «Ф» (вдруг принадлежала дедушке Эрасту Петровичу?!), то на 1 мая (ничего себе праздничек) добудет два билета на концерт рок-группы «Спаркс», которую Ника обожает со студенческих лет. А недавно, в День независимости, презентовала фальшивый испанский дублон 16 века. Официальное название монеты «экселенте», «дублоном» ее прозвали за дубль-портрет соправителей, Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской. На реверсе слез тонкий слой позолоты и видно залитый внутрь свинец. Фантастическая вещица! Музейный экспонат, наверняка кучу денег стоит, но дело не в этом. Было в фальшивом дублоне что-то особенное. Когда требовалось сосредоточиться, Ника доставал монету из бумажника, вертел в пальцах, гладил неровную поверхность, и почти всегда помогало: проскакивала какая-то искорка, мысль поворачивала в правильном направлении, и решение приходило будто само собой. Есть такие энергозаряжающие артефакты, это давно известно. Они бывают универсального действия, а бывают и сугубо индивидуального. Несколько лет назад, проведя долгое, обстоятельное исследование, Ника установил, что старые нефритовые четки, доставшиеся ему по наследству, некогда принадлежали Эрасту Петровичу и служили гениальному сыщику для внерациональной концентрации мыслительной энергии. Нике дедовы бусы пользы не принесли — обычные зеленые

камешки, ничего особенного. Зато поддельный дублон пришелся кстати.

Вот и сейчас, готовясь к встрече с женой и ее учителем, он вертел в кармане фальшивое золото. Как себя вести? Что сказать?

Напомни ей про детей, ведь она мать, пришла в голову спасительная идея. Сразу и подходящее выражение лица образовалось: мягкое, но слегка встревоженное.

— Здравствуйте, — вежливо, но немножко рассеянно (то есть именно так, как следовало) пожал он руку лауреату, который в ответ улыбнулся двусмысленной кошачьей улыбкой.

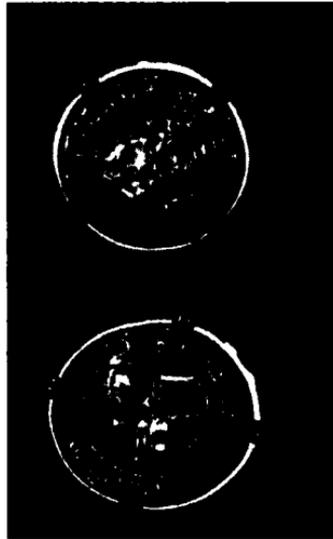
А жене Ника сказал:

— Я на минутку, надо кое-что посмотреть. — И вполголоса прибавил. — Слушай, нам нужно найти время — поговорить про Гелю. С ней что-то происходит. Может быть, вечером?

Пианист деликатно отвернулся, а лицо Алтын, покрасневшее (будем надеяться, только от музыки) и ужасно красивое, виновато дрогнуло — стрела попала в цель.

— Ты же знаешь, у меня в одиннадцать ночной тест-драйв.

Последние два года она возглавляла журнал «Хайхилз», еженедельник для

Дублон испанский

женщин-автолюбительниц: минимум технических подробностей, максимум элегантности и практичности. Поработав сначала в политическом издании, потом в эротическом, Алтын нашла наконец занятие по душе. Никакой грязи, сплошь положительные эмоции плюс каждый месяц на обкаткуновое авто, одно шикарней другого. О чем еще может мечтать современная деловая женщина?

— Да-да, конечно, я забыл, — с иезуитской кротостью кивнул Ника. Мол, ясное дело, музицирование важней родной дочери. — Ну, не буду мешать... Вы занимайтесь.

И пошел в комнату, к книжным полкам.

Посмотрел на свое отражение в стекле, поморщился. Ну что, Фома Опискин, добился своего, испортил жене удовольствие? А если она просто хочет научиться хорошо играть на фортепиано? Вдруг взяла и в тридцать пять лет впервые открыла для себя волшебный мир музыки?

Ведя пальцем по сводному алфавитному указателю произведений, включенных в ПСС Достоевского, он еще некоторое время поугрызался, потом взял себя в руки. Посмотрел снова, уже сосредоточившись.

Особенно изучать было нечего. На букву «Т» в указателе имелась одна-единственная позиция:

«Тайный совет., кн<язь> Д. Обол<енски>й» (1875; неосущ. замысел), XVII, 14, 250, 443».

И всё, никакой «Теориейки».

Неужели...?!

Стоп, стоп, — осадил себя Ника. Не будем торопиться. Нужно просмотреть рукопись повнимательней. Скорее всего это черновик какой-ни-

будь работы, которая впоследствии получила другое название.

* * *

Тем не менее в офис он ворвался запыхавшись — ни одним, ни другим лифтом не воспользовался, терпения не хватило.

— Не ушел?

— Пробовал, — хладнокровно ответила Валя, поправлявшая у окна макияж. — Причем с применением насилия. Боксер долбаный. Пардон, я хотела сказать: «жалкий боксеришка». Одними руками много не намахаешь. Тэквондо покруче будет.

— Ты что, его побила? — горестно воскликнул Николас. — Ах, Валя, Валя, ну что мне с тобой делать!

Он заглянул в кабинет и увидел, что владелец уникальной рукописи сидит на корточках, держась обеими руками за промежность. Рукопись он прижимал к груди подбородком. Лицо у парня было бледное и злое.

— Моё, не отдам! — просипел он. — Суки!

— Никто не покушается на вашу собственность, — поспешил заверить его Фандорин. — Ради Бога, простите мою секретаршу. Это я виноват. Она поняла мою просьбу — не отпускать вас — слишком буквально. Но вы ведь, кажется, первый попытались ее ударить? Вот, выпейте воды и успокойтесь...

Он взял молодого человека за локоть, усадил в кресло.

— Если ваша рукопись — то, что я думаю, она поистине бесценна. Это национальное, нет, все-

мирное достояние! Но чтобы убедиться, я должен ее прочесть. Вы позволите?

— Хрена! — рявкнул Рулон, то есть Рулет, да-да, Рулет. — Гони тыщу, тогда дам. Только при мне.

— Да что у вас всё «тыща» да «тыща», — расстроился Ника. — Говорю вам: возможно, это культурное событие мирового значения! В самом деле, вам нужно выпить воды.

— Не надо мне воды! Где у вас тут сортир?

— За дверью, налево. Может быть, вы пока позволите мне взглянуть?..

Фандорин протянул руку за рукописью, наткнулся на красноречивый злобный взгляд и со вздохом вынул тысячерублевую бумажку. Лишь тогда Рулет сунул ему страницы.

— Только почитать. Вернусь — отдашь, — предупредил невоспитанный молодой человек и быстро вышел.

— Видишь, как ты его оскорбила, — посетовал Фандорин выглядывавшей из-за двери секретарше. — А вначале был такой славный.

Валя презрительно наморщила носик.

— Ничего, сейчас повеселеет.

— Почему ты так думаешь? — спросил Ника, разглаживая слегка примятый первый листок.

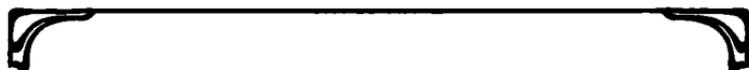
— Совершит подвиг — в смысле, подвинется в вену, и сразу станет сахарный.

Но Фандорин этих слов уже не слышал, он читал. Сначала разбирать почерк было трудновато, но довольно скоро глаза привыкли, и дело пошло быстрее.

ТЕОРИЙКА

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПОВЕСТЬ

**СОЧИНЕНИЕ
Ф.ДОСТОЕВСКОГО**

Глава первая

А МОЖЕТ, И К ЛУЧШЕМУ

В понедельник с самого утра Порфирий Петрович занимался делом хлопотным, но небесприятным — обустроивал казенную квартиру, вплотную примыкавшую к его служебному кабинету (удобнейшая вещь!). Кое-что надобно было подправить и подкрасить, прибавить уютца, а самое головоломное — найти место для книг, покамест лежавших в коробках. Прежний жилец обходился одним-единственным шкапом, в котором содержались лишь пыльные тома с законоуложениями, новый же обитатель любил не только юридическое, но и вольное чтение, так что пришлось заказывать столяру два десятка поместительных полок, которые только нынче прибыли и устанавливались на место.

С наслаждением вдыхая запах стружки и свежего лака, надворный советник (таков был чин новосела) аж примурлыкивал от удовольствия, собственноручно расставляя по рядам сочинения Декарта и Мирандолы, томики Лермонтова и Пушкина, равно как и новейшие сочинения европейских литераторов — Стендаля, Диккенса, Гете, ибо был обучен трем главнейшим европейским языкам, не считая древних.

Порфирий Петрович, шесть дней назад определенный приставом следственных дел в Казанскую часть

Санкт-Петербурга, был собой не сказать чтобы красив или хотя бы представителен. Росту пониже среднего, полноватый и даже с брюшком, без усов и без бакенбард, с плотно выстриженными волосами на большой круглой голове, как-то особенно выпукло закругленной на затылке. Пухлое, круглое и немного курносое лицо его было цвета больного, темно-желтого, но довольно бодрое и даже насмешливое. Оно выглядело бы, пожалуй, даже и добродушным, если бы не выражение глаз, с каким-то жидким водянистым блеском, прикрытых почти белыми, моргающими, точно подмигивая кому, ресницами. Взгляд этих глаз как-то странно не гармонировал со всею фигурой, имевшею в себе даже что-то бабье. Однако же те, кто знал Порфирия Петровича по службе, не обманывались округлостью его неспешных движений и плавной вкрадчивостью речей. Да и новые сослуживцы уж успели заметить, что человек он толковый, хотя и не без странностей.

Приятности забот по обустройству квартиры мешало лишь одно обстоятельство — утомительнейшая, нечасто обрушивающаяся на столицу жара, чуть не в сорок градусов. Порфирий Петрович сам прикрепил к оконной раме отличный немецкий градусник, показывавший температуру и по Реомюру, и по Цельсию, с досадою понаблюдав за тем, как ползет кверху серебристый столбик, и вздохнул, увидев, что сие восхождение остановилось, чуть-чуть не дойдя до отметки 38.

Индейца бы сейчас с опахалом, как у англичан в Калькутте, мимолетно подумал Порфирий Петрович, отроду ни в Калькутте, ни в прочих заграничах не бывавший. За неимением в штатном расписании Казан-

ской части услужливых индейцев надворный советник решил, что пора отправляться на вольную квартиру, которую до окончания ремонта он снимал неподалеку от съезжего дома, здесь же, на Офицерской улице. Там в ванной комнате ожидал наполненный водою чан и на цепке отменно удобная лейка, какой можно отлично поливаться, не прибегая к посторонней помощи. Порфирий Петрович, среди прочих своих чудачеств, не держал никакой прислуги и всегда обихаживал себя сам, так что ежели пресловутый индеец откуда-нибудь и взялся бы, махать опахалом ему бы не дозволили.

Взяв в руку шляпу и надев поверх пропахшей потом рубашки сюртук, пристав прошел через небольшой коридорчик в кабинет, откуда удобнее было попасть на улицу, однако дверь в следующую комнату, приемную, открыть не успел — створки сами распахнулись ему навстречу. На Порфирия Петровича, едва не сшибив его с ног, налетел распаренный молодой человек, которого надворный советник тотчас признал. Это был Заметов, письмоводитель из третьего квартала. Заметова и прочих квартальных чиновников новый следственный пристав видел на прошлой неделе, когда обходил полицейские конторы подведомственной территории с целью знакомства.

Вот ведь странно. Ничего отталкивающего и тем более пугающего во внешности Заметова не было, а между тем, едва взглянув на его лицо, Порфирий Петрович ощутил очень неприятный спазм в сердце, стиснувшемся от скверного предчувствия.

Хотя, с другой стороны, что ж странного? Если полицейский чиновник в неурочное время без стука

врывается в кабинет пристава следственных дел, хорошего не жди.

— Пардон! — вскричал Заметов, отскакивая несколько назад. — Виноват, зашиб! Ваше высоко...благородие! Ваше высокоблагородие!

Бедняга так запыхался, что едва мог говорить, и длинное слово никак ему не давалось.

Но Порфирий Петрович уже понял — приключилось нечто из ряда вон выходящее, и принял меры. Взял письмоводителя за руку, крепко тряхнул.

— Вы Заметов из третьего, верно-с? Вы уж меня извольте без титулования-с, просто «Порфирий Петрович». Помилуйте-с, мы же не в армии. Виноват, вашего имени-отчества не припомню?

— Александр... Григорьевич, — вымолвил чиновник, переводя дух.

Это был очень молодой человек, лет двадцати двух, с смуглою и подвижною физиономией, казавшеюся старше своих лет, одетый по моде и фатом, с пробором на затылке, расчесанный и распомаженный, со множеством перстней и колец на белых отчищенных щетками пальцах и золотыми цепями на жилете.

— Ну что там у вас в Столярном стряслось, рассказывайте, — велел пристав (в Столярном переулке располагалась полицейская контора третьего квартала).

— Меня к вам квартальный, Никодим Фомич! Сам-то он там! — опять заволновался, заневнятничал Александр Григорьевич да вдруг как крикнет. — Убили! Злодейским образом! Сразу двоих! Нет, то есть не двоих, а...

Он смешался, захлебнувшись словами. Пристав же на миг смежил желтоватые припухлые веки и мелко перекрестился. Не обмануло предчувствие-то.

— Вы вот что-с, — тонким пронзительным голосом сказал надворный советник, крепко взяв Заметова за рукав и ведя к столу, где стоял графин с водой. — Вы перво-наперво выпейте воды-с... Вот так-с. А теперь сядьте в кресло и по порядку-с, по-порядку-с. Кого убили, где, кто?

Выпив воды и усевшись, Александр Григорьевич немного успокоился, и оказалось, что он умеет говорить и связно, и толково.

— На Екатерингофском, процентщицу Шелудякову, в собственной квартире. Ударом по голове. Я хотел уж домой, а тут такое дело. Побежал за вами. Сначала в ту вашу квартиру, там никого, так я сюда. Вдруг, думаю, еще на службе застану...

— Убили злодейским образом? С целью ограбления? — не спросил, а как бы сам себе сказал Порфирий Петрович.

Теперь волнение письмоводителя сделалось понятно.

Шумные и грязные кварталы, расположенные вдоль берегов Екатерининской канавы, никогда не отличались благочинием и беспорочностью. Чем ближе к нехорошей Сенной площади (по счастью, относившейся к соседней Спасской части), тем гуще лепились трактиры, распивочные и порочные заведения. Пьяные драки, воровство, мелкое фармазонство и прочие подобные неприятности, неизбежные во всяком большом городе, здесь случались ежедневно. Бывало, что и прибьют кого до смерти, спяну или в споре. Но душегубства злодейские, с предварительным умыс-

лом, здесь случались нечасто. Вполне вероятно, что впервые на недолгой служебной памяти юного Александра Григорьевича. Сколько пристав помнил статистику, за целый минувший год в Санкт-Петербурге, во всех десяти его частях, умышленных смертоубийств случилось пятнадцать. И каждое раскрыто, потому что русский убийца — это вам не англичанин какой-нибудь, который убивает с холодной головы и после так концы спрячет, что не сыщешь. Русский злодей горяч и нерасчетлив, крушит на авось. Не попадетсЯ сразу — пойдет в кабак и проболтается спяну первому собутыльнику. Или же на утро протрезвится, схватится за голову да побежит сам сдаваться: мол, хватайте меня, православные, я убил!

Агентов по кабакам нарядить, это самое первое, заметил себе Порфирий Петрович. Далее — следы на месте злодеяния. Ну и соседей, конечно, расспросить.

Ох, беда, беда. Не успел толком в должность заступить, еще не от всех доброжелателей поздравления принял, а уже умышленное убийство. Не опростоволоситься бы.

Мысль была вроде тревожная, а в то же время и не вовсе неприятная. Надворный советник ощутил знакомое азартное щекотание в носу, потому что по складу характера любил разгадывать мудреные задачки и более всего преисполнялся жизни, когда расследовал какое-нибудь заковыристое дело.

— Постойте-с, — встрепенулся он вдруг. — Вы сказали «сразу двоих»? Я не ослышался? Двоих убили-с? — В нетерпении он отобрал у снова принявшегося пить воду Заметова стакан. — Да говорите же!

— Убивали двух, а убили одну, — не очень понятно начал объяснять Александр Григорьевич, но тут же

поправился. — Алена Ивановна, процентщица эта, с сестрой проживает. Так вот сестру тоже по голове стукнули, но не насмерть, оглушили только. В Обуховскую свезли. Наш поручик Илья Петрович хотел немедленно бежать, допросить, но капитан не дал. Не наше, говорит, дело. Это, говорит, пускай следственный пристав.

— Очень, очень верно рассудил почтеннейший Никодим Фомич!

Надворный советник просветлел лицом — сразу по двум причинам. Во-первых, преступление все-таки оказалось не европейское, а русское, на авось. А, во-вторых, живой свидетель — это совсем другое дело. Всё обрисует, всё расскажет, укажет на преступника, а там объявляй голубчика в розыск, и дальнейшее не наше дело, пускай полиция ищет.

Выходило, что а может оно и к лучшему. Не успел новый следственный пристав вступить в должность и тут же, в первую неделю, раскрыл умышленное убийство с ограблением. Начальству ведь все равно — был свидетель, не было, лишь бы дело закрыть и отрапортовать. Так вот вам, извольте-с. Очень недурно выйдет и для формулярного списка, и в смысле репутации.

Однако окрыленность мыслей осеняла Порфирия Петровича недолго. Когда они с письмоводителем вышли на улицу, чтоб направиться в Обуховскую больницу, надворного советника ударила новая мысль, тревожная.

— А она сильно зашиблена, сестра эта? Не померет-с?

— Этого сказать не могу. Ее когда увозили, в беспомоществе была. Процентщицу-то одним ударом, на-

повал. А у Лизаветы голова, что ли, крепкая. Или вскользь пришлось. Виноват, не скажу.

Александр Григорьевич развел руками, и у пристава снова тоскливо сжалось сердце.

Уже не обращая внимания на жару, он несолидной рысцой припустил вдоль улицы, Заметов за ним.

На углу Сенной пришлось остановиться, чтоб перевести дух, потому что одугловатый Порфирий Петрович совсем запыхался. Шумно вдыхая воздух и держась за бок, думал: здоровье ни к черту. Раньше бы — подумаешь, верстенку пробежать. Разумеется, лета уже не юные, однако иные в тридцать пять вон какими селезнями, а у нас извольте — сердце подорвано крепким кофеем да бессчетными папиросами, в желудке изжога от холостяковского питания, и от него же геморроидальная, mille rag-dons, шишка. Надобно, надобно записаться в заведение Клевезала что у Синего моста. Все хвалят. Даже тайные советники туда ходят — делать шведскую диетическую гимнастику. Говорят, помогает.

Обуховская
больница

Посокрушался так не более минуты, потом побежали дальше и очень скоро уже шагали по длинному больничному коридору, выкрашенному тоскливой гороховой краской.

Потребовали к себе доктора.

Тот вышел, устало потирая переносицу. На заданный дрожащим голосом вопрос: «Скажите-с, жива ль доставленная полицией Лизавета Шелудякова? И ежели жива, не пришла ли в память?» — ответил, что отлично жива, от удара оправилась, ибо ушиб невелик, и говорить вполне может.

Глава вторая

ПУСТОЕ-С

Удивительная вещь. Пока Порфирий Петрович пребывал в опасении, что свидетельница помрет, не успев ничего рассказать, он и спешил, и суетился, бежал со всех ног по духоте, так что не только себя, но и гораздо более юного Александра Григорьевича в пот вогнал. Услышав же от доктора, что свидетельница совершенно благополучна и может сей же час быть допрошена, надворный советник всю свою ажитированность потерял, а напротив сделался как-то вял и задумчив.

— Скажите-с, дружочек, — молвил он вполголоса, беря Заметова под локоть и уводя в сторону, к окошку, — какова она, эта Лизавета? Она ведь жительница вашего квартала, так, может, вы ее и прежде-с знали?

Письмоводитель с разгона еще переминался с ноги на ногу и рвался бежать дальше, к цели.

— Знать хорошо не знаю, а видел, — торопливо сказал он, оглядываясь в сторону палат (доктор разъяснил, что ушибленную Шелудякову поместили в номер двенадцатый). — В конторе. По делу о сдании младенца в Воспитательный дом. Идемте же, что вы?

Но пристав никуда не пошел, а вместо этого зевнул, прикрыв рот ладошкой, да еще и уселся на ши-

рокий подоконник, заболтал своими коротковатыми ножками.

— В Воспитательный-с? — уютно изумился он. — Это девица-то?

Увидев, что спешки более нет, полицейский письмоводитель приготовился рассказывать.

— Вы не подумайте ничего такого, Порфирий Петрович. Она, Лизавета эта, баба добрая и честная, никто про нее дурного не скажет. Вот сестра ее, покойная Алена Ивановна, та была истинная пиявица, навряд кто по ней заплачет. Вдвоем они проживали, на Екатерингофском. На ростовщичестве много нажить можно, особенно если сердца не иметь, а у Алены Ивановны этот орган навовсе отсутствовал. Жила она скудно, копеечничала, а сама богатая была.

— Теперь, стало быть, сестрице ее достанется, — понимающе кивнул Порфирий Петрович.

— Э, нет. Про старуху известно, что она всё состояние монастырю какому-то отписала, много раз прилюдно этим хвасталась.

— Ну, это, может, похвальба одна, а никакого завещания в природе не существует-с. Старухи, особливо жадные, удивительно неохочи духовную писать. Желают проживать вечно-с. Так что, очень возможно, ушибленная Лизавета через смерть сестрицы обогатится.

Заметов не сразу понял, куда клонит пристав, а когда понял, засмеялся.

— Ох, уж это вы... То есть совсем не туда. Если б я Лизавету не знал, то, может, и я бы что-нибудь такое вообразил, но нет, невозможно. Здесь надобно обстоятельства понимать. Процентщица сестру свою ни в

грош не ставила. Та намного моложе, лет на двадцать пять. Сводная, что ли. Старуха ее вместо прислуги держала. Обижала много, даже била. А та тихая, безответная. Никому ни в чем отказать не может. Оттого и поминутно беременная ходила, многие ее забитостью пользовались. Родит — и в Воспитательный дом несет, потому что Алена Ивановна всё одно младенца в дом не пустила бы.

— И что же-с, много у нее народилось этаких деточек? — тоном завязтого сплетника осведомился пристав и даже как бы слегка подхихикнул.

— Не возьмусь сказать. Да Лизавета и сама, может, со счету сбилась. Она ведь немножко того, — он покрутил пальцем у виска, — малахольная.

Порфирий Петрович так и вскинулся.

— Как малахольная, как малахольная-с? Говорить может? Мысли-с излагать?

— Говорить говорит, что же насчет мыслей, то где ей. Мысли во всем цивилизованном мире, может, человек у десяти сыскать можно, да и то сомнительно, — философски заметил на это Заметов.

— Это конечно так-с, если вы мысли в глубоком понятии трактуете, — протянул надворный советник, прищурился и без того неширокие глазки. — А скажите, славный Александр Григорьевич, что за публика пользовалась щедротами Алены Ивановны, то есть ее кредитом-с? Местные обыватели или же не только-с?

— Она ссужала не иначе как под залог, причем никогда не давала более четверти истинной цены. А на такое условие кто пойдет? Пропойца разве или человек в последней крайности. Но ходили, и многие ходили, потому что жадна очень была, любую

мелочь принимала, какой другие процентчики побрезгуют. Хоть в рублишко ценой, ей все равно.

— Совсем вы меня заговорили-с, — укоризненно объявил вдруг надворный советник, спрыгивая на пол. — Дело-с, дело-с прежде всего. Которая тут двенадцатая?

От такой несправедливости Заметов даже ахнул, но заявить протест не успел — пристав уже удалялся по коридору, пришлось догонять.

* * *

Лизавета Ивановна Шелудякова оказалась женщиной лет тридцати пяти, очень высокого роста, неуклюжей, смуглой, с большими, совершенно коровьими глазами. Она не лежала в кровати, а сидела, свесив ноги в стоптанных козловых башмаках, будто готовилась поскорей уйти из палаты, чтоб никого не обременять своим присутствием. Большая голова ее была перевязана белой тряпицей.

Доктор стал объяснять:

— Привезли — без сознания была. Но, полагаю, не от удара — со страху. Потому дал нашатырю — сразу очнулась. И давай скромничать. Разуть себя, и то не дала. Насилу перевязал. Там, впрочем, кроме умеренной шишки ничего. Ну, беседуйте, а вы все подите, подите, — замахал он на прочих больных.

Пятеро женщин, все по виду самого простого звания, безропотно поднялись со своих мест и, с любопытством оглядываясь, вышли в коридор. Заметов плотно прикрыл дверь.

— Сердечно рад знакомству-с, — сказал надворный советник перепуганной Лизавете, усаживаясь на стул и приятнейше улыбаясь. — А еще более осчастливлен чудесным вашим спасением-с. Это уж истинно, как говорится, Провидение Божье.

Он сделал постную мину и трижды перекрестился, но бойкий, с ртутным блеском взгляд не переставал обшаривать лицо Лизаветы. Она тоже всё глядела на пристава, но от робости не могла вымолвить ни слова. Подняла было руку для крестного знамения — да и не осмелилась донести до лба.

— А знаете, маточка вы моя, что я в лютой зависти пребываю. Да-с. — Все тело Порфирия Петровича затряслось в мелком смехе. — И к кому бы вы думали-с? К ним, — он обернулся к двери, — к товаркам-с вашим. Им-то вы уж беспрерывно всё рассказали, а я, хоть и пристав следственных дел-с, а ничегошеньки пока не знаю-с, сижу перед вами дурак дураком-с. — Он еще с полминуточки посмеялся, словно бы давая собеседнице время разделить с собою веселье, и заговорщицки подмигнул. — Ну, рассказывайте-с. Что видели? И главное, кого-с. Это для нас сейчас самое-рассамое.

Закинул ногу через коленку, сцепил пальцы — приготовился слушать. Заметов, стоявший у надворного советника за спиной, тоже весь обратился в слух. Приготовил книжечку с карандашом, записывать показание.

Лизавета молчала.

— Да вы по порядку-с, по порядку-с, — помог ей Порфирий Петрович. — Вы с сестрицей вашей дома были, так-с? Тут звоночек в дверь. У вас ведь, верно, колокольчик-с?

— Кнопка, — тихо ответила раненая, и пристав облегченно улыбнулся. Малахольная не малахольная, но вопросы понимает и отвечать может.

— Вот и отлично-с. Итак, раздался звонок — дзинь-дзинь, или трень-трень, я не знаю, как оно там у вас.

— Бряк-бряк, — поведала свидетельница. — Только меня дома не было.

— Это как же-с? — озадачился надворный советник.

— К куму ходила. Кум звал, чаю пить, в семом часе. — Кажется, Лизавета понемногу переставала бояться собеседника и сделалась поразговорчивей. — Сговорено у нас было.

Порфирий Петрович так весь и сжался. Вкрадчиво спросил:

— Минуточку-с. Правильно ли я понял, что вы в этот час дома быть не предполагали-с и Алене Ивановне следовало находиться в квартире одной-с?

Свидетельница захлопала ресницами, очевидно, не поняв вопроса.

— Кто знал, что тебя в гости позвали? — не вытерпел Александр Григорьевич.

— Кум знал, кума. Сестрица Алена Ивановна, — стала загибать пальцы Лизавета. — А больше некому.

— Ну хорошо-с, — слегка поморщился пристав. — Дальше рассказывайте.

— Пришла я к куму, а кума возьми и захворай.

— И вы, чаю не попив, отправились восвояси, домой-с?

Женщина кивнула.

— Вот с того самого момента-с, как вы по лестнице поднялись... У вас, позвольте поинтересоваться, который этаж?

— Четвертый, — подсказал Заметов.

— С того момента-с, как вы на четвертый этаж поднялись, как можно подробней-с, — попросил на-дворный советник. — Что услышали-с, что увидели-с.

Подумав, и довольно долго подумав, Лизавета неуверенно сказала:

— Ничего не слыхала.

— А что дверь-с?

— Незаперта была, вовсе. Я еще подивилась. Алена Ивановна всегда засовом укрывались.

— Так-так, — ободряюще закивал Порфирий Петрович. — И что же вы, вошли-с?

— Вошла.

— И куда же-с? В комнаты?

— В комнаты.

— А там что-с?

Лицо свидетельницы вдруг приняло совсем детское, обиженное выражение, из ясных глаз без малейшей задержки потекли крупные слезы.

— Алена Ивановна... на полу. — Лизавета всхлипнула. — Рученьку вот этак вывернула. Глаз открытый, смотрит. Думаю; куда это она смотрит-то, чего это она на полу-то.

— Ничком, что ли, лежала? — быстро перебил пристав.

Женщина шмыгнула носом, непонимающе глядя на чиновника, но на этот вопрос мог ответить Александр Григорьевич:

— Так точно, ничком, одна рука вперед вытянута, и голова вот этак вот повернута. А глаз, точно, открыт.

— А потом что-с?

Порфирий Петрович спросил и затаил дыхание, потому что беседа подобралась к самому важному месту.

— Гляжу — красное у ней в волосах, вот тут, — показала Лизавета на свой перевязанный затылок. — «Алена Ивановна, говорю, что это вы? Упали? Зашиблись?» На корточки присела, хотела помочь. Вдруг шорохнуло сзади...

Она снова заплакала, но теперь одними лишь слезами, без всхлипов. Надворный советник терпеливо ждал.

— Хочу обернуться, а не могу — страшно...

— Так и не обернулись? — тоже со страхом прошептал Порфирий Петрович, но уж и сам знал, каков будет ответ.

— Не насмелилась.

— А потом удар, темнота, и очнулись в больнице. Так что ли-с?

Пристав в сердцах хлопнул себя по колену и вскочил.

Свидетельница в испуге смотрела на него снизу вверх. Робко кивнула.

— Виновата, батюшка...

* * *

— Пустое-с! Всё пустое-с! — с тоскою приговаривал надворный советник, поднимаясь по лестнице большого мрачного дома, выходявшего одной стороной на Екатерингофский проспект, а другой на канаву. — А главное, так и чувствовал, что никакой потачки в этом деле мне не будет-с. Интуиция-с. Знаете такое слово?

— От латинского *intuitio*, что означает «постижение истины, непосредованное логикой», — блеснула Заметов, показывавший дорогу. — Вот здесь, в треть-

ем этаже ремонт, маляры работают. А в четвертом одна квартира пустая, в ней чиновник Люфт проживал, на прошлой неделе съехал, так что на площадке Шелудяковы остались одни.

— И про это он, вероятно, знал-с.

Порфирий Петрович остановился перед приоткрытой дверью, из-за которой доносились голоса.

— Кто «он», ваше высокоблагородие? — не понял письмоводитель.

— Преступник-с. И про съехавшего немца, и про Лизавету с ее «семым часом». Про захворавшую куму единственно-с лишь не знал. Хоть это обнадеживает, всё-таки не вездесущий сатана, а тленный человек-с.

Вздыхнув, надворный советник нажал медную кнопку звонка. Колокольчик, в самом деле, как и говорила свидетельница, издал какой-то брякающий, надтреснутый звук.

Не дожидаясь отклика, вошли.

В квартире, невзирая на поздний час, было светло — июльское солнце еще не спустилось за крыши.

— А-а, привели? — оглянулся на письмоводителя квартальный надзиратель, седоусый капитан с добродушным лицом в мелких красных прожилках. — Что-то долгонько вы, Порфирий Петрович.

Коротко и как бы рассеянно объяснив причину задержки, следственный пристав быстро завертел во все стороны своею замечательно круглой головою. На лежащий у стола труп пока нарочно не смотрел — приглядывался к обстановке, впрочем, нисколько не примечательной.

Небольшая комната с желтыми обоями, геранями и кисейными занавесками на окнах. Мебель, вся очень старая и из желтого дерева, состояла из дива-

на с огромною выгнутою деревянною спинкой, круглого стола овальной формы перед диваном, туалета с зеркальцем в простенке, стульев по стенам да двух-трех грошовых картинок в желтых рамках, изображавших немецких барышень с птицами в руках, — вот и вся мебель. В углу перед небольшим образом горела лампада. Все было очень чисто: и мебель, и полы были оттерты под лоск; все блестело. Ни пылинки нельзя было найти во всей квартире. «Это у злых и старых вдовиц бывает такая чистота», — отметил про себя надворный советник и с любопытством покосился на ситцевую занавеску перед дверью во вторую, крошечную комнатку, где виднелись постель и комод. Вся квартира состояла из этих двух комнат.

— Спальня? Так-так-с, — промурлыкал сам себе Порфирий Петрович, заглянув в соседнее помещение.

То была крошечная комната с огромным киотом образов. У другой стены стояла большая постель, весьма чистая, с шелковым, наборным из лоскутков, ватным одеялом. У третьей стены был комод с выдвинутыми и отчасти даже вывернутыми ящиками. Из-под кровати торчал раскрытый сундук, вокруг которого на полу валялись какие-то сверточки и кулечки. Порфирий Петрович поднял один, прочел надпись на бумажке «7 июня, студ. Линчуков, 3 р. 25 к., 1 мес.».

— Это она заклады сюда складывала, — пояснил надзиратель Никодим Фомич. — Целая бухгалтерия. Видите — число, имя закладчика, сумма, срок.

Пристав покивал, пошарил по ящикам комода под бельем и достал оттуда изрядный пук кредиток, пере-

тянутый красненькой лентой. Покачал на руке, передал квартальному.

— Пересчитайте-с. — И продолжил поиск.

Просмотрел какие-то бумажки, извлек потрепанную тетрадку и с чрезвычайным вниманием в нее уткнулся.

Кредитный билет
(в обиходной речи «кредитка»)

— Три тысячи сто двадцать пять рублей, — доложил Никодим Фомич. — Не нашел, видно. И из сундука лишь немного прихватил, с самого сверху. Там в сверточках не только дрянь. Золото есть, прочие ценные вещички. Спутнули его, что ли? Лизаветиного прихода напугался? Запросто мог бы, после сестры-то, сюда вернуться и остальное добрать.

— Загадка-с, — признал Порфирий Петрович, сунув тетрадку в карман и все вертя головой по сторонам. — Что орудие убийства?

Закончив осмотр, наконец, подошел к мертвому телу.

Старуха лежала в точности, как описал Заметов: ничком, выворотив одну выброшенную руку. Откры-

тый глаз мерцал стеклянным блеском. Крови на затылке было немного, она запекалась под жиденькой, скрученной в баранку седой косичкой.

Надворный советник набрал полную грудь воздуха и зажмурившись полез пальцами в рану. Лицо его сделалось бледным, однако руку Порфирий Петрович убрал нескоро.

— Прямоугольный пролом... Вершка полтора на три четверти... — сообщал он, с каждым мгновением все больше бледнея. На лбу выступили капли. — Пожалуй, обух небольшого топорика... Удивительной силы удар. Как это Лизавете свезло?

Наконец выпростал пальцы, мельком поглядел на них и покривился.

— Эй, умыться его высокоблагородию, — велел квартальный одному из солдат (полицейских в квартире кроме начальника было еще четыре человека).

Тщательно выполоскав загрязнившуюся руку в тазике и чистя специальной щеточкой ногти, надворный советник резюмировал:

— Удобнейшая вещь для убийства — топорик. Под мышкой какую-нибудь петельку или ляпочку соорудил, подвесил, и под одеждою не видно-с. А выхватить можно в секунду.

Он показал, как можно выхватить из-под мышки топор и ударить сверху вниз.

— По макушке, — задумчиво протянул Порфирий Петрович. — Сзади-с. Отсюда что следует?

— Что? — спросил капитан.

— А то, что убитая преступника не опасалась, так что сама в комнаты провела, да еще спиною к нему оборотилась. И во-вторых-с, что он росту выше сред-

него, ибо бил сверху и пришлось прямо в маковку. Людей по лестнице и во дворе опросили-с?

Никодим Фомич приосанился:

— Как же, первым делом. Никто ничего.

— Чуюло сердце, чуюло, — жалобно молвил надворный советник. — С самого начала, как только господин Заметова увидел. Единственно вот что... — Он повернулся к письмоводителю. — Александр Григорьевич, душа моя, не в службу, а в дружбу. Вы все имена и сведения с бумажечек, в которые заклады-то обернуты, перепишите к себе. А после милости прошу ко мне на квартиру. Полночь, полночь — неважно-с. Нам теперь все одно не спать. Господин капитан, одóлжите мне письмоводителя вашего в помощники? Очень уж толковый юноша.

Александр Григорьевич зарозовел от удовольствия и посмотрел на квартального с надеждою и страхом — не откажет ли. Но Никодим Фомич улыбнулся в усы и успокоительно подмигнул:

— Что ж, пускай. Скучно, поди, штаны в конторе просиживать.

— Благодарю-с. А в целом скверно, господа. Следов никаких-с, и свидетелей нет. — И пристав, уныло махнув рукой, вышел на лестницу.

Глава третья

ПРО ПОРФИРИЯ ПЕТРОВИЧА

Однако пришло время познакомиться с главным героем нашего повествования ближе, ибо история, приключившаяся с ним в жаркие июльские дни 186... года, возможно, обрисует его не самым привлекательным образом, а между тем это был человек в высшей степени замечательный. Не типичностью своего характера — о, отнюдь, так что критиков, требующих, чтобы герой непременно был носителем современных веяний, *выразителем эпохи*, эта личность, пожалуй, приведет в негодование. Порфирий Петрович, хоть и относился к завоеваниям прогресса с почтением, но кумира себе из них не сотворял, а по строгой приверженности установленным правилам и в особенности по своей старомодной манере говорить скорее мог быть отнесен к ретроgrадам. Одно, пожалуй, несомненно: это был человек странный, даже чудак. Чудак же в большинстве случаев частность и обособление, так что в «типические характеры» Порфирий Петрович никак не подходил. Но что был бы за интерес и вкус в жизни, если б ее населяли сплошь одни «типические характеры»? Бог с ними совсем. Может, их на свете и вовсе не существует, разве что в воображении г.г. критиков.

История рода, от которого происходил наш герой, довольно необычна. Согласно преданию, бытовавшему в семье, но не подтверждаемому никакими письменными свидетельствами, ибо все фамильные документы сгорели от пожара еще в первой половине предшествующего столетия, предком Порфирия Петровича был служилый немец хорошей крови, то ли фон Дорн, то ли фон Дорен. Потомки чужеземного пришельца прижились в России и расплодились во множестве колен, одни из которых возвысились, другие же захудали и впали в ничтожество. К сим последним относилась и линия Порфирия Петровича, дед и прадед которого были вовсе неграмотны, сами пахали землю и за утратой родовых грамот числились уже не дворянами, а однодворцами. К тому времени не только звание, но и самая фамилия их была утрачена. То есть не то чтобы полностью, однако же подьячий, выписывая погорельцам новые бумаги взамен сгоревших, недослышал и записал их «Федориными», а они по неграмотности проверить не могли.

Повторное возвышение рода началось недавно, с родителя нашего героя.

Будучи слабого здоровья, к крестьянскому труду Федорин-отец был негоден и поступил в семинарию, намереваясь переписаться в духовное сословие. Там он учился в одно время с самим Михайлой Михайловичем Сперанским и, подобно сему титану российской истории, променял подрясник на сюртучок мелкого чиновника. Но, в отличие от великого одноклассника, талантами не блистал и долгое время не мог подняться выше четырнадцатого класса. Лишь на самом закате своего кометоподобного фавора Михайла Михайлович, случайно повстречав

где-то былого знаконца, обласкал его и назначил на хорошую должность, но и эта улыбка Фортуны обернулась насмешкой. Благодетель низвергся в прах, по слухам, едва избежав казни, а его благоволение легло на формулярную судьбу Петра Федорина черным пятном.

К шестому десятилетию своей жизни отец Порфирия Петровича окончательно признал свою жизнь полностью неудавшейся. Вечный титулярный советник, он жил бирюком. Жениться не женился, ибо не мог сыскать пары. Женщины, ему нравившиеся, не пошли бы за человека бедного и немолодого, а тех, какие пошли бы, ему самому было не надо. Он уж начал хлопотать в смысле пенсионера, надеясь в самом лучшем случае получить годовых рубликов сто, но тут солнце вновь выглянуло из-за туч. После десятилетней опалы Сперанский вновь воссиял в блеске — уже не в таком, как прежде, но все же весьма значительном: сначала вершил суд над злосчастными декабрьскими мятежниками, потом был наставником цесаревича, членом всевозможных комитетов и комиссий, удостоился графского титула.

Повторно вознесясь, граф Михайла Михайлович особенно отличал тех, кто не отвернулся от него в тощие годы. Тут Федорину-старшему и приго-

М. М. Сперанский

дились записочки, которые он исправно посылал поверженному временщику ежегодно ко дню ангела.

В короткий срок безвестный титулярный советник выслужил потомственное дворянство, а затем и звезду, но что гораздо важнее для нашего повествования, женился на славной девушке-смолянке и родил сына. Из этой истории следует, что человеку ни в каком возрасте не следует ставить на жизни крест, ибо все еще может повернуться.

Ко времени, когда пришло время определять юного Порфирия на жизненное поприще, его можно было бы поместить хоть в Пажеский корпус, так как отец уже ходил в генеральских чинах. Но мальчик рос неуклюжим, слабосильным, да и что за имя для гвардейца или дипломата Порфирий?

Неблагозвучное это наименование возникло почти что случайно. По причине своего очень немолодого возраста будущий отец ребенка ужасно волновался, не родит ли жена мертвенького или увечного, и дал перед иконой обет: наречь сына либо дочку, это уж как Господь рассудит, именем первого же святого, кто в сей день проставлен в Святцах. Ну и пришлось на святителя Порфирия, памятного тем, что избавил первохристиан Святой Земли от притеснения язычников.

За нерасположенностью к военной карьере мальчик был отдан в незадолго перед тем учрежденное Училище Правоведения, что на Фонтанке, дабы направиться по гражданской линии, то есть отцовской стопой. Так, на четырнадцатом году жизни, и определилась его судьба.

Вот вам два случая из жизни юного Порфирия Петровича, обрисовывающие этот характер.

* * *

Первый — из той поры, когда отрок только-только сделался одним из полутора сотен «чижиков», как называли правоведов за цвет их желто-зеленых мундирчиков.

По проверке знаний Порфирия определили в шестой класс, следующий за самым младшим, седьмым, то есть он попал в среду, уже сложившуюся, члены которой успели притереться друг к другу. Известно, как жестоки к новичкам подобные подростковые общества. Пришельцу, если он не силен физически или не как-нибудь особенно хитроумен, утвердиться в них трудно — стая сплочается против него.

Правоведы

В классе, куда зачислили Порфирия, как это заведено почти повсеместно, был обычай «цукать» новеньких, причем свежепринятому предлагался выбор: он мог либо стать «арапкой», то есть всеобщим прислужником вплоть до появления следующего новичка, либо доказать свою храбрость, пройдя испытание.

Низенький мальчик наморщил лоб, похлопал белыми ресницами и тихо, но твердо заявил, что ничьим «арапкой» он не будет, после чего пожелал узнать, в чем именно состоит испытание.

Ему рассказали — в несколько голосов, страшным шепотом, выкрутив глаза.

В одном из дворов училища имелась старая конюшня, давно пустовавшая по причине обветшания. По преданию, то была единственная постройка, которая уцелела от времен жестокого герцога Бирона, которому сто с лишком лет назад принадлежало это владение. На конюшне истязали провинных и многих засекали до смерти, отчего по ночам там слышны жуткие стоны, а иной раз и являются души замученных. В этом-то нехорошем месте новичку и предлагалось пробыть с вечера и до рассвета.

Порфирий ужасно побледнел, потому что очень страшился привидений, но, как говорится, более всего на свете страшился страха, а потому согласился.

До полуночи худо-бедно продержался, только продрог в одной рубашке, но едва донесся звон курантов, из угла раздались кошмарные звуки: свист кнута, душераздирающие стоны. Когда же из тьмы выплыли белые фигуры, мальчик с криком выбежал на двор и там пал на камни без чувств.

Шутники (ибо роль призраков исполняли двое самых отчаянных в классе шалопаев) выскочили следом и попытались растормошить сомлевшего, но обморок был глубокий. Привести ребенка в чувство удалось лишь к вечеру следующего дня, немалыми усилиями врачей.

Начальство строго допросило Порфирия, что он делал во дворе посреди ночи и почему найден простертым на земле. К тому времени мальчик уже знал от самих заговорщиков, в чем заключается тайна страшной конюшни, однако не выдал их, а лишь твердил, опустив глаза: «Что вышел — виноват-с. А что упал-с, так это зашумело в голове, ничего не помню-с». (Обыкновение говорить с обильными словесами возникло у него с детства, от папеньки, и осталось на всю жизнь.) Больше ничего от новенького добиться не могли, лишь про то, что «зашумело в голове».

Получил Порфирий строгое наказание: три дня карцера и месяц без домашних отпусков, да еще в училище задразнили, придумав обидную песенку, которая, кстати говоря, с того самого случая и сделалась известна всему городу — про чижика-пыжика, что выпил рюмку, выпил две, зашумело в голове. Однако и жестоко дразнимый товарищами, Порфирий обидчиков не выдал.

Из этой маленькой истории видно, как уже с раннего возраста в нем сочетались чрезвычайная впечатлительность и столь же необыкновенная твердость характера. Первое из этих качеств с возрастом отнюдь не исчезло, лишь внешне стало менее приметным. Второе же, пожалуй, только усилилось.

* * *

А вот вам еще один эпизод, дополняющий портрет нашего героя и демонстрирующий другие две характернейшие его черты: неостановимую дотошность и редкую неустрашимость. Причем последняя черта тем удивительнее, что в людях обостренно впечатлительных, готовых впасть в продолжительный обморок от химеры, храбрость встречается редко, не то что в натурах бесхитростных и воображением обделенных.

Дело было вскоре после того, как Порфирий Петрович вступил на стезю казенной службы.

Начало его карьеры складывалось неблестяще. Учился он своеобразно: не выказывал успехов ни в римском праве, ни в торговом, ни же в гражданском судопроизводстве, зато шел первым по праву уголовному и полицейскому, а также специальным дисциплинам вроде психологии, токсикологии либо судебной медицины. Уже тогда определилось, что юноша имеет склонность к службе, связанной с пресечением и расследыванием злоумышленных преступлений. Из-за неровности успехов выпущен Порфирий Петрович был по второму разряду, то есть всего лишь губернским секретарем, и угодил в отдаленную, ничем не примечательную провинцию, судебным следователем. Кроме скромности академического балла сыграло роль и то, что к сему времени и папенька-генерал, и граф Сперанский успели покинуть земную юдоль, оставив выпускника-правоведа безо всякой протекции.

Впрочем, сказать, что губерния, куда отправили Порфирия Петровича, совсем уж ничем не блиста-

ла, было бы не вполне верно. Она, точно, не отличалась ни выдающимися памятниками, ни историческими реликвиями, зато — и это даже на весьма неблагоприятном фоне нашей провинциальной жизни — выделялась какой-то особенной скверностью нравов. Начальство, пользуясь удаленностью от столиц, изолгалось и изворовалось до степеней совершенно невиданных и даже, можно сказать, фантастических.

Губернатором там двадцать с лишком лет сидел всё один и тот же лихоимец, окруживший себя еще худшими негодяями, так что ни в учреждениях власти, ни в судах добиться правды было решительно невозможно. Всё, что производилось в губернии, волоклось и засасывалось в одно жерло, а уж оттуда, по расположению местного властителя, распределялось между ним и его присными. Всякое сопротивление произволу было давным-давно истреблено, и население смиренно терпело любые притеснения, подобно стаду безгласных овец, которые не осмеливаются даже блять, когда с них стригут шерсть либо тащат на бойню.

Но сколь веревочке ни виться, а рано или поздно конец сыщется.

Едва юный правовед прибыл к месту службы, едва успел оглядеться и прийти в содрогание от окружающей мерзости, как на губернию обрушилось великое потрясение.

То ли до столицы наконец дошли слухи о злоупотреблениях, то ли имелась какая иная причина, но в губернский город, совершенно как в известной комедии, нагрянул ревизор из Петербурга. То есть поначалу-то как раз не грянул, а прибыл тихонечко, парти-

кулярным порядком. Пожил некоторое время инкогнито, собрал сведения, а потом взял, да и потребовал к ответу всё местное начальство.

Предложенную взятку с негодованием отверг, ибо оказался человек честный. Мало того — еще и дельный, что на Руси с честными людьми почти никогда не бывает. Собрал у себя в особенном портфеле такие бумаги, такие доказательства, что губернатору и всем его помощникам оставалось либо в каторгу, либо в петлю.

После грозного разноса собрались отцы города на тайное совещание. Сколько ни думали, спасения измыслить не смогли. Тогда и возникла отчаянная идея: ревизора живым из губернии не выпускать, а пресловутый портфель изничтожить.

Легко сказать! Приезжий чиновник был в генеральском чине, лично известен государю. Да если такой человек, находясь на ревизии, отдаст Богу душу в хоть сколько-то подозрительных обстоятельствах — беда. Взамен нагрянет целая следственная комиссия и камня на камне не оставит.

Так одними разговорами (и то в самом что ни на есть доверенном кругу) и закончилось.

Стали готовиться к худшему. Вице-губернатор на свои средства новую церковь заложил — душу спасать. Председатель казенной палаты, у которого как раз оказался выправлен паспорт для поездки на воды, вмиг собрал семейство и, не прощаясь, отбыл в чужие края. Прочие чиновники кто запил, кто слег в нервной горячке, кто усердно переписывал имущество на родственников.

И вдруг, перед самым отбытием ревизора и страшного его портфеля восвояси, случилось чудес-

ное событие. В последний день пошел генерал на речку искупаться, да и прямо там, в купальне, на глазах у прислуги, пал мертвый без каких-либо видимых причин.

Натурально, произошел ужаснейший переполох. Что? Как? Не было ли злого умысла?

Наехали доктора, примчался губернатор. Все бледные, трясутся.

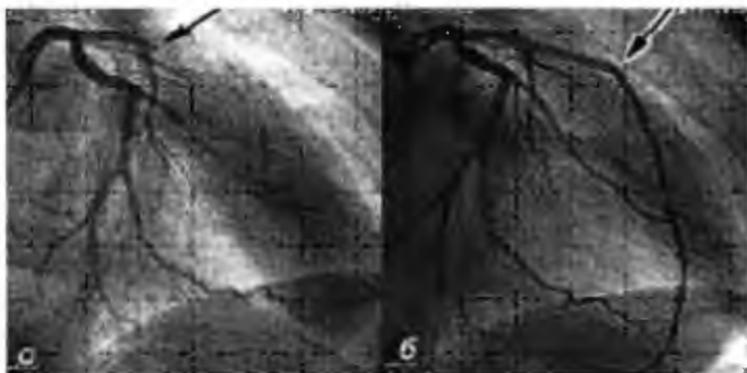
Однако ни малейших признаков злодейства не усматривалось — лишь явные и несомненные приметы ординарнейшей смерти от удара.

Несколько забегая вперед, сообщим, что смерть высокого лица все же произошла по основаниям не вполне естественным, и даже вполне *неестественным*, однако исполнено всё было до того ловко, что придраться казалось невозможным.

Учинили вскрытие, при котором присутствовали чуть не все городские врачи. Определили *causa mortis* — разрыв сердечного мускула, и все подписались под соответствующим документом. Затем обложили тело льдом, поместили в свинцовый гроб и отправили в Санкт-Петербург. Если тамошние доктора пожелают перепроверить диагноз — ради Бога. А что из гостиничного номера пропал некий портфель, так то, может, слуги самого покойника и украли. Впрочем, в суматохе и неразберихе о портфеле как-то никто и не поминал.

Замысел здесь был весьма прост. Конечно, из столицы пришлют нового ревизора и, возможно, еще более сурового, но пока он будет добираться до сего медвежьего закоулка, многие концы удастся спрятать, да и вообще, как гласит античная максима, *praemonitus praemunitus*, то есть «предупрежденный вооружен».

Так бы всё и устроилось, если б не маленькая ошибка, допущенная губернскими хитрецами.

Разрыв сердечного мускула

Для вящей приличности постановили провести расследование, ибо как же иначе — такой большой человек скоропостижно скончался. Дело поручили Порфирию Федорину, рассудив, что следователь-правовед — оно и для отчета солидно, и безопасно. Ни до чего мальчишка не докопается, поскольку зелен и никого в городе не знает.

Не ведая этой подоплеки, Порфирий Петрович взялся за работу с пылом. Выяснил, что за два дня до кончины, ужиная в трактире, ревизор отравился несвежею рыбой. Умереть не умер, но сильно расхворался, и по сему поводу был у него Штубе, известнейший в городе лекарь, который пользовал и губернатора, и всех первых лиц.

Потребовал следователь немца на допрос. Тот явился, само благодущие. Точно так-с, говорит, не отпираюсь, имел честь лечить его превосходительство. И преотлично вылечил. Прописал отличнейшие

лекарства которые за полтора суток восстановили господина генерала в совершенном здравии. В доказательство Штубе предъявил собственноручную записку ревизора, писанную утром в день смерти. В письме ревизор благодарил за лечение и уведомляя, что теперь почти совсем уже здоров, лишь несколько ослаб.

Порфирий Петрович лекаря отпустил, а сам кое о чем потолковал со слугами покойника, готовившимися отбыть в скорбное путешествие с мертвым телом. Однако ничего подозрительного из их показаний, надо думать, не добыл, ибо на этом расследование закончилось.

Гроб увезли. Отцы города хорошенько подготовились к повторной ревизии, успокоились. Так миновал месяц.

Вдруг является наш Федорин к губернатору в полном мундире, при шпаге, и делает чрезвычайный доклад.

Так мол и так, ревизор-петербуржец злодейски умерщвлен происками доктора Штубе. Был доктор у выздоравливающего в самый канун кончины, для последнего освидетельствования. Во избежание застоя внутренних жидкостей выпустил из жилы три полные склянки крови, после чего велел выпить бутылку красного вина и принять речную ванну. От этих-то мер сердце у генерала и лопнуло. Посему следствие нужно открывать заново, чтобы выяснить, сам ли действовал доктор или по чьему наущению.

Губернатор, которому Штубе был друг и первейшее доверенное лицо, поначалу не слишком встревожился. Ах, говорит, милейший Порфирий Петрович,

молоды-зелены вы, по горячности сердца чрезмерно увлекаетесь. Не мог Карл Иванович пациенту дурного насоветовать, ну а если и ошибся, то и на старуху бывает проруха. От врачебной ошибки до злодейского умысла на государственную особу дистанция ого-го какая.

Ничего-с я не увлекаюсь, прехладнокровно отвечает ему Порфирий Петрович. Вот у меня письменные показания, взятые у камердинера и кучера. Тут и про кровь, и про вино, и про речную ванну есть. А что до врачебной ошибки, так я запрос послал в Санкт-Петербургскую академию, и светила медицинской науки пишут, что ни один лекарь никогда не стал бы ослабленному болезнью человеку пускать кровь, а после, напоив вином, отправлять на купание в холодной воде, ибо по всем законам науки от сего должен воспоследовать удар — чем и закончилось.

Здесь губернатор спокойствие утратил, схватился за сердце. Зачем, мол, по этакому нешуточному делу в академию написали самоуправно, с начальством не обсудив?

А Порфирий Петрович ему: я, ваше превосходительство, не только в академию, я и в министерство отписал, так что ожидайте уже не ревизора, а самострожайшего уголовного расследования всей этой истории.

И начались с того дня для вчерашнего правоведа страшные времена, продлившиеся полтора месяца, вплоть до самого прибытия столичной комиссии. Как только жив остался — одному Господу известно.

Сначала на него разбойники напали, посреди бела дня, прямо на городской улице. Хотели следователю голову кистенем проломить. Федорин от них бежал, кое-как отмахивался тростью, кричал во все горло «караул!», да полиции поблизости не случилось, ни единого будочника. Хорошо, прохожие заступились, выручили.

Но на том не кончилось. Очень вскоре некая девушка, из тех, что, выражаясь языком паспортным, «живут от себя», вдруг подала на скромнейшего Порфирия Петровича жалобу, что он ее будто бы обесчестил посредством насилия, и, главное, немедленно сыскались свидетели.

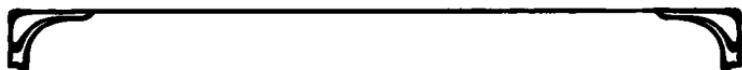
Обвиненный угодил в губернскую тюрьму и в первую же ночь чуть не был там убит уголовными. Во вторую ночь его уж точно бы извели, но, не дожидаясь темноты, Порфирий Федорин перелез через стену и спрятался. До самого приезда комиссии просидел в погребе у одной сочувствовавшей ему молодой особы, рассказ о которой сейчас к делу не относится (это совсем иная, до чрезвычайности грустная история, Бог с ней совсем — как-нибудь в другой раз).

В конце концов для нашего героя всё разрешилось благополучно. Справедливость полностью восторжествовала. Губернатора и еще с десятков чиновников увезли под конвоем в столицу на суд, а убийца-лекарь перерезал себе горло. Этот Штубе, даром что с тех пор миновало полтора десятка лет, и поныне иногда снится Порфирию Петровичу — таинственно глядел, улыбался, помахивая окровавленной бритвой, а говорить ничего не говорил.

Шумная эта история карьере молодого юриста не поспособствовала, скорее напротив. Быв переведен

на новое место, с самыми лестными аттестациями, он обнаружил вокруг себя всеобщую мнительность и опаску, ибо слава поспела туда еще прежде его приезда. Какому же начальству понравится чиновник, который чуть что в столицы пишет и комиссии призывает?

Долгими кропотливыми усилиями, тщанием и усердием Порфирий Петрович одолел первоначальное против себя предубеждение, завоевал и уважение, и приличествующее положение. А после одного прошлогоднего расследования, на которое мы здесь опять-таки отвлекаться не станем, попал на заметку к высшему начальству. Вне очереди пожалованный чином, был призван на ответственную должность, следственным приставом одной из населеннейших частей столицы. Только прибыл, не успел еще, как говорится, крылья расправить — и нá тебе: ужасное убийство, да еще из того разряда, который в следовательской среде называют некрасивым словом «тупняк» или «топняк», по-разному выговаривают. При первом звучании имеется в виду тупиковость расследования, при втором — что впору топиться, всё одно истины не дознаешься.

Глава четвертая

Р.Р.Р.

Город, за день набравший полную каменную грудь зноя, теперь выдыхал горячий воздух обратно, так что и ночью облегчения не предвиделось. Надоедливое летнее солнце, совсем ненадолго убравшись на крыши, в самом незамедлительном времени высунулось с другой стороны, однако Порфирий Петрович не заметил рассвета, как перед тем не обратил внимания на наступление сумерек.

Он работал.

Сначала листал прихваченную из комода тетрадку и что-то из нее копировал своим маленьким, истинно бисерным почерком. Потом, это еще засветло, письмоводитель принес списанные в блокнот имена закладчиков и был отправлен в новую рекогносцировку — опрашивать Лизавету обо всех знакомых убитой. Пока Александр Григорьевич отсутствовал, пристав перенес имена на маленькие бумажные квадратики, по человеку на карточку. Получилось немало, четыре с лишком десятка. Когда вернулся Заметов, стопка увеличилась еще на пять имен (знакомцев у покойной Алены Ивановны было мало: четверо деловых да один священник).

Александр Григорьевич уселся в кресло и приготовился наблюдать, как следственный пристав станет

разгадывать тайну преступления, но ничего особенно интересного не происходило. Надворный советник, переодевшийся в стоптанные туфли и халат, всё сидел перед столом, шевелил губами да шелестел карточками: то так разложит, то этак.

Посидел Заметов, посидел, не осмеливаясь препятствовать мыслительной работе пристава разговорами, да и уснул. А Порфирий Петрович курил папироску за папироской, ерошил редкие, легкие как пух волосы на темени, тоскливо бормотал: «Вразуми Господи, подскажи. Пожалей болвана безмозглого». Бумажки же так и летали из стопочки в стопочку слева направо, справа налево, будто карты в пасьянсе.

Часу этак примерно в четвертом Александр Григорьевич пробудился оттого, что надворный советник тряс его за плечо.

— Вставайте, батюшка, вставайте-с. Вот вам перо, вот бумага. Пишите-с.

Письмоводитель, зевая, сел за стол.

— Что писать?

Он увидел, что карточки разложены по-новому, иначе чем прежде, а на большом листе изображено подобие таблицы со многими графами, незаполненными.

— Метода готова-с, — объяснил Порфирий Петрович, потирая красные от бессонной ночи веки. — Вот сюда, в левую колоночку, все имена перепишите, в столбик. Далее звание, род занятий, пол, возраст, размер ссуды, заклад, срок возврата, адрес. Важнее всего две последние графы. Вот эта, физическое состояние субъекта — в смысле, мог топором-то или нет. И вот эта: есть или нет *alibi* на момент преступления. Наша

с вами ближайшая работа — все эти клеточки сведениями заполнить. Тогда список усохнет, съжигится до нескольких имен, вот увидите-с.

Окончательно проснувшись, Заметов задал вопрос, который не давал ему покоя еще давеча, когда он наблюдал за размышлениями пристава и не решался их прервать.

— Порфирий Петрович, ну а ежели убийца свой заклад унес, чтоб имени нам не оставлять, тогда как?

— Не смею на сие и надеяться. Слишком было бы просто-с. Вот видите-с? — Надворный советник достал из кармана тетрадку, взятую им из комода процентщицы. — Шелудякова сюда все сведения записывала. У нее тут всё честь по чести, с адресами, с именами-отчествами. Я сравнил с вашими обертками. Всего пяти недостает-с. Эти пятеро у меня в стопочке самыми верхними лежат-с. Однако излишне на сей счет не обнадеживаюсь. Проверим их, конечно, в наипервейшую очередь, однако уверен, что злодей ухватил свертки наугад, прямо сверху, горстью-с. Вы пишете, пишете. Сюда вот имя, отчество, фамилию, — показал пристав еще раз.

Александр Григорьевич обмакнул перо, занес его над бумагою и остановился.

— Не поместится. Мало места оставили. Даже если фамилию с инициалами — все равно не поместится.

Пристав ужасно расстроился собственной оплошности.

— Не сообразил, виноват-с. Ай, досада какая! Битый час таблицу по линейке рисовал, все пальцы перепачкал, а про это не додумал-с!

Попричитав некоторое время таким манером, махнул рукой:

— Знаете что, голубчик мой, вы одними инициалами обозначайте, тремя буквами. Да еще номер каждому проставьте. Ничего, авось не перепутаем-с. Я их всех уж наизусть успел выучить. Ну, пишите, а я пока кофею сварю.

* * *

За кофеем Порфирий Петрович изучал таблицу, помечая некоторые номера карандашиком как наиболее обещающие. Так доскользил он грифелем до 27-ой позиции, (это был студент, тому три дня заложивший копеечные серебряные часы), не заинтересовался и двинулся было дальше, но вдруг дернулся всем телом, подобрался и быстро-быстро захлопал глазами.

— Так-так-так, — скороговоркою пробормотал на дворный советник, вскочил, подбежал к коробкам, в которых лежали у него книги и бумаги, еще не переправленные в казенную квартиру, и принялся в них рыться, приговаривая: — Где же-с, где же-с... Ах, нет, неужто... Но позвольте-с, я же доподлинно... — и прочую подобную чепуху.

Заметов смотрел на его странное поведение во все глаза.

— 27-ой — это у нас студент Раскольников, верно? — обернулся с корточек Порфирий Петрович.

Взяв карточку, письмоводитель подтвердил:

— Точно так. Студент Раскольников Родион Романович, проживает в Столярном переулке, в доме Шила. Помню такого, на него квартирная хозяйка жало-

валась. Учился в юридическом факультете, но бросил. Не платит и не съезжает. А что он?

— Родион Романович, ну да-с. — Пристав с досадой отпихнул коробку. — Газеты-то переправил... Неужто... Да нет, невозможно-с... Хотя отчего же... В юридическом, говорите?

— Кажется, так. А чем он вас привлек? — Александр Григорьевич с любопытством просмотрел карточку, заглянул и в таблицу, но решительно ничего подозрительного не заметил. — Имеете основания полагать, что это он, старуху-то? Какие?

— Почти никаких-с. Просто фантазия-с, проверить надо, — уклонился от ответа Порфирий Петрович и ни с того ни с сего хлопнул себя по лбу. — А редактор-то!

— Что «редактор»?

Но надворный советник, кажется, и не услышал.

— Ну и Митю, конечно... — опять понес он невнятицу, прищуренно глядя в окно. — И это уж непременно. Митю нынче же. А вы, славный мой, вот что, — обратился он уже не к своим мыслям, а к письмоводителю. — Вы еще прежде, чем первые пять номеров проверите, у которых заклады пропали, выясните-ка всё как возможно подробнее про этого студента. Особенно на предмет местонахождения господина Раскольников в момент убийства. И ступайте, ступайте.

Он чуть не вытолкал Заметова в прихожую.

— Мне в съезжий дом нужно, неотложно-с.

— Поспали бы, хоть часок, — успел крикнуть Александр Григорьевич до того, как его окончательно выпихнули на лестницу, но вместо ответа у него перед носом захлопнулась дверь.

* * *

В продолжение дня пристав и его помощник каждый занимались своим делом, так что в назначенный час (к ужину) оба явились с уловом. Судя по сияющей физиономии письмоводителя, он кое-что раскопал, да и у Порфирия Петровича вид был довольный, словно у полакомившегося мышью кота. Заметов хотел сразу же начать рассказывать, уж и записки свои достал, но надворный советник остановил его:

— Прежде всего подкрепим материю, которая, согласно новейшим европейским учениям, следует прежде духа. Поди, не завтракали, не обедали? — участливо спросил надворный советник. — Я, признаться, тоже-с. Эй, человек! Принеси-ка нам, дружок, графинчик анисовой, шей горшочек и что там у вас, стерлядку привезли? Давай!

Встреча была назначена на Садовой, в трактире «Пале-де-Кристалль», отличавшемся преогромными, от пола до потолка, окнами, отчасти оправдывавшими громкое название. Хрустальный чудо-дворец, возведенный тароватыми англичанами для Всемирной выставки сплошь из стекла и железа, у нас видели разве на картинках, однако до того впечатлились сим провозвестием будущих чудес архитектуры, что стеклянные веяния сказались даже и на трактирах.

Не успел Александр Григорьевич отломить кусочек хлеба и намазать его маслом, как пристав, противореча собственным словам о материи, нетерпеливо спросил:

— Ну, что те пятеро и Раскольников?

Хрустальный дворец в Лондоне

Отложив хлеб, письмоводитель принялся докладывать.

— Меж пятерых, чьи заклады похищены из старухино сундука, трое причастны быть не могут. Нумер второй неделя как в больнице с горячкой, и доктора говорят, что вставать с кровати никак не способен. Нумер третий как неисправный должник сидит в яме. Нумер пятый вчера в седьмом часу был на поминках и никуда оттуда не отлучался, что подтверждает большое количество свидетелей.

— Хорошо-с, — наклонил голову Порфирий Петрович. — Далее.

— Остаются двое. Нумер первый, вдова губернского секретаря Аксинья Зоиловна Липучкина июня 14-го дня взяла под залог бус четыре рубля. Где пребывала весь вчерашний вечер, неизвестно. Однако женщина она сухонькая, и вот такого росточка. Чтоб ударить процентщицу, а тем более долговязую Лизавету по

макушке, ей бы, наверно, пришлось вскарабкаться на скамеечку...

— Бог с ней совсем, с Липучкиной. — Пристав отмахнулся. — Что номер четвертый?

— Вот про четвертого-то я и хотел. — Александр Григорьевич зашуршал страничками, успев-таки сунуть в рот корочку. — Номер четвертый — приказчик Николай Дормидонтович Попов, занявший шестнадцать рублей с полтиною сроком на два месяца под залог серебряного турецкого кинжальца. — Заметов со значением взглянул на начальника. — Где пребывает, ни соседи, ни родственники не знают. Исчез еще третьего дня, и никто ничего. Я думаю, уж не он ли? На всякий случай я все сведения про него списал. Есть и словесный портрет. Не объявить ли розыск?

— Дайте-ка-с, — попросил Порфирий Петрович протягивая руку за тетрадкой. — Хм. Глаза голубые... Волос кучерявый... Лицом чист... Румянец... Трезвый характер... Угу... Нет, — твердо объявил надворный советник, прочтя до конца. — Не Попов это. Нате вашу тетрадку.

Заметов расстроился:

— Почему вы знаете? Кинжалом вон владеет. И alibi у него нет.

— Да вот у вас написано: «По сведениям соседей, играет на бирже, имеет счет в сберегательной кассе». Стало быть, рачительный человек, аккуратный, копейку бережет. Если такой пойдет на злодеяние, то сделает всё капитально, без добычи не уйдет, трех тысяч в комод не оставит-с. Кинжалец он наверняка сдал в залог, потому что желал собрать побольше средств для биржевой игры. Там же, на бирже, вы его и найдете. Или вы газет не читаете-с? Зря, я каждо-

утренне проглядываю. — Как бы в подтверждение, Порфирий Петрович достал из кармана сложенный газетный листок и положил рядом с тарелкой, куда официант наливал щи. — У нас на бирже бумаги взлетели в цене и продолжают возрастать, уже второй день-с. В связи с Суэцким каналом. Неужто не слышали-с? Дельцы у биржи днюют и ночуют, прямо на ступеньках. Там ваш Попов, там. Вы лучше про студента Раскольниковца.

— Извольте. — Александр Григорьевич с сожалением перелистнул страничку — ему жалко было расставаться с идеей о злодее-приказчике. — Тут неясно. Я говорил с бабой, которая там в служанках. Настасьей звать. Расторопная такая, бойкая... Он, Раскольников этот, всё у ассессорши Зарницыной квартирует, в Столярном переулке. Живет, а не платит, давно уже.

— Это вы уже говорили-с, еще давеча, — мягко заметил Порфирий Петрович. — Вы про местопребывание субъекта в интересующие нас часы.

— В том-то и штука, что доподлинно Настасья сказать не может. Вроде как Раскольников у себя в комнате сидит, этак уже с месяц. То ли нездоров, то ли в хандре. Но дверь из его комнаты на черную лестницу выходит. Там очень даже просто выскользнуть и вернуться, так что ни одна душа не заметит.

— Это, пожалуй, хорошо-с. — Пристав задумчиво наморщил лоб. — Даже вполне хорошо-с. Стало быть, у Раскольниковца alibi нету-с.

— Никакого.

Заметов поглядел на дымящуюся тарелку и слотнул слюну. Разлитая по стаканчикам анисовая тоже стояла нетронутой.

— Далее рассказывайте, — велел пристав. — Про субъекта-с.

— Раскольников Родион Романович, от роду двадцати трех лет, вероисповедание православное, сын титулярного советника, давно покойного. Прибыл из Рязанской губернии, где проживают его мать и младшая сестра. Натура нервная, или, как выразилась Настасья, «шибко дерганый». Стало быть, мог в аффектированном состоянии убить, тут же поступка своего напугаться и сбежать. — Заметов сделал маленькую паузу, чтобы надворный советник вполне оценил и термин «аффектированное состояние» и психологичность вывода. — В столице Раскольников без малого три года. Учился на юридическом факультете, и, кажется, старательно. Однако за невнесением платы отчислен. Беден он очень. Настасья говорит, иногда мать ему пришлет, но что она может, вдова-то? Раньше уроки давал — бросил. В общем, положение у него такое, что либо в омут головой, либо с топором на улице, — красиво, на логическом тезисе окончил свой отчет Александр Григорьевич и с полным правом вознаградил себя стопкой, да и щей хлебнул ложку-другую-третью. — А у вас что, Порфирий Петрович?

— Почти ничего-с, — с загадочным видом, противоречившим этим словам, отвечивший надворный советник и тоже поднес ко рту ложку, однако, держав на весу, опустил обратно в тарелку. — Думал-с. Кое с кем словечком перемолвился. И пришло мне в голову-с, что мы с вами, любезный Александр Григорьевич, очень может быть, давеча предположили неверно-с. Это я в рассуждении нервности убийцы. Отнюдь не с перепугу он взял сущие пустяки, а прочим, и даже содержимым комода пренебрег.

— Отчего же тогда, если не с перепугу?

— Побрезговал-с, — коротко и как-то сухо ответил Порфирий Петрович. — Взял, сколько ему было надобно, и тем удовольствовался.

— Виноват-с, — от удивления сословоерсничал Заметов, вообще-то почитавший прибавление «с» на конце признаком отсталости. — Это я недопонял.

— А я вам, дружочек вы мой, статеечку одну почитаю-с. Из «Периодической речи», месяца два как напечатана. Подписана инициальчиками, то есть все равно что анонимная-с. Вот послушайте-с.

Пристав взял в руки газетную страницу, несколько минут до того вынутую им из кармана, нагнулся поближе к Александру Григорьевичу, чтобы не деранжировать другим посетителям, и стал с выражением читать.

ЕЩЕ РАЗ О БЫКЕ И ЮПИТЕРЕ

Известно ли почтенной публике, что выдающиеся люди, открывшие новые законы природы или общества, выдумавшие новую теорию либо построившие великую державу, все без исключения были преступники? «Преступники» в коренном, изначальном значении этого слова, ибо преступили правила и понятия, бытовавшие прежде. Коперник и Галилей, Наполеон и Петр Первый приводили в ужас и негодование своих современников, тех самых *обыкновенных людей*, какие во все времена составляют абсолютное большинство народонаселения. Да что Коперник, разве не был по понятиям иудейских законоустановлений величайшим преступником Иисус Христос, покусившийся разом и на государственность, и на самое религию? За то и был казнен — отнюдь не зло-

деями, а *обыкновенными людьми*, желавшими единственно охранить от ниспровергателя свое общество.

Итак, позволю себе из сего краткого вступления извлечь кое-какие выводы, числом три.

Первый: человечество делится на *людей обыкновенных*, которых многие миллионы, и *людей необыкновенных*, которых в каждый момент времени на свете проживают единицы, много — десятки.

Второй: своим движением по пути к земному раю, каковой лучшие наши умы почитают за конечную цель эволюции, человечество обязано прежде всего *людям необыкновенным*, ибо именно они толкают, а то и за шиворот тащат нашу цивилизацию вперед.

Наконец, вывод третий: *людям необыкновенным закон не писан*.

Тут, впрочем, понадобятся некоторые разъяснения.»

— Конечно, понадобятся! — не выдержал Александр Григорьевич. — Эка завернул! Уж и Христос у него преступник!

— Не беспокойтесь, далее автор всё сие подробнейше-с и даже не без остроумия разъясняет, — уверил надворный советник своего помощника, откладывая газету. — Вслух читать больно длинно выйдет-с, так что уж я коротенько, собственными словами-с. По статье выходит, что низший разряд человечества, *люди обыкновенные* — не более, чем материал, служащий для зарождения себе подобных — в расчете на то, что некогда, через сто или тысячу лет, от их семени может произойти человек необыкновенный, один из тех, кто имеет дар или талант сказать в среде своей новое слово. А право и даже долг человека *необыкновенного* устранять любое препятствие, оказавшееся на пути его великого предназначения. И На-

полеону, расстрелявшему из пушек парижскую толпу, винить свою совесть совершенно не за что, ибо он погубил несколько сотен французов ради процветания миллионов. А ежели, к примеру, Ньютону для проведения опытов потребовались бы десять шиллингов, которые он никак не мог бы добыть законным путем, то он был бы в совершенном праве ограбить или даже убить какого-нибудь купчишку из числа *обыкновенных*. Что нам, потомкам, за дело до английского купчишки, который все одно давно подох бы, не принеся человечеству решительно никакой пользы? Законам же Ньютона мы обязаны чуть не всеми благами цивилизации.

— Так это про цель, которая оправдывает средства, что ли? — наморщил нос Александр Григорьевич. — Старо, старо.

— Про цель и средства старо не бывает-с. — Пристав вздохнул. — Особенно если с такую страстью написано. Тут у автора не отвлеченное умствование, тут наболевшее-с. Это он себя Ньютоном-то воображает, у кого десяти шиллингов нет.

— А Раскольников тут при чем?

— Притом, что он самый, Родион Романыч наш, это самое сочинение и сотворил-с, — преспокойно объявил надворный советник и теперь уже скушал подряд ложки три шей, успевших подостыть.

— Откуда вы знаете? Сами же говорили — статья подписана инициалами.

— Занятыми-с, — улыбнулся Порфирий Петрович, — они мне еще тогда в память запали. Ишь, подумал, не подпись, а прямо рычание, да и только-с: «Р.Р.Р.». И когда я вашу таблицу стал просматривать, тут же и вспомнилось. Тотчас кольнуло-с: помилуйте,

не он ли-с, не таинственный ли автор. — Пристав со зверскою гримасой прорычал. — Р-р-р!

— Родион Романович Раскольников! — ахнул письмоводитель.

— Во-вторых, я же справочки навел-с. — Порфирий Петрович отодвинул тарелку, посетовал. — Холодные щи-то, а тридцать копеек стоят... Так вот, про справочки. У меня в «Периодической речи» редактор знакомый, он про автора и рассказал, про Раскольникова. Я, должно вам сказать, статейку эту тогда еще, два месяца назад, заметил, на будущее-с. Как новейшее дуновение современной мысли. От таких ветров, знаете, искорками посверкивает. Попадут искорки на сухое, так и полыхнет-с. Злодейство вот это нынешнее, чем удивительно-с? Исполнено прехладнокровно, ни следов, ни свидетелей. (Лизавета не в счет, я теперь склонен полагать, что преступник ее нарочно не до смерти стукнул — знал, что она лица его не видала). Казалось бы, убил процентщицу, от случайной свидетельницы обезопасился, так забирай добычу, отнюдь не малую-с. Но нет, убийца наш именно что десять шиллингов взял, а прочее не тронул-с. Не-ет, милый вы мой, тут не просто так убил да ограбил. Не по обычной злобе или того паче низменной корысти сотворено. Тут идея-с. Навроде вот этой.

Надворный советник похлопал ладонью по газетному листу.

— Так, стало быть, Раскольников? — шепнул Александр Григорьевич, наклонившись. — Арестовывать будете?

— Арестовывать не с чего-с. Улик-то — сами знаете. — Здесь надворный советник издал губами тпрукающий звук, не самого пристойного свойства, так

что от соседнего столика даже обернулись. — Покумекать нужно.

Он прищурился на графин анисовой, однако «покумекать» Порфирию Петровичу было не суждено.

В дверях заведения показался краснолицый, шумно дышащий полицейский унтер-офицер. Обвел взглядом залу и, увидев, наших собеседников, подбежал напрямик к столу.

Пристав первым заметил служивого. Удивиться не удивился, ибо давал знать и в съезжем доме, и в полицейской конторе, где его можно сыскать в любой час дня, но нахмурил лоб и приподнялся.

— Ваше высокоблагородие! Так что осмелюсь доложить... — гаркнул полицейский, вытягиваясь.

Заметов, сидевший к дверям спиной, чуть не подпрыгнул, да и с соседних мест заоборачивались.

— Тише ты! — цыкнул на унтера Порфирий Петрович и за шею пригнул его к себе. — Что еще стряслось? Шепотом, шепотом!

Полицейский перешел на сип и нашептал такое, что пристав осел обратно на стул, а у Александра Григорьевича из руки со звоном выпала ложка.

3. ФАТА-МОРГАНА

— А дальше?! — воскликнул Ника, дочитав последнюю страницу, и поднял глаза на сидевшего напротив Рулета.

Как молодой человек вернулся, Фандорин не заметил.

— Чего дальше? — благодушно спросил тот.

Валя оказалась права, наведавшись в туалет, посетитель снова воспрял духом.

— Где остальные страницы?

— А чё, должны быть еще?

Судя по тому, как Рулет удивился, в рукопись он носа не совал. Откуда, интересно она у него?

— Откуда, интересно, она у вас?

Парень ухмыльнулся:

— Нашел.

Не хочет говорить. Что ж, его право.

— Понимаете, — стал объяснять Ника, волнуясь, — необходимо показать этот манускрипт специалисту. Я не могу утверждать наверняка, но очень возможно, что это написано рукой самого Достоевского! Похоже на наброски к «Преступлению и наказанию». К роману «Преступление и наказание», — добавил он, когда на лице собеседника не отразилось ни малейших эмоций. —

И, может быть, то есть, конечно, маловероятно, но не исключено, что этот черновой вариант не известен филологической науке, представляете? Это была бы настоящая сенсация. Если бы вы оставили рукопись у меня, я мог бы организовать экспертизу.

Юноша лукаво подмигнул:

— Рулета кинуть хочешь? Даже не пытайся. Валяй, экспертизуй... — Он подумал и поправился, — экспертируй. Но бумажки останутся у меня.

— Да какая может быть экспертиза без рукописи?

— Одну страничку дам. — Рулет сделал щедрый жест. — Бери любую.

Полистав, Ника выбрал самую неряшливую, с исправлениями и двумя рисунками: глумливая рожица (Порфирий, что ли?) и островерхое окно с ажурным переплетом.

— Какой откат? — спросил хозяин манускрипта все с той же хитрой улыбочкой. — Больше десяти процентов не дам.

— Вы про комиссионные? — Николас с достоинством пожал плечами. — Мне не нужно, я зарабатываю деньги иным образом. К тому же, если это то, что я думаю, будет очень много шума, газетных статей, телерепортажей. Надеюсь, вы не будете возражать, если пресса узнает, что идентифицировать находку вам помогла фирма «Страна советов»?

Рулет великодушно разрешил:

— Пиарься, не жалко.

— Спасибо. Наверное, мне понадобится не-

Глава 1^а

А вот же, и в. у. у. у.

В подлиннике и самое убожество...
Двадцать лет, но не в последнем — а
Кавказу Кавказу, восточную...
Кавказу (удобно...)

...и самое...
Крепкий...
...и самое...
...и самое...

Старого...
...и самое...
...и самое...

...и самое...
...и самое...
...и самое...

...и самое...
...и самое...
...и самое...

сколько дней. Как мне с вами связаться? Оставьте телефон. И потом, как вас все-таки зовут?

Молодой человек задумался.

— Пока зови Рулетом, а там видно будет... На счет телефона не танцует. Мобильник я давно того... А у мымры отключили. Ну, у хозяйки. Не платит, алкашка старая. Я тебе адрес свой оставлю. Записывай.

Продиктовал номер дома и квартиры в Саввинском переулке. Сделал ручкой и, насвистывая, ушел. Мимо Вали протиснулся с опаской, но зла на нее, кажется, не держал. Во всяком случае попрощался вежливо:

— Гуд бай, чемпионка.

— Адье, товарищ народный комиссар, — бросила в ответ секретарша.

Едва посетитель ушел, Ника сел на телефон — добывать эксперта по рукописям Достоевского. С литературоведением и писательскими автографами он никогда в жизни дела не имел, но это магистра нисколько не смутило. Москва — город специфический. Пришломu, а в особенности иностранному человеку здесь неуютно, чувствует он себя, как в дремучем лесу. Дорогу найти, и то не просто — немногочисленные указатели и вывески почти сплошь на туземном наречии. А если уж чужаку понадобится нечто нетривиальное, чего в «Желтых страницах» не печатают, совсем беда. Потыркается-потыркается бедолага, поблеет своим корявым русским языком в равнодушную телефонную трубку, да и останется с носом. Так ему и надо. Не для него, басурмана, город построен.

Зато если ты здесь свой и все тропки, норы и берлоги знаешь, то лучше места на земле не сыскать. Добрые товарищи, лесные жители, и научат, и отведут, и из беды выручат. Косой заяц подскажет, где грибы-ягоды, лисичка-сестричка поможет договориться с лесником, серый волк доставит, куда надо, а косолапый медведь обеспечит «крышу».

Миновали времена, когда глупый англичанин Николас Фэндорайн бродил по здешним чащам ежиком в тумане. Десять лет московской жизни и ремесло профессионального советчика, сователя носа в чужие дела, научили уму-разуму. В какие только овраги жизнь не покидала, с кем только не познакомила. Ключевая поговорка москвича: не имей сто рублей (всё равно не деньги), а имей сто друзей.

Всего через три звонка, пройдя по недлинной цепочке: знакомый, знакомый знакомого и знакомый знакомого знакомого, Ника вышел на нужного человека.

Телефонный собеседник номер три, один из ведущих специалистов по Достоевскому, сообщил следующее:

— Поддельных автографов полным-полно, это целый подпольный рынок, так что особенно не обольщайтесь. Вы говорите, там процентщицу убили, а Лизавета осталась жива? Такой редакции «Преступления» филологическая наука не знает. Какая-нибудь глупая мистификация. — По тону достоевсковеда было слышно, что он давно привык к пылу несведущих дилетантов и сообщением нисколько не заинтересовался. — Но, если хотите

получить грамотное заключение быстро, советую обратиться не к нам в институт, где вас промурыжат полгода, а к Моргуновой.

И рассказал про некую пожилую даму, Элеонору Ивановну Моргунову, которая всю жизнь занимается именно этим — экспертизой писательских рукописей девятнадцатого столетия, и прежде всего именно Достоевским. Моргунова в своем деле ас. Много лет прослужила в ЦЛИ, Центральном литературном архиве, но несколько лет назад была с позором уволена — попалась на краже чеховских писем. Уголовное дело возбуждать не стали, чтоб не пятнать репутацию почтенного научного учреждения. Да и пожалели старуху — решили, что свихнулась от преклонных лет и маленькой зарплаты. «Впрочем, она всегда до денег жадна была, — присовокупил достоевсковед. — Не помню случая, чтобы Моргунова согласилась выполнить какую-нибудь работу внепланово, по-товарищески. Всегда требовала премию или сверхурочные. Так что если вы ей хорошо заплатите, сделает заключение в два счета. У нее дома, говорят, целая лаборатория — и приборы, и необходимые реактивы. Тоже, поди, с рабочего места натаскала, за столько-то лет. Ну да Бог ей судья».

Четвертый звонок был завершающий — самой Элеоноре Ивановне. После скептических слов филолога Ника поостыл и с асом литэкспертизы говорил несколько извиняющимся тоном:

— ...Видите ли, ко мне в руки попала одна рукопись, — приступил он к делу после необходимой преамбулы — упоминания о рекомедателе и гонораре, — то есть, я, конечно, понимаю, что шансов

почти нет, но, судя по содержанию, это похоже на авторский набросок к роману «Преступление и наказание»...

Тут экспертша его перебила, хищно хохотнув, и произнесла нечто загадочное:

— Снова-здорово!

— В каком смысле? — растерялся Фандорин.

— В каком надо, — отрезала Элеонора Ивановна, надо сказать, особенной политесностью не отличавшаяся. — Ладно. Привозите, посмотрим. Триста долларов.

— Так много? Но Константин Леонидович говорил, что это обойдется в сотню...

Жадная старуха не стала и слушать:

— Вот пускай он вам экспертизу и делает.

Столько денег у Ники не было. Он уже начинал жалеть, что ввязался в эту историю, кажется, нелепую и бесперспективную.

— Я вам сегодня оставлю аванс, хорошо? Сто долларов, — сказал он, подумав, что владелец рукописи вполне мог бы поучаствовать в расходах — в конце концов, это же его собственность.

— Только учтите, — злобно предупредила Моргунова. — Пока не рассчитаетесь полностью, рукопись назад не отдам. Платить будете рублями, по курсу Центробанка, плюс три процента за конвертацию.

* * *

В тот же вечер, забрав дочку Гелю из театрального кружка, наскоро накормив ее и даже успев отправить по электронной почте письмо сыну Лас-

тику, который уехал с классом в Петербург, Ника отправился по указанному адресу.

Дорога была недалняя, но долгая. Если пешком да по прямой — минут двадцать. Если же на машине, да в седьмом часу вечера, да по запруженной Кремлевской набережной, то все сорок.

Когда Николас был помоложе и поангличанистей, он замечательно передвигался по Москве на роликах, и пробки были ему нипочем. В ту пору путешествие с Солянки на Тверскую вообще заняло бы минут десять. Но приспособившись к условиям окружающей среды, Фандорин от прежних привычек отказался. Британию почитают за хрестоматийный образец консервативности, но российское общество подвержено условностям в гораздо большей степени. Мужчина сорока пяти лет, отец семейства, здесь должен вести себя степенно, или, как говорят на современном телеязыке, «серьезно себя позиционировать» — если, конечно, хочешь, чтобы и окружающие воспринимали тебя серьезно. Ничего не поделаешь, Россия — страна тяжеловесная. Просто поразительно, как быстро, бесповоротно, а главное охотно отяжелел и поседел бывший баронет. Обрусел на все сто. Британское происхождение Николая Александровича на десятом году московской жизни выдавала лишь некоторая чопорность манер, которую одни клиенты принимали за рафинированную интеллигентность, а другие за *крутые понты*. Ну и еще, конечно, машина, праворульный «ти-экс II». Взбалмошная тетьа Синтия, опасаясь, что племянник окончательно оторвется от корней, прислала подарок: черное лондонское такси, английский пат-

риотический аналог русской березки. Спасибо, что не двухэтажный автобус.

Восседая за рулем этого экзотичного для Москвы транспортного средства, Николас частенько ловил на себе уважительные взгляды соседей по трафику — метрокэб своим горбатым силуэтом походил на «роллс-ройс».

Метрокэб Н.А. Фандорина

Ползя в пробке по Лубянскому проезду, Фандорин сыграл в любимую игру современного водителя: ткнул наугад в кнопку поиска на приемнике. Ну-ка, что за рыбка вынырнет из радиоволн? FM-диапазон пошуршал, побулькал, пару раз бормотнул что-то неразборчивое и вдруг отчетливо произнес вкусным, вкрадчивым голосом:

— Глупый маленький воробышек даже не догадывался, что за кустом притаилась большущая, голоднющая кошка...

Детская передача. К чему бы это?

Ника улыбнулся, переключил на девятую кнопку, на которой у него было «Культрадио» — классическая музыка, поэзия, новости культуры.

Но интеллигентный канал поступил с магистром жестоко — обдал ледяными брызгами грибоевского вальса.

ПБОУЛ Фандорин насупился и радио выключил.

* * *

Элеонора Ивановна Моргунова жила в массивном сталинском доме замысловатой конфигурации, который со стороны Тверской смотрелся весьма импозантно и даже величественно, но со двора выглядел трущоба трущобой: маленькие слепые подъезды, ободранные стены, уродливые гаражи-ракушки. С трудом найдя место для парковки (между двумя помойными баками), Ника покинул свой ложный «роллс-ройс» и отправился на поиски нужной квартиры.

Домофон не работал, на лестнице пахло плесенью и картофельными очистками. Если бы не железная решетка лифта, прямо дом Раскольниковова, да и только, подумалось Николасу.

Квартира 39 долго не отзывалась на звонок. Наконец раздалось шарканье, глазок замигал желтым кошачьим светом, потом потемнел.

Разглядывает, догадался Фандорин и громко сказал:

— Это Николай Александрович. Я вам звонил. Здравствуйте.

Лязгнуло, створка распахнулась.

В дверях стояла грузная, неряшливая старуха, почему-то в темных очках, хотя прихожая была освещена очень тускло.

— Ботинки снимайте.

Моргунова развернулась, и, переваливаясь, пошла по длинному коридору. Ее седой затылок со старомодным пучком и гребнем приходился верзиле Фандорину не выше верхней пуговицы пиджака.

Коридорчик был впечатляющий. Похоже, в этом доме никогда ничего не выбрасывали. Невзирая на тусклое освещение, Ника сумел разглядеть

подвешенный к стене велосипед (модель «Украина», 50-е годы, предмет вожделения охотников за винтажем); на персональном гвозде — шляпку с пластмассовыми вишнями; большое треснувшее зеркало и допотопный телефон, на круглом циферблате которого кроме цифр имелись еще и буквы. В углу на круглой тумбочке чернел полуметровый каслинский Мефистофель, чугунный уродец самой первой, еще дореволюционной волны индустриального китча.

Каслинский
Мефистофель

В комнате, куда хозяйка провела посетителя, было еще чудней. Тоже темно (горела одна-единственная лампочка под шелковым оранжевым абажуром) и тесно-тесно заставлено мебелью, не повернешься. Правда, чисто, нигде ни пылинки. Старушка никогда не бывала замужем, определил Ника. Давно живет одна. Себя со стороны не видит, поэтому вон дырка на локте и засохший желток на подбородке, однако следит, чтобы вокруг всё сияло. Не выносит грязи. Потому что грязь — проявление хаоса и жизни, а тут абсолютная территория смерти. Замок злой феи.

Фата-Моргана, как он немедленно окрестил про себя толстую старуху (отлично легло на «fat Morgunova»), повела себя совершенно по-ведьмински: задрав голову, с минуту разглядывала двухметрового гостя, и за все это время не произнесла ни слова, только пожевывала губами. Глаз за темными стеклами Ника не видел. Может, их там и вовсе нет, думал он, терпеливо пережидая осмотр. Сейчас сдернет очки, а за ними две дыры, в которых клубится туман, и весь ее колдовской замок растает, а я превращусь в летучую мышь или крысу.

— Паспорт есть? — сказала наконец Моргунова. — Я должна быть уверена, что вы тот, за кого себя выдаете. Не желаю оказаться втянутой в противоправную деятельность.

— Паспорта нет, есть водительские права.

— Давайте.

Ведьма взяла документ, отдернула какую-то плюшевую занавесочку, и за ней открылся закуток, оснащенный по последнему слову офисной техни-

ки. Большой ксерокс, факс, даже компьютер со сканнером.

— Я гарантирую своим клиентам полную конфиденциальность, но и к себе требую полного доверия, — сообщила Элеонора Ивановна, делая ксерокопию фандоринских прав. — Вот, забирайте. Теперь аванс. Угу. Минутку.

У нее там имелась и машинка для просветки кюпюр. Ай да фея.

— Хорошо. Теперь давайте рукопись. Можете сесть вон туда, в кресло, книги только на стол переложите... Как, всего одна страница? — удивилась она, беря листок.

Включила настольную лампу, сгорбилась, наставила лупу — однако темных очков так и не сняла.

Пауза затягивалась. Ника нервно ерзал в жестком кресле, ждал приговора. В общем-то почти не сомневался, что сто долларов и вечер потрачены зря.

— Хм, почерк похож. Рисунки тоже вполне в духе Федора Михайловича, — возвестила Элеонора Ивановна и погладила страницу. — Текст незнакомый. В черновых вариантах «Преступления» такого фрагмента нет. Возможно, это в самом деле какой-то неизвестный набросок. В одном из висбаденских писем Федора Михайловича есть некое не вполне ясное упоминание... М-да. — Она не договорила, задумчиво покачивая лупой. — Если лист подлинный, это будет событие. Оставляйте. Проверю бумагу, чернила, сделаю подробный графологический анализ. — Моргунова поднесла страницу к самой лампе, посмотрела через лупу. — Очень хорошо! Здесь виден отчетливый отпечаток пальца.

Вот, в углу. Палец был запачкан чернилами, это часто случалось. Когда перелистывали — оставался след. Фрагментарная дактилограмма Федора Михайловича у меня есть, по трем пальцам правой руки и боковой поверхности левой ладони. Двадцать лет назад составила, когда писала диссертацию «Помарки и кляксы в рукописях Ф. М. Достоевского». Ну поглядим, поглядим. Заходите завтра. Нет, лучше послезавтра, часа в три. И не забудьте про двести долларов.

Николас уходил окрыленный и даже оглушенный. В коридоре долго благодарил, даже попробовал поцеловать старой даме руку.

Руку поцеловать она не дала, а, едва за дылдой закрылась дверь, зашлась придушенным, злобным хохотом. Если б Фандорин видел, как экспертша потирает руки, как давится кашлем от хищной радости, он окончательно уверился бы в ведьминской сущности Элеоноры Ивановны.

Отсмеявшись и откашляв, Фата-Моргана подошла к своему антикварному телефону, вынула из-под аппарата визитную карточку и набрала номер.

— Это Моргунова, — сказала она в трубку не здороваясь (не имела такой привычки). — Еще один объявился. Комедия! Вот вы торгуетесь, а время уходит.

— Назовите более реалистичную цену, — произнес на том конце спокойный голос.

Элеонора Ивановна сердито топнула ногой.

— Уж мне-то про цену не рассказывайте! Я профессионал! Цена остается та же, плюс двести сверху, потому что теперь вам понадобится еще один.

— Вы от жадности утратили всякую адекватность, — ответила на это трубка. — Двадцать за всё про всё, и ни цента больше.

— Нашел дурочку! — Старуха засопела. — Смотрите, пожалеете. Вот он придет послезавтра, этот человек, и я ему все скажу. То есть, не всё, конечно. — Она хихикнула. — Кое-что. Ну как, не передумаете?

— Нет. И не звоните мне больше, старая ведьма.

Конец разговора, частые гудки.

* * *

В последующие двое суток — ночь, день, ночь да еще пол-дня — с Николасом Фандориным ничего особенного не произошло, так что можно на время его оставить. Зато с Рулетом приключилось нечто совершенно невероятное. То есть, наверное, все-таки не приключилось, а *приглючилось*. Хотя... Ну, в общем, дело было так.

Про Рулета и его при(г)лючение

Во вторую ночь это случилось, после полуночи. Сидел Рулет на подоконнике, смотрел на звезды. Всего час как вмазался, так что было ему хорошо — и заблудившейся душе, и бедному отравленному телу.

Звезды были яркие, конкретные, плюс аппетитная луна, до которой хотелось дотянуться рукой, но Рулет понимал, что это подстава. Потянешься и навернешься с третьего этажа, реально.

Внизу прошелестели шины. Это во двор въехала «скорая помощь». Особенная такая, как ее... Реанимобиль, вот как. Фонарь на крыше медленно вращался, и это тоже было красиво. Рулет немножко посмотрел, как голубые лучи подсвечивают мрак, и снова задрал голову к небу.

Потом, через какое-то время слышит снизу: чмок-чмок.

Опустил голову, удивился.

По стене, вдоль водопроводной трубы, но при этом ее не касаясь, полз Спайдермен, Человек-Паук. Неторопливо полз, основательно. Присосется верхней рукой-щупальцей — от-

Человек-паук

рывает от стены ногу. Присосется ногой — переставляет руку. Чмок-чмок, чмок-чмок. Башка большая, абсолютно круглая, глазищи — словно капли.

— Кул, — сказал Рулет, не испугавшись, а скорее обрадовавшись — очень уж прикольный был глюк.

Вот вчера, когда на хороший «хлеб» бабла не хватило и пришлось зарядиться какой-то отстойной дрянью, был полный караул. Утром Рулет подполз к умывальнику, рожу сполоснуть, а умывальник вдруг возьми да оживи. Краник холодной воды оказался липкий, словно клеем намазанный — пальцы приросли намертво. Хромированная трубка вытянулась навроде змеи и обмоталась вокруг второй руки. Как стиснет запястье! Рулет заорал от страха и боли, задержался, но умывальник держал его крепко. Заглянул в зеркало, а там страшная рожа мертвяка: белая, костлявая, глаза будто две ямы, и под ними жуткие лиловые круги.

Тут он реально застремался. Зажмурился, головой затряс. Смотрит — мертвяк пропал, в зеркале его, Рулетово лицо, каким оно было давным-давно, на школьной фотке. Гладкое такое, ясное. Не успел обрадоваться, как на лице начали проваливаться дырки — одна, другая, пятая, десятая. Сделался Рулет, как кусок швейцарского сыра — кошмар. И послышался голос, то ли из зеркала, то ли из слива: «Не отпущу. Ты мой, мой до дыр...».

Вот это была конкретная страшила. А Спайдермен — подумашь, даже интересно.

Как в старые времена, когда циклодомом баловался. От него бывали классные зоомультки. И про паука тоже. Как-то сидел Рулет в кресле, накушавшись цики, пялился в потолок, а там паучок в паутине, и с каждой секундой его видно всё отчетливей. Потом — бац: не паучок это, а фашистский летчик, и не паутина у него, а самолетный прицел. Как начал сажать по Рулету трассирующими очередями, прошил всего огненными пулями — кайф.

Короче, Человеку-Пауку Рулет был рад. Высунулся из окна, протянул руку, помог перелезть через подоконник.

Костюмчик у Спайдермена был суперский, совсем как в кино. Красный, весь прошитый черными нитями, а глаза выпуклые, блестящие, и где-то в их глубине искорки поблескивают.

— Здорово, я к тебе, — сказал гость.

Поручались, причем лапа человека-насекомого прилипла к Рулетовой ладони, но это было не страшно и не противно, совсем не как с Мойдодыром. Даже смешно.

— Ой, прилип. Сорри, — извинился Спайдермен и, чем-то там чмокнув, отлепился. — Рулет, просьба к тебе есть, ерундовская. А я тебя за это научу по стенам лазить и в паутине висеть. Знаешь, как кайфово? Качаешься — чисто в гамаке. Сделаешь?

— Сделаю, — пообещал Рулет. — А чего надо-то?

Паук сказал. Оказалось, в самом деле ерунда. Рулету сейчас ничего было не жалко, особенно для такого гостя.

Тот вежливо поблагодарил и говорит:

— Оставил бы я тебя кайф досасывать, но ведь отмокнешь скоро. Начнешь закидываться, орать, что обокрали. Начнешь ведь?

— Начну, — признал Рулет, не желая ни в чем перечить новому другу. — Можно я тебя по башке поглажу?

Очень уж у Спайдермена круглая башка была.

— После. А сейчас со мной пойдешь. Лады?

Ну, Рулет и пошел. Фигли было не пойти?

* * *

В назначенный день, ровно в три часа, Фандорин явился на Тверскую. Волновался, конечно. Что из всего этого выйдет — культурное событие мирового значения или пшик?

Но с первой же минуты, едва увидел Элеонору Ивановну, понял: не пшик.

Фату-Моргану сегодня будто подменили. Она сразу открыла дверь, сказала «а-а, ну-ну» и даже улыбнулась — правда, какой-то двусмысленной и даже несколько зловещей улыбкой. Может, поиному просто не умела?

На нетерпеливые расспросы сказала:

— Сейчас, сейчас. Сначала деньги. С вас 5803 рубля 14 копеек... Нет, сдачи нет, я же не кассир.

Пересчитала пятисотенные купюры, проверила на детекторе ультрафиолетом. Кивнула.

Дальше и вовсе произошло чудо. Предложила чаю и налила в стаканы какой-то бледной жидкости, пить которую Ника не решился. Не притронулся он и к курабье, тем более что в вазочке лежало всего три печеньица.

— Так что? — взмолился он. — Достоевский это или нет?

Элеонора Ивановна опять улыбнулась. Определенно, ее непривлекательное лицо от улыбки делалось еще менее приятным. Такое нечасто увидишь.

— Не будем забегать вперед. По порядку.

Она взяла распечатку, поправила свои темные очки и начала тоном музейной экскурсоводши:

— Бумага изготовлена на франкфуртской бумагопрядильной фабрике «Обермюллер». Это довольно популярная марка, широко использовавшаяся в Европе начиная с сороковых и до начала семидесятых годов 19 века. Не из дешевых — известно, что Федор Михайлович любил хорошую бумагу. Перо стальное, манчестерского производства. Именно такими перьями Федор Михайлович пользовался в шестидесятые годы. Химико-структурный анализ чернил подтверждает их аутентичность. Марка не определяется, но степень выцветания, при условии хранения в темном месте, соответствует нужным временным параметрам. Наконец почерк и, что тоже очень существенно, маргиналии — в нашем случае это рисунки на полях... — Торжественная пауза, повышение голоса. — Вне всякого сомнения это рука Федора Михайловича.

— Ура! — Николас ликующе махнул кулаком в воздухе. — Я чувствовал!

Эксперт подняла ладонь: тише, я еще не закончила.

— Ему же принадлежит и след запачканного чернилами пальца. Это большой палец правой руки. Оптоэлектронный преобразователь с достаточной степенью точности определил папиллярный узор, который полностью совпадает с другим отпечатком, в свое время обнаруженным мною на 18 странице рукописи «Неточки Незвановой». Дерматоглифическое исследование обнаруживает выраженную расплывчатость папилляров, характерную для эпилептиков, а как мы с вами знаем, Федор Михайлович был подвержен этой болезни. Кроме того, берусь утверждать, что дактилограмма принадлежит мужчине среднего возраста, вероятнее всего, в диапазоне от сорока до пятидесяти лет. Что соответствует времени работы над «Преступлением и наказанием», когда Федору Михайловичу было сорок четыре года.

Отпечаток пальца
Федора
Михайловича

— Неужели по отпечатку пальца можно столько всего определить? — поразился Ника.

— Если оттиск хороший — да. Перехожу к гипотетической части. — Элеонора Ивановна перелистнула страницу. — Текстологический анализ исследованного фрагмента, филологической науке совершенно неизвестного, позволяет с большой степенью уверенности предположить, что

перед нами часть рукописи, представляющей собой сюжетно оформленный вариант художественного произведения, которое дошло до нас в виде романа «Преступление и наказание». — Вознаградив себя за длинное предложение глотком чая, Моргунова продолжила. — Известно, что в начале июня 1865 года, отправляясь за границу, Федор Михайлович предложил издателю «Санкт-Петербургских ведомостей» Коршу и издателю «Отечественных записок» Краевскому некий роман, который обещал закончить к октябрю. Предложение не было принято ни Коршем, ни Краевским, и до сих пор считалось, что замысел остался неосуществленным. Возможно, какая-то часть работы все же была выполнена, а впоследствии Федор Михайлович использовал материалы из недоконченного романа для «Преступления и наказания». Это версия первая. Можно предложить и иную версию, связанную со Стелловским, нечистоплотным издателем, который тогда же, в июне 1865 года, подписал с Федором Михайловичем «условие», то есть контракт.

— Да, я помню эту историю, — решил блеснуть начитанностью Николас. — За небольшой аванс Достоевский обязался написать к определенному сроку роман, а если не напишет, все права на его сочинения надолго переходили к Стелловскому. Благодаря юной стенографистке Анне Сниткиной писатель сумел-таки поспеть к сроку. Но ведь, насколько я помню, то был роман «Игрок», а вовсе не «Преступление и наказание».

— Вы плохо знаете биографию Федора Михайловича, — укорила магистра истории Моргуно-

ва. — Стыдно. При чем здесь «Игрок»? Это будет лишь осенью 1866 года, а мы говорим про лето 65-го. Федор Михайлович живет в Висбадене, много играет на рулетке, не может расплатиться по счетам в гостинице. Он совсем один, в ужасном положении, и всё пишет, пишет. До нас дошли записи двух первоначальных редакций «Преступления». Первая написана от лица убийцы, в форме его «исповеди». Сюжетная рамка второй редакции — судебный процесс над убийцей. Мог быть и еще какой-то не дошедший до нас вариант. Ничего фантастического в этом предположении нет. В одном из писем барона Врангеля, близкого друга писателя, есть невнятное упоминание о том, что в августе-сентябре Федор Михайлович пробовал что-то написать для издателя Стелловского. В свою очередь, в письме Врангелю писатель сообщает, — Элеонора Ивановна провела пальцем по строчкам. — «Теперь опять начну писать роман из-под палки, то есть из нужды, наскоро. Он выйдет эффектен, но того ли мне надобно!» А вот из другого письма, тому же адресату: «В настоящее время я начал одну работу, за которую могу взять деньги только осенью. Успешно и как можно скорее окончить эту работу необходимо, чтобы начать, получив деньги, уплату долгов». И еще одна жалоба, на то же самое: «О, друг мой! Вы не поверите, какая мука писать на заказ... Но что мне делать: у меня 15 000 долгу». — Старуха отложила страницу. — Идем далее. Сам Федор Михайлович позднее писал барону Врангелю, что после возвращения в Петербург, в конце ноября, когда для романа о Раскольнико-

ве было уже «много написано и готово», он «всё сжег» и «начал сызнова», по «новому плану». А что если не сжег? Доверять Федору Михайловичу в подобных вещах следует с осторожностью. Например, в 1871 году, перед возвращением из длительной заграничной поездки в Россию, он тоже писал, что сжег все черновые рукописи последних четырех лет, в том числе оригиналы и первые редакции «Вечного мужа», «Идиота» и «Бесов». Однако потом выяснилось, что эти записи целы. Они и сейчас хранятся в Литературном архиве. Так, может быть, и от рукописи 1865 года что-то сохранилось? В любом случае вам, молодой человек, невероятно повезло.

Старая ведьма ни к селу ни к городу хихикнула.

— Рукопись как документ исключительной культурной ценности подлежит передаче, или в некоторых предусмотренных законом случаях, продаже государству. Это если вы сможете доказать, что владеете рукописью легальным образом — например, она досталась вам по завещанию. Но вы-то, конечно, захотите переправить ее за границу, на аукцион. Эх, надо было взять с вас больше. Шучу! — замахала она рукой на попытавшегося протестовать Фандорина. — Я вам гарантировала конфиденциальность и слово сдержу. Наука, которой я посвятила всю свою жизнь, обошлась со мной скверно, и я ничем ей не обязана. Но вы учтите вот что. — Экспертша хитро прищурилась. — Цена такого автографа сравнительно невелика — несколько тысяч долларов, даже если продавать по-черному, в частные руки. Но если

бы у вас на руках была вся рукопись, тогда огого. Совсем другое дело.

Она выжидательно смотрела на собеседника. Даже приспустила очки — блеснули два недобрых водянистых глаза.

— Это собственность моего клиента. — Николас поднялся, бережно спрятал драгоценную страницу и заключение в прозрачную папку. — Ему и решать.

Бедный Рулет, думал он. Что с ним будет? Теперь на радостях *уширяется* до смерти. Как быть?

— Желаю успеха, Николай Александрович Фандорин, — сказала на прощанье Элеонора Ивановна с уже нескрываемым, хоть и мало понятным ехидством.

Ника ехидство заметил, но списал на старушечьи причуды. К тому же был озабочен сложной этической задачей: как бы не нарушить закон и в то же время не обмануть доверие клиента.

Спускался по лестнице, вздыхал. Проблема казалась ему очень трудной.

А между тем до столкновения с проблемой настоящего трудной магистру истории оставалось максимум минуты три.

Во дворе люто палило солнце, согнав со скамеек всех пенсионеров. Грязный голубь безнадежно тыкался клювом в пересохшую лужу, мимо протаскилась собака с высунутым языком, и лишь стайка девчушек самозабвенно прыгала по расчерченному мелом асфальту. И жара им нипочем, а у кого-то вон сердечный приступ, подумал Николас, заметив припаркованный неподалеку реанимобиль.

Сел в свой раскаленный метрокэб, опустил стекла и включил вентилятор на полную мощность, чтоб поскорее продуть кабину. При повороте ключа ожил приемник. Это было «Автор-радио», новая станция, которая в перерывах между сводками дорожного движения крутила авторскую песню.

Женский голос страстно и печально запел под гитару: «Ты говоришь — она не стоит свеч — игра судьбы — темны ее сплетенья...».

Фандорин тронул с места.

Чтобы выехать в переулок, нужно было миновать арку. Попад в ярко освещенного двора в эту темную зону, Ника на всякий случай замедлил ход, потому что почти ничего не видел. И слишком поздно заметил, как от стены отделилась узкая тень...

Нет, про отделившуюся от стены тень потом. Сначала нужно закончить с Элеонорой Ивановной Моргуновой, чтоб больше уже не возвращаться к этой неприятной во всех отношениях даме.

Про гостью Элеоноры Ивановны. А может, гостя. Или даже Гостя.

Через пол этак часика после того как ушел бестолковый дылда, в дверь 39-й квартиры позвонили.

Элеонора Ивановна долго не открывала, смотрела в глазок. Свет, что ли, на лестнице перегорел — темно там было, ничего не видно.

— Кто там? — наконец спросила она. — Я же слышу, как вы шуршите. Отвечайте, не то в милицию позвоню.

Тоненький голосок ответил:

— Открой, Лялочка. Это я, Светуся.

Моргунова от неожиданности стукнулась лбом об дверь.

«Лялочкой» ее уже лет пятьдесят никто не называл. С тех пор, как умерла Светуся, ее сестра, — утонула в озере. Никого Элеонора Ивановна так не любила, как Светусю. Собственно, вообще с тех пор никого не любила.

И совершила потрясенная Лялочка невероятный поступок: сняла цепочку и открыла дверь. Нашло на нее что-то такое, будто не в себе сделалась.

Ну в самом деле, не держать же Светусю на темной лестнице?

Кто-то вошел из темноты, и пахло забытым ароматом — духами «Красная Москва», но ничего толком рассмотреть Моргунова не успела, потому что проворная рука сдернула у нее с носа очки, а без очков Элеонора Ивановна почти ничего не видела — семь диоптрий плюс глаукома.

Попятилась она, совершила два противоположно направленных действия: глаза сощурила в щелочки (чтобы хоть что-то разглядеть), а рот, наоборот, широко раскрыла (чтобы закричать).

Кое-что разглядела. И лицо непроизвольно сделало обратную рокировку: рот захлопнулся, глаза же широко-широко распахнулись.

Это была не Светуся.

Светуся навсегда осталась двадцатидвух-летняя, с двумя косами. А это была старуха в таком же, как у Элеоноры Ивановны, балахоне, с такой же сумкой и в темных очках.

— Я пошутила. Я не Светуся. Я — Элеонора Ивановна Моргунова.

В груди у старухи что-то хрустнуло, в глазах потемнело.

Неужели у меня такой противный, писклявый голос, мелькнуло в голове у пораженной Элеоноры Ивановны. То есть, не у меня, а у... Но как? Почему?!

Она дотянулась до комнаты, чуть не споткнулась на пороге, но устояла на ногах. Сделала еще несколько шагов и упала в кресло. На столике стоял стакан с валокардиновыми каплями, всегда наготове. «Выпей, скорее выпей», подсказало судорожно бьющееся сердце. Но было не до капель — привидение вплыло в комнату, село на стул в темном углу. И снова заговорило:

— Послушай, ты извини, что я Светусей представилась. Нужно было, чтобы ты дверь открыла. Я ведь, хе-хе, не Дух Святой сквозь дермантин просачиваться.

Моргунова встrepенулась.

— Я знаю, кто ты! — крикнула она дрожащим голосом. — «Послушай, ты извини» — с этими словами к Ивану Карамазову обращается черт в девятой главе четвертой части «Братьев Карамазовых». У меня галлюцинация. Наверное, я упала в обморок, и ты мне мерещишься.

— Мне нравится, что мы с тобой прямо стали на ты, — засмеялась галлюцинация, тем самым подтвердив догадку Элеоноры Ивановны — уж это-то была дословная цитата из упомянутой главы.

У меня инсульт, вот что, подумала старуха. Всю жизнь занималась Федором Михайловичем, ничего удивительного, что мне такое пришло в голову.

Или это инфаркт? Как сердце болит!

— Что ты так удивилась? Ты же всегда знала, что этим закончится, старая чертовка.

— Ничего я не знала, — с трудом просипела Моргунова, которой с каждым мгновением делалось всё хуже.

— *C'est charmant*, «не знала». Всего Достоевского наизусть выучила — и не знала? — Химера поднялась со стула, но не приблизилась, осталась, где была. — Ты не волнуйся. Я, может быть, сейчас уйду и дам тебе покой. Ты мне только ответь на парочку вопросов, и уйду. Ей-богу, уйду. Хе-хе...

Под тихий, будто шипящий смех незваной гостьи... то есть гостя... то есть Гостя Элеонора Ивановна потянулась дрожащей рукой за лекарством и почувствовала: нет, не достать. Не хватит сил.

4. ФАНТАСТИЧЕСКИЙ МИР

Ты говоришь: «Она не стоит свеч,
Игра судьбы. Темны ее сплетенья».
Но не бывает лишних встреч,
И неслучайны совпадения.

«Автор-радио» успело пропеть одну строфу, прежде чем Николас въехал в арку, полуослеп от темноты и проглядел, как от стены отделилась узкая тень.

Тень покачнулась, всплеснула руками. Упала прямо под колеса.

Визг тормозов.

Панический удар сердца о грудную клетку. Удар грудью о руль. Удар бампером в мягкое.

— Oh, my God, no! — вырвалось у Ники по-английски, чего с ним уже лет пять не случалось.

Всю взрослую жизнь, с тех пор как впервые нажал на педаль газа, боишься именно этого: даже не столкновения с другой железной коробкой на колесах, а тошнотворно сочного звука, когда металл ударит в живое, и две судьбы полетят под откос — твоя и еще чья-то.

Кто, кто? — вот о чем думал Фандорин, открывшая дверцу трясущейся рукой. Пьяный, старушка,

шустрый мальчуган? Только бы не мальчуган, взмолился он, только бы не мальчуган!

Молитва его была услышана. Ах, сколько раз в детстве мама говорила: «Когда молишься о чем-нибудь, формулируй просьбу с предельной ясностью».

Глаза уже свыклись с полумраком, и Ника увидел, что под бампером его массивного англичанина лежит девочка.

— Ребенка сбили! — закричала женщина. Эхо обеспечило должный акустический эффект.

— Ты жива? — выдохнул Ника, опускаясь на колени рядом с телом.

В конце концов, с какой скоростью он ехал? Вряд ли больше десяти километров в час.

Девочка-подросток застонала и пошевелилась.

Под гулким сводом раскатывался шум вмиг собравшейся толпы.

— Жива не жива, а посидеть придется, — позло-радствовал бас.

— Надо его на алкоголь проверить, — деловито предложил надтреснутый тенор. — Гоняют по двору, а тут дети.

— Эти завсегда откупятся. Ишь, тачка заграничная, — высказался третий голос, старческий.

Еще кто-то (разумеется, не мужчина, а женщина):

— У кого мобильный есть? «Скорую» надо!

— Не надо «скорую», — сказала вдруг девочка, садясь. — Я ничего... Я сама виновата. Он тихо ехал. Это у меня голова закружилась. Вы извините, пожалуйста, — обратилась она к парализованному ужасом Нике и всхлипнула.

Теперь, когда девочка села, стало видно, что ей лет шестнадцать. Не девочка — девушка. В майке со стеклярусным попугаем на груди, в коротких светлых брючках и сандалиях.

— Молчи, дура! — посоветовал деловитый тенор. — Сама, не сама — какая разница. Ты чё, не видишь, мужик упакованный? Тут реальные бабки светят. Я свидетель буду, как он без фар въехал.

— Да вот же фары, горят! — возмутился Николас.

— После включил. А ты, девка, меня слушай, договоримся.

Но девушка советчика не слушала. Она стояла на четвереньках и шарила рукой по асфальту. Нашла что-то, охнула:

— Господи, разбились!

В руках у нее были солнечные очки. Очевидно, совсем новые, еще наклейка со стекла не снята.

— Так больно? — спросил Ника, наскоро ощупывая ее плечи и затылок. — А так?

— Хорош девку лапать! — крикнул из толпы всё тот же подлый голосишка.

— Нет, только локтем немножко ударилась. Со мной правда всё в порядке.

Но когда он помог девушке встать на ноги, оказалось, что она вся дрожит. Еще бы, нервный шок...

— Садитесь ко мне. Я отвезу вас в больницу.

Доброжелатель, плюгавый мужичонка с сетчатой сумкой, в которой позвякивали бутылки, строго сказал:

— Даже не думай! Сейчас ты — жертва наезда, у тебя все права, а потом иди, доказывай. Он тебя за

угол отвезет и пинком под зад. Но ничё, я номер запомнил.

Толпа, увидев, что ничего особенно драматичного не произошло, уже рассосалась, остался лишь этот прагматик.

— А может, вставить можно? — спросила жертва наезда, надев очки.

Один глаз смотрел на Николаса сквозь сетку трещин, второй, незащищенный и широко раскрытый, был в пустой рамке.

— Я вам куплю другие такие же, — пролепетал Фандорин, всё еще не веря своему счастью. Жива, цела! И, кажется, не намерена вымогать деньги. — Только сначала все-таки съездим в травмопункт, проверимся. Мало ли что.

Он чуть не насильно усадил ее в машину, включил в салоне свет и теперь смог рассмотреть девушку как следует.

Худенькая, светлые волосы до плеч, такие же светлые ресницы и брови — не красится, у нынешних шестнадцатилеток это редкость. Хотя, возможно, ей было и больше. Или меньше. Миновав сорокапятилетний рубеж, Николас стал замечать, что разучился разбирать возраст молоденьких девушек, у которых лицо еще не оформилось, а лишь одна щенячья припухлость на щеках. То ли им шестнадцать, то ли двадцать шесть — не поймешь. Точно так же в юности он удивлялся, как это люди на взгляд определяют, кому пятьдесят пять, а кому семьдесят. Все пожилые дяди и тети тогда казались одного возраста.

— Вам сколько лет? — спросил он на правах пожилого дяди.

— Восемнадцать, — ответила незнакомка, уныло разглядывая очки. — И дужка погнулась...

Вроде хорошенькая, черты лица правильные, а не красавица, по природной мужской привычке (ничего с ней не сделаешь) определил Фандорин. Ведь что такое красавица? В чем тут фокус? В выражении лица, в особенном сиянии глаз, в посадке головы. А сбитая метрокэбом блондиночка была какая-то тусклая, жалкая. Тощие плечики приподняты, на шее сзади детский пушок, да еще носом шмыгает. Странная девчонка, слишком уж беззащитная. Разве нормальная московская девица восемнадцати лет сядет в машину к незнакомому мужчине, который к тому же ее только что сбил? Да нормальная прежде всего запросила бы с владельца липового «роллс-ройса» пару сотен, а то и тысяч. И заплатил бы, никуда не делся.

Николас включил передачу, хотел тронуть с места, но девушка встрепенулась.

— Ой, не надо в травмопункт. Я пойду лучше. Мне в этот дом нужно, по делу. Вы наверно тут живете? Не знаете, в каком подъезде 39-я квартира?

— Нет, я не здешний, — начал Фандорин и вдруг сообразил. — Тридцать девятая? Вы что, к Элеоноре Ивановне?

Вот так совпадение!

Девушка удивилась меньше, чем он. Это и понятно — она ведь решила, что он из этого двора.

— Вы ее знаете? А я нет. Она специалистка по рукописям Достоевского. — Голубые глаза смотрели на Нику ясно и доверчиво. — Мне у нее кое-что выяснить нужно, очень важное.

Вот тебе раз! Фандорину стало любопытно.

— Поразительно, — улыбнулся он. — Тогда давайте знакомиться. Николай Александрович Фандорин.

— Саша. Саша Морозова, — представилась она и протянула шуплую лапку.

— Представьте себе, Саша Морозова, я только что из 39-й квартиры. Тоже приезжал к Элеоноре Ивановне за консультацией.

— Ну и как она? Строгая? — боязливо спросила девочка, опять не сильно удивившись.

У вялых, малокровных созданий реакции и эмоции всегда какие-то пригашенные, подумал Ника. И здорово ошибся, потому что Саша вдруг закрыла лицо ладонями и горько, безутешно рыдалась.

Это потрясение, последствие шока, объяснил себе он, осторожно поглаживая ее по плечу.

— Ну-ну, — шутливо сказал Николас. — Элеонора Ивановна, конечно, особа устрашающая, но не до такой степени. Не Баба-Яга, не съест.

Кажется, подействовало. Саша высморкалась, улыбнулась сквозь слезы — будто солнышко выглянуло из-за туч, но на одно мгновение, не долее.

— А хоть бы и Баба-Яга. — Острый подбородок решительно выпятился. — Мне деваться некуда. На нее вся надежда.

И так это было сказано, что Нике сразу шутить расхотелось.

— Что у вас стряслось? — серьезно спросил он. — И при чем тут Моргунова? Честно говоря, она мне совсем не понравилась. Малосимпатичная старушка.

Навстречу из переулка въехала машина, пришлось пятиться задом обратно во двор.

— Моргунова не при чем. Достоевский при чем, — непонятно объяснила девочка. — Горе у меня. Такое горе...

Снова расплакалась, теперь уже надолго. Больше всего Нику тронуло, что она ткнулась лбом ему в плечо — как Геля, когда была совсем маленькая. Он поглаживал странную девушку по волосам, ждал, пока наплачется и начнет рассказывать — кажется, ей самой этого хотелось.

И она в самом деле заговорила. Рассказ начался невнятно и сбивчиво, так что Ника почти ничего не понимал, но затем понемногу стало проясняться.

Про Сашино горе

Понимаете, надо Илюше за клинику платить, второй взнос, и ужасно много, целых двадцать тысяч... Десять-то папа успел сам внести, а теперь вот еще двадцать, и как? Потом тоже надо, две проплаты, но это не очень скоро. В договоре так написано, у швейцарцев с этим строго. А если не заплатить, выпишут перед следующим этапом. И первые десять тысяч просто пропадут. Евро! У них там швейцарские франки, но мы через фирму-посредника платим, а у них евро...

Десять тысяч — это они только на обследование потратили, а лечить еще даже не начинали. Их тоже понять можно, там же дорого всё

ужасно. Оборудование, палата, медикаменты, и зарплаты у всех не то что у нас, нянечка больше нашего профессора получает... Или, может, у них нет нянечек? Не знаю. У них в Швейцарии даже медсестры с высшим образованием, есть доктора медсестринских наук, честное слово, мне папа рассказывал.

Илюша — это мой брат, ему девять лет. У него порок сердца, врожденный, очень тяжелый. Операция нужна, ее у нас не делают, только в Швейцарии, в одной клинике. Они вдвоем с Антониной Васильевной поехали, это мама его, а моя — ну, «мачеха» нехорошее слово — папина жена. Там в клинике четыре этапа: обследование, первая операция, курс лечения и вторая операция. Если всё сделать, Илюша задыхаться перестанет, сможет бегать, учиться, как все. Нормальный будет. И лицо будет не голубое, а как у всех мальчиков. Румяное.

Э, да я ошибся, она красавица, подумал Ника в этом месте рассказа, увидев, как глаза Саши наполняются сиянием. Просто не сразу разглядишь, но тем сильнее эффект.

— Так в чем горе? — спросил он участливо. — Что нет денег на вторую выплату?

Девушка энергично помотала головой. Вытерла слезы.

— Есть. И я их найду. Обязательно найду. Это я сама придумала у Элеоноры Ивановны Моргуновой спросить, мне про нее папа рассказывал.

— Что спросить?

— Не говорил ли с ней папа про рукопись. Она же самая главная специалистка. Наверняка он ей показывал, совета спрашивал.

Николас так и обмер, а Саша огляделась по сторонам и, хотя они сидели в машине и никого рядом не было, перешла на шепот.

Про Сашино горе (продолжение)

Понимаете, мой папа нашел рукопись. Самого Федора Михайловича. Представляете?

Это его Господь пожалел. Из-за Илюши. Рукопись очень больших денег стоит. На лечение хватит, и еще сколько-то останется. Но главное, чтоб на клинику хватило. Тогда Илюша выздоровеет, и Антонина Васильевна успокоится, не будет нервничать и ругаться, и всё у нас будет хорошо. Как раньше, до капитализма.

Мы тогда очень хорошо жили. Я сама не помню, я маленькая была, но папа рассказывал. Он же доктор наук, у него две диссертации по Федору Михайловичу. Раньше зарплата была приличная, и в институте продовольственные заказы. Это когда всякое вкусное задешево выдают, теперь такого не бывает. А потом папа на Антонине Васильевне женился, потому что моя мама умерла, когда меня рожала. Вот какой на мне грех ужасный, прямо с рождения. И пришлось папе снова жениться. И родился Илюша, весь больной. А тут капитализм, и денег совсем не стало, а на Илюшу много надо...

Я, правда, помогаю, но это не так давно, три года только. Со старушками больными сижу, то есть сидела, квартиры убирала, за это платят хорошо. Один раз повезло, устроилась на дачу к одному парализованному дедуле, целых 30 долларов в сутки. Спать все время хотелось, зато Илюше сок свежий покупали, витаминные комплексы. А потом пришлось уйти, потому что дедулин сын стал приставать. Обещал еще столько же приплачивать, если я буду... ну... сами знаете. Я убежала, даже за последнюю неделю деньги не забрала. Потом стыдно было. Подумаешь, не убыло бы. Это Антонина Васильевна так сказала, сгоряча. Она за это после прощения у меня просила, а зря. Права она: эгоистка я.

А папа говорил: ничего, Санечка, мы еще всем нос утрем. Вот будет у нас много-много денег, мы Илюшу вылечим, и накупим всего. Антонина Васильевна на эти разговоры сердилась, кричала, так папа мне стал рассказывать, когда мы вдвоем. Антонина Васильевна хорошая, но ее тоже можно понять. Выходила за старшего научного, доктора наук, зарплата четыреста рублей с надбавками (это раньше очень много было), а теперь что? Другие как-то приспособились, а папа все время и все деньги на Поиск тратил. Вот найду, говорил, рукопись, купим «мерседес», Илюшу в Швейцарию пошлем, а тебя одену с головы до ног, как принцессу. Представляете? У нас никогда даже «жигулей» не было, а он — «мерседес». Ух, как Антонина Васильевна из-за этого «мерседеса» заводилась! А

папа взял и купил. Когда рукопись нашел. Он ведь ее нашел, представляете? И покупателя нашел, и аванс получил, кучу денег и впридачу «перстень Порфирия Петровича»... Не слышали про такой? А мне папа про него столько рассказывал! Это Федору Михайловичу к 60-летию выпускники Училища правоведения подарить хотели, деньги собрали по подписке, много. Заказали золотой перстень с бриллиантом в четыре карата и гравировкой: «Ф.М. ОТ П.П.» — в смысле «Федору Михайловичу от поклонников-правоведов». Ну а в то же время «от П.П.» — это как бы от следователя Порфирия Петровича, потому что он ведь тоже Училище правоведения заканчивал. Жалко, не успели вручить — Федор Михайлович взял и умер. Так вот, покупатель этот перстень где-то разыскал и папе отдал. Папа ужасно обрадовался. Мне показал и спрятал куда-то, чтобы Антонина Васильевна продать не заставила. Хотя наличными папе тоже много дали. Он столько всего накупил! Не только «мерседес». Антонине Васильевне духов и платьев, себе пиджак с золотыми пуговицами, «блейзер» называется, линзы контактные вставил — он всегда мечтал. И мне много всего: одежду, очки солнечные, с лейблом... А я их разбила...

Саша снова горестно посмотрела на сломанные очки, но тут же просветлела.

— А еще он мне подарил цепочку на шиколотку, с маленькими бубенчиками, из настоящего золота, девятикаратного.

Она подняла коленку к подбородку и продемонстрировала шиколотку. Про золото было сказано с такой гордостью, будто речь шла опять о бриллианте, но уже не в четыре, а в девять каратов.

— «Мерседес» знаете какая машина? Еще лучше вашей. Мы на нем, правда, только один раз всей семьей успели покататься, в Архангельское. Сиденья кожаные, мягкие, можно кнопками стекла все опускать, а вот здесь, где подлокотник...

— Погоди, — оборвал рекламу «Даймлер-Бенца» Николас, напряженно слушавший сбивчивый рассказ. — Итак, твой папа искал и нашел рукопись Достоевского. Что это за рукопись?

— Да я толком не знаю. Папа не рассказывал, говорил, секрет. Он ее спрятал где-то, а сам повез покупателю только начало, в черной папке. Позавчера это было... Папки специальные купил, для представительности, ужасно дорогие.

Саша судорожно всхлипнула, из глаз опять полились слезы. Хотела продолжить, но сразу не получилось.

А Ника, кажется, и сам уже догадывался, что произошло дальше.

— На него во дворе напал кто-то... Голову проломил, папку с рукописью забрал... Я вчера весь день в больнице... Папа без сознания. Сегодня пришла, а он...

И новый взрыв рыданий, таких бурных, что рассказ оборвался.

— Умер, — мрачно констатировал Фандорин.

Ах, Рулет, Рулет, наркоман несчастный, что ты натворил!

Девушка помотала головой.

— Не приходит в себя?

— Нет, прише-ел... — И рыдания еще пуше.

Николас озадаченно смотрел на нее.

— Так что же вы плачете? Из-за пропавшей половины рукописи?

«Это дело поправимое», хотел сказать он, но Саша снова отчаянно замотала головой и уже не заплакала — завывала, да так горько, так обиженно, что Ника вообще перестал что-либо понимать.

— Погодите. Отец живой?

— Живо-ой...

— Почему же вы плачете?

— Живой-то живой... Только это не он...

— Как «не он»?!

— Ой, не спрашивайте больше, не могу я! У-у-у...

И видно было, что действительно не может. Подождал Николас, дал ей еще немного поплакать.

Долго ждать не пришлось, эта девочка умела брать себя в руки.

— Сейчас главное — рукопись найти, — сказала она гнусавым от слез и все же твердым голосом.

— А то ни начала, ни конца. Начало украли, конец папа где-то спрятал. Может, Элеонора Ивановна что-нибудь знает.

Тут-то Ника ей и выдал.

— Элеонора Ивановна не знает. Зато я знаю. Во всяком случае, где первая половина.

И рассказал про Рулета — всё, как было. А чтобы Саша не сомневалась, предъявил исследованную экспертшей страницу.

— Ну, не чудо ли, что мы с вами встретились? —

закончил он с чувством. — Не жалеете теперь, что попали ко мне под колеса?

— Это меня Бог толкнул, — безо всякого надрыва, со спокойной уверенностью произнесла Саша. — И ангел сулил.

Фандорин ошарашенно посмотрел на нее.

— Какой еще ангел?

— Ко мне приходит. Ну то есть, пока только один раз приходил. — Саша мечтательно улыбнулась, глядя куда-то вверх и в сторону. — С золотыми волосами, сияющий.

Э-э, пригляделся к ней Ника, да ты, деточка, кажется, с придурью. Как говорится, это многое объясняет. Ну и история. По-хорошему следовало бы идти в милицию, чтобы этого разбойника Рулета арестовали и рукопись у него отобрали. Но как же тогда будет с Илюшиной операцией? Поступишь по букве закона — надругаешься над справедливостью. Вечная российская проблема.

— Едем! — сказал он.

— Куда?

— В Саввинский переулок. Это за Плющиком.

Надо вызвонить Валю, без нее разговаривать с обколотым налетчиком опасно, лихорадочно соображал Фандорин.

Вот тут Саша в первый раз по-настоящему удивилась.

— В Саввинский? А откуда вы знаете, где я живу?

Николас притормозил, уставился на нее.

— Вы тоже живете в Саввинском?

Она кивнула.

Что за чертовщина, совпадение за совпадением!

Хотя нет, в данном случае никакой мистики: просто Рулет присмотрел жертву рядом с домом. Или же напал на первого попавшегося соседа, от абстинентного остервенения.

Поделившись со спутницей своей догадкой, Ника попробовал осторожно выведать, что же стряслось в больнице с Морозовым-старшим? Что за горе такое, по сравнению с которым меркнет даже пропажа заветной рукописи?

— Не хочу про это. Не могу, — отрезала Саша с неожиданной твердостью. — Так мне и надо. Бог за грехи наказал.

— Да за что Богу вас наказывать? — не выдержал Фандорин. — По-моему, вас хоть сейчас можно в рай запускать. Переодеть только и цепочку с щиколотки снять.

Она посмотрела на него с укором:

— Нельзя так про рай говорить. Нехорошо. А про меня вы ничего не знаете, я ужасная грешница, самая скверная, какие только бывают.

Насупилась, замолчала.

Ну и он к ней больше не приставал. Дальше ехали молча.

* * *

Валя добралась до места раньше, поджидала у подворотни в своем розовом «альфа-ромео».

Знакомясь, оглядела Сашу с подозрением. Та же смотрела на гламурную девицу во все глаза, с восхищением. Шепнула Нике: «Как из журнала!»

Валя, извращенное создание, прошипела в другое ухо:

— На малолетку запали?

На такую глупость Николас и отвечать не стал. Вместо этого сказал:

— Что будем делать, если никого нет дома? Или если не откроют?

Открыли. Правда, не сразу — пришлось раза три жать на кнопку, но в конце концов в коридоре послышались нетвердые шаги, и створка распахнулась.

Пожилая тетка в нечистом халате, с прилипшей к губе сигаретой. Взгляд мутен и нетрезв.

— Нам нужен Рулет, — громко сказал Николас, не уверенный, что его поймут.

— А вы ему кто? — икнув, поинтересовалась тетка.

Валя отодвинула шефа в сторону.

— Родственники.

— Из Рязани? — снова икнула. — Деньги за комнату привезли? Давайте.

— Деньги потом. Рулет дома? Войти-то можно? — Секретарша без церемоний задвинула пьянчужку вглубь коридора. — Николай Александрович, прошу.

— Нету его. Вчера вечером был. И ночью был, бормотал чего-то сам с собой. А утром захожу, он мне двадцать рублей обещал, а его нету. Удрал, гад. И двадцатку не оставил.

По-хозяйски пройдясь по голому коридорчику, Валя кивнула на дверь, украшенную изображением черепа и костей:

— Его контора?

Картинка на двери Рулета

Квартирная хозяйка подумала, похлопала глазами.

— Его.

— Мы зайдем? Нате пока, сходите в аптеку, поправьте здоровье.

Валя не глядя сунула тетке сотенную бумажку. И хозяйку как ветром сдуло, даже тапки не переобула.

— Ну что, поищем? — потерла ладони ушлая Валентина, входя в комнату.

Поискали. Хорошо поискали. Николас сначала переживал: как так, произвол, несанкционированное вторжение в чужое жилище, но когда девушки ничего похожего на рукопись не нашли, присоединился к поискам.

По правде сказать, спрятать стопку бумаги в этой комнате было особенно негде. Кровать отсутствовала, ее заменял полосатый замызганный мат-

рас (его, конечно, прощупали в первую очередь). Ну, стол, разошедший стул. Несколько предметов одежды, беспорядочно сваленных в углу. Старые кроссовки. Пустой шприц. Всё.

Ника простучал паркетины, стены, подергал плинтусы. Ничего.

Единственная странность — на подоконнике едва заметный след подметки (судя по рельефному рисунку, спортивная обувь), будто кто-то стоял на окне, причем лицом в комнату. Однако Рулет — парень высокий, у него и кроссовки сорок четвертого размера, а след, как прикинул Николас, был максимум тридцать восьмого. Очевидно, женский.

Не зная, куда еще заглянуть, Фандорин даже перегнулся через подоконник, вспомнил, что герои романа «Белая гвардия» устроили тайник за окошком.

Но и там ничего не было, только какие-то странные пятна на штукатурке. Они вели снизу вверх и чуть пониже окна обрывались. Николас потрогал пятно — что-то липкое. Брезгливо вытер палец платком.

В общем, визит к Рулету ничего не дал.

— Ну, шеф? — спросила Валя. — Где будем рыть этого торчка? То есть, я хотела сказать: где нам искать этого наркомана?

— Милиция нашла бы его в два счета. И найдет, если сам не объявится. — Ника взглянул на Сашу, увидел, как у той задрожали губы, и быстро добавил. — Но не будем торопиться. Навестим Рулета снова. И, может быть, даже не раз. Рано или поздно застанем. Так или иначе, у кого искать первую половину рукописи, мы знаем. Проблема — вторая

половина. Вы говорили, отец ее куда-то спрятал? Но если он пришел в себя, то значит, может рассказать. Он в состоянии говорить?

Девочка опустила глаза, кивнула.

— В чем же дело?

Молчание.

— Послушайте... — Фандорин начинал сердиться. — Если вы хотите, чтобы я вам помог, не играйте со мной в молчанку!

Саша обреченно вздохнула.

— Едете в больницу. Сами увидите. Пускай Марк Донатович, я так не объясню... И не поверите вы... Поедете?

Почему я должен ехать в какую-то больницу, к какому-то травмированному достоевсковеду, да еще какой-то Донатович на мою голову, задал себе резонный вопрос Ника, уже предчувствуя, что судьба затаскивает его в очередную мутную историю. Это ведь даже не работа с клиентом, просто попросила странноватая девчонка, с явными психическими отклонениями!

Живешь себе в разумном, реальном мире, день да ночь — сутки прочь, живешь так месяц, год и начисто забываешь, что совсем рядом, на расстоянии одного удара сердца, существует другой мир — непредсказуемый, опасный, фантастичный. Ведь не раз уже попадал в его цепкие лапы. В них только угоди — не выберешься. А если и выберешься, то весь исцарапанный, едва живой.

Чего я переполошился, попробовал успокоить себя Фандорин. Подумаешь — навестить в больнице раненого, помочь советом бедной девочке, да

такой славной, несовременной. Ангелы вон ей являются.

Но интуицию не обманешь. Знал Николас, уже тогда, в пустой комнате пропавшего Рулета, когда ничего страшного еще не произошло, знал: один шаг — и выпадешь из белого мира в черный, где придется существовать по совсем иным законам. Так что винить магистру истории было некого.

Но и давать задний ход было поздно.

Границу, отделяющую реальный мир от фантастического, он уже пересек, сам того не поняв и не заметив. Произошло это не сейчас, а в ту секунду, когда под колеса его метрокэба упала худенькая девочка.

Или еще раньше — когда в дверь офиса 13-а позвонил ободранный юноша со стопкой бумаги под мышкой.

И вообще, мужское ли это дело — бегать от судьбы?

Валя изумленно смотрела на молчащего шефа.

— Николай Александрович, а чего такого? Сто-няем, посмотрим. Интересно же!

Ей-то что. Она, ходячая небылица, в фантастическом мире чувствовала себя, как дома.

5. ФИЗИОЛОГИЯ МОЗГА

Николасу случалось бывать в постсоветских больницах, и он рассчитывал увидеть огромный корпус из грязно-белых панелей. Расположен он будет где-нибудь у Кольцевой автодороги, внутри будет пахнуть дезинфекцией и кислой капустой, по коридору не пройти — все заставлено койками, потому что в палатах не хватает мест. Ничего не попишешь — бесплатная медицина. Дареному коню в зубы не смотрят.

Но в больнице, куда они приехали с Сашей Морозовой, всё было иначе.

Во-первых, находилась она не на окраине, а в самом центре столицы, на так называемом Золотом острове, почти напротив Кремля.

Во-вторых, больница была маленькая: на улицу выходило трехэтажное здание в модном стиле «техно», с обеих сторон к нему подступала ограда, за которой зеленели деревья.

Ну и наконец, в сущности, никакая это была не больница. «Научно-исследовательский центр физиологии мозга» — вот что значилось на ослепительно сияющей табличке.

И внутри всё оказалось очень прилично.

Просторный вестибюль с кожаными креслами, мраморная стойка, за которой дежурили две элегантные девицы в фисташковых комбинезончиках. Одна стрекотала по телефону:

— C'est de la part de qui? ...Ah, oui, madame, bien sûr¹.

Другая, приветливо улыбаясь, спросила:

— Чем я могу вам помочь? — И когда Саша сказала «мы к Марку Донатовичу», улыбнулась еще шире. — Минуточку. Присядьте.

— Гламурненькая больничка. Настоящий бизнес-класс, — одобрила заведение Валя, беря со столика лакированный журнал и усаживаясь. — Не экономят на персонале. И правильно. Ресепшн — лицо фирмы.

Пожилая медсестра, прокатившая мимо пациента в хромированном кресле, Вале тоже понравилась.

— Всё у них по уму. Для понта — цыпули, для дела — бабули.

— Послушайте, Саша, — не выдержал Ника. — Вы говорили, что денег нет и за брата платить нечем. Но я представляю, во сколько обходится лечение в этом дворце.

Девушка, нервно переминавшаяся с ноги на ногу, тихо сказала:

— Ни во сколько... Марк Донатович, это главный врач, взял папу, потому что необычный диагноз. — Ее личико дернулось. — Тут с пациентов

¹ Как вас представить? ...Ах да, конечно, мадам. (фр.)

вообще денег не берут, это же исследовательский центр.

— Чего необычного-то? — удивилась Валя. — Подумаешь, по башке стукнули. На Москве таких диагнозов в день по сто штук.

Ответить Саша не успела — девушка из ресепшна повела посетителей к главврачу: широким коридором, потом лестницей на второй этаж.

Перед кабинетом с табличкой «МАРК ДОНАТОВИЧ ЗИЦ-КОРОВИН» нажала на кнопку и удалилась, предупредив:

— Вы можете войти, когда откроется дверь.

Постояли, подождали. Дверь что-то не открывалась. Откуда-то просачивалась заунывная восточная музыка.

Валя от нечего делать с минуту грациозно покачала шеей, поделала пассы руками, изображая индийский танец, потом ей это наскучило. Она приложила ухо к двери.

— Музыку он слушает! А его, между прочим, люди ждут.

И решительно повернула ручку.

Картина, открывшаяся взгляду посетителей, была не совсем обычной.

В небольшом офисе на полу лежал пожилой мужчина с закрытыми глазами, безвольно раскинув конечности. Здесь же, прямо на линолеуме, замысловато закрутив ноги, сидела молодая женщина — черноволосая, стриженная под мальчика, да и фигурка у нее была, что называется, мальчишковая. Мужчина был в брюках и майке, женщина в легком белом костюме. У стула аккуратно стояли две пары обуви — одна большого размера и одна

маленького. Музыка лилась из висевших на стене динамиков.

— Тс-с-с! — Брюнетка приставила палец к губам и невесомо, не коснувшись руками пола, поднялась.

На цыпочках подошла, прошептала:

— Марк Донатович релаксирует в позе трупа. Сейчас я его выведу из состояния покоя.

Она присела на корточки рядом с доктором, провела узкой ладонью перед его лицом, что-то прожурчала на ухо.

Мужчина открыл глаза, улыбнулся.

— Спасибо, Кариночка. А, уже пришли?

Он поднялся — тоже довольно прытко, невзирая на солидную комплекцию и возраст.

— Здравствуйте, Марк Донатович, — робко произнесла Саша. — Это мои друзья — Николай Александрович и Валентина.

— Очень хорошо, — улыбнулся доктор Зиц (как дальше, Ника забыл). — Сашеньке сейчас необходима психологическая поддержка, девочка на грани срыва. А мы с Кариночкой устроили себе пятиминутку отдыха. Знаете, вот так немножко полежишь в позе трупа, с полным отключением всех мышц, и как будто часок поспал. Ассистентка у меня золото, у нее диплом по хатха-йоге.

Фандорин удивленно приподнял брови: черно-волосая Кариночка, уже успевшая подать главному врачу халат, опустила на колени и стала надевать шефу туфли. Да еще и старательно смахнула с них пылинку. Ну и дрессировка персонала!

— Кариночка, позвони в Лондон, скажи, что заключение будет готово завтра утром. Про твое со-

ревнование не забыл, помню. Позвонишь — и можешь идти. Желаю победы. Кариночка у нас, кроме всего прочего, еще и каратистка. На первенстве Москвы выступает, — пояснил Марк Донатович гостям и широким жестом показал на кожаную дверь. — Милости прошу ко мне.

Замечательный у него был кабинет: не столь уж большой, но весь наполненный светом, с прекрасным видом на сад, с дизайнерской мебелью, стены сплошь увешаны дипломами и фотографиями, а на отдельном столике изысканная минималистская икэбана.

Минималистская икэбана

Любопытный типаж, думал Ника, разглядывая доктора Зица. Сразу видно — личность.

Это был высокий, полный человек с прямыми седыми волосами, в очках и с большим золотым перстнем на припухшем от жира пальце. Весь он был какой-то широкий, избыточный, и всё на нем было широкое — щегольский халат (оказывается, и докторский халат бывает щегольским), белые брюки, удобные плоские туфли. Движения больших рук были размашисты, голос раскатист и барственный. Но больше всего поражали ярко-синие, очень молодые глаза, странно смотревшиеся на морщинистом лице.

Без интереса скользнув по Саше и на несколько секунд задержавшись на Николасе, мальчишеские глаза седовласого доктора остановились на Вале, сверкнули искорками и с этого момента глядели на нее почти неотрывно. Да и говорил Марк Донатович, главным образом адресуясь к эффектной фандоринской секретарше.

Валя, конечно, рада стараться: ноги сдвинула, руки пристроила на коленях, глазки целомудренно опущены, но время от времени прицельно постреливают по объекту из-под длинных ресниц.

— Вы супруга Николая Александровича? — вот первое, чем поинтересовался Зиц.

— Нет-нет, — проворковала Валя, кокетка. — Мы коллеги по работе, и еще я дружу с его женой.

Приятнейше ей улыбнувшись, врач ненадолго одарил вниманием Сашу:

— Деточка, я знаю, какой ты перенесла шок. Но не надо устраивать из случившегося трагедию. Как говорили в древности у нас на Руси, твой па-

па «впал в изумление», то есть *выпал из ума*. Помнишь, как у Высоцкого: «Он то плакал, то смеялся, то щетинился, как еж. Он над нами издевался — ну сумасшедший, что возьмешь?»

— Папа не сумасшедший! — надорванным голосом выкрикнула девочка.

— Ну конечно. Это просто последствие травмы. Уверен — временное. Я обязательно его вылечу.

Зиц успокаивающе похлопал Сашу по руке, но смотрел уже снова на Валу.

— Скажу без ложной скромности: специалистов моего уровня по физиологии мозга в мире двое-трое, ну максимум четверо. И ни у одного из них нет моей генеалогии, а в нашей профессии это очень, очень важно. По отцу я происхожу из Коровиных, это четыре поколения психиатров. А мой прадед по матери — и вовсе академик Зиц, тот самый, великий нейрофизиолог. Вот почему у меня двойная фамилия, и «Зиц» в ней стоит на первом месте, так договорились между собой мои родители. Между прочим, «Марком» они меня назвали в честь императора Марка-Аврелия, это вам тоже не комар чихнул.

Марк Донатович усмехнулся Вале, как бы иронизируя над собственной похвальбой. Общий эффект получился такой, какой надо: и впечатляюще, и обаятельно.

Было видно, что главврач обожает распускать перья перед красивыми женщинами, поэтому Ника решил повернуть разговор в более деловое русло:

— Скажите, что за диагноз у Сашиного отца? Сама она не смогла нам объяснить.

Марк Аврелий

— Еще бы. Пойдемте в палату. Расскажу по дороге.

Отвлеченный от созерцания Вали, Зиц сразу стал сама деловитость. Взглянул на свой «роллекс», вскочил, заторопился.

— Ты, деточка, можешь подождать здесь, — сказал он Саше. — Я понимаю, это тяжело.

Та, побледнев, покачала головой.

— Нет, я с вами.

Первый раз Марк Донатович остановился в кабинетике секретарши (которая, очевидно, уже успела поговорить с Лондоном и упорхнула). Поднял палец и сказал:

— Начнем с того, что последствия всякой Си-И-Ти, то есть *cranioencephalic trauma* — черепно-мозговой травмы, непредсказуемы и чреватые непредсказуемыми осложнениями. Человеческий мозг — система тонкая, таинственная, постоянно ставящая нас в тупик. Да что же вы встали? Пойдемте.

По ходу объяснения эта сцена повторялась неоднократно. Доктор останавливался в коридоре, на ступеньках, на лестничной площадке, снова в коридоре, выдавал очередную порцию сведений и удивлялся — что это слушатели стоят, когда нужно торопиться.

Понимать его речь, изобиловавшую аббревиатурами, по преимуществу англоязычными, было не просто — даже носителю языка Николасу, не говоря уж об остальных. Суть же сводилась к следующему.

От сильного удара в мозг больного нарушилось нормальное кровообращение, что полностью изменило установившиеся психофизические параметры поведения. Этот тип посттравматической дисфункции носит общее название «Organic Aggressive Syndrome» — «Органический агрессивный синдром», причем в случае пациента Морозова стопроцентно прослеживается симптоматика редчайшей разновидности OAS, так называемого *Kusoyama Syndrome*, Синдрома Кусоямы. Психиатрический диагноз подтверждается результатами SPECT, Однофотонной эмиссионной компьютерной томографии. В обоих полушариях имеются выраженные гипокаптуры. Почти не вызывает сомнений, что серьезно нарушен серотонергический

баланс, в связи с чем возникли кардинальные личностные изменения. Проводимый курс лечения предполагает фармакологическую компенсацию 5-эй-ти-нейротрансмиссии, однако пока положительный результат не прослеживается. Должен произойти качественный скачок, который восстановит нормальное кровообращение, а также белковый и гормональный баланс.

Дослушав всю эту муть, Фандорин спросил:

— Он что, от удара сошел с ума? Тронулся рассудком?

Марк Донатович с сожалением посмотрел на него. Вздохнул.

— Нет, с ума Морозов не сошел. В том смысле, что способности к рациональному мышлению он

Профессор Х.Кусояма

не утратил. «Тронулся рассудком» — определение крайне некорректное, но более верное. Видите ли, патологическое состояние, известное как Синдром Кусоямы, пока очень мало изучено медициной, а в столь острой форме вообще регистрируется впервые. Это интереснейший феномен! Такая

удача! — Врач поперхнулся, поглядев на дочь больного. — Я имею в виду, в научном смысле.

— Да что за Кусояма такая? — нетерпеливо спросила Валя. — Вы по-нормальному, по-человечески объяснить можете?

Оказалось — может. Во всяком случае, если попросит красивая женщина.

— Если упрощенно, человек становится своей полной противоположностью. В ментальном и нравственном смысле. Инстинкты и комплексы, которые пациент все шестьдесят лет жизни подавлял усилием воли, сознания, воспитания, вырвались на поверхность. То же, что составляло приоритетные и обыденные интересы, утратило всякую ценность. Жертва синдрома, впервые описанного профессором Кусоямой, так сказать, сжигает всё, чему поклонялась, и поклоняется всему, что сжигала. Человек как бы превращается в свой негатив — ну, вроде фотопленки. Что было белым, становится черным. Что было черным, становится белым. Понимаете?

— Нет, — честно признался Ника и поглядел на Валую.

Та пожала плечами. Саша, тяжело вздыхая, смотрела в пол.

— Да, это надо видеть собственными глазами, — снисходительно обронил Марк Донатович. — Идемте, что вы всё останавливаетесь? Время, время!

До стационара было уже рукой подать. Глядя на тропические деревца в кадках, на плазменный телевизор в холле, Фандорин спросил:

— Скажите, а на какие средства содержится эта прекрасная клиника?

— Не клиника. Научно-исследовательский центр, — поправил его Зиц. — Первоначально мы существовали исключительно на частные по-

жертвования. У нас есть главный спонсор. Он и сам давал деньги, и, главное, помогал привлечь средства других состоятельных людей. Но теперь мы достигли европейской известности и вышли на самоокупаемость. Собственно, уже и прибыль даем. За счет выполнения различных заказных исследований и программ... Ну вот мы и пришли.

Он остановился перед стеклянной матовой дверью, однако вошел не сразу. Потер пальцами виски, будто хотел сосредоточиться или сконцентрировать волю. Потом обнял Сашу за плечо:

— Мужайся, деточка. Как говорят французы: «Кураж!»

А Нике и Вале сказал:

— Опасаться нечего. Палата специально оборудована.

На душе у Николаса, и так одолеваемого нехорошим предчувствием, стало совсем тревожно.

— Погодите, — начал он. — Что значит «специально оборудована»? И почему мы должны чего-то опасаться...

— А-а! — воскликнул доктор, глядя мимо него. — Аркадий Сергеевич! Уже приехали? Это и есть наш спонсор, о котором я вам говорил, — вполголоса объяснил он Вале и поспешил навстречу троице, появившейся из-за угла: двое мужчин и подросток.

— Вот, Николай Александрович, становитесь спонсором, и к вам тоже люди потянутся, — прокомментировала бегство главврача Валя. — А так ваш номер шестнадцать, стойте и ждите.

* * *

Спонсор Аркадий Сергеевич не сделал ни одного движения навстречу доктору. Этот человек явно привык, чтобы к нему кидались, причем со всех ног. Даже вальяжный Зиц-Коровин поневоле перешел на полурысцу. Правда, этот несолидный аллюр получился у Марка Донатовича не подбострастным, а таким порывисто-энтузиастическим.

— Приветствую светило отечественной и мировой медицины, — с улыбкой протянул руку Большой Человек.

Собственно, это был не просто Большой Человек, но еще и государственный муж — Николас разглядел на пиджаке трехцветный депутатский значок, официальность которого несколько смягчалась курительной трубкой, торчавшей из нагрудного кармана.

Рост, стать, спокойный взгляд, модуляции голоса — всё свидетельствовало о *крупнокалиберности* Аркадия Сергеевича. Такой, наверное, и в детском саду выглядел маленьким начальником.

Сопровождали спонсора двое: паренек в бейсбольной кепке задом наперед и невысокий крепыш в черном костюме. Профессию крепыша выдал цепкий, обшаривающий взгляд, которым тот окинул Фандорина и его спутниц. Понятно — телохранитель. Нарочно, что ли, депутат такого коротышку подобрал — дабы смотреться еще величественней?

Но если это охранник, почему он стоит за спиной у мальчика? Странно.

И мальчик тоже какой-то странноватый, на головастика похож. Да нет, присмотрелся Николас — просто у него волосы убраны под шапку, оттого голова и кажется несоразмерно большой.

Марк Донатович почтительно поздоровался с депутатом, на охранника не взглянул, а подростка просто похлопал по груди — на ней красовался логотип футбольного клуба ЦСКА. Ника заметил, как по нервному лицу мальчика пробежала брезгливая гримаска.

О чем они между собой разговаривали, Фандорин старался не слушать — неудобно. Но кое-какие обрывки всё же долетали.

Эмблема ЦСКА

— ...И головные боли как рукой снимет, — говорил Зиц, продолжая поглаживать паренька.

Тот сделал полшажка в сторону — отодвинулся.

— На ангела похож, — тихонько прошептала Николасу на ухо Саша.

— Разве ангелы болеют за ЦСКА? — пошутил Фандорин, уже знакомый с этим выражением ее лица. Когда она говорила о Господе или ангелах, брови у нее приподнимались, а в глазах появлялся мечтательный блеск.

Держался паренек совсем не по-ангельски. Доктор его о чем-то спрашивал, а он глядел в сторону, шмыгал носом, отвечал что-то сквозь зубы, нехотя.

Тем временем Аркадий Сергеевич перевел свой царственный взор на Николаса и его спутниц — удостоил заметить, по-другому этот неспешный поворот головы не назовешь.

— А, Саша, ну как дела у папы? — сказал он и — о чудо — сам двинулся в эту сторону.

— Здравствуйте, Аркадий Сергеевич. Неважно, — печально ответила девочка.

Выходит, они знакомы?

Охранник за депутатом не пошел, лишь посмотрел на Николаса еще раз — очень внимательно. Прищуренные глаза светились неистовым огнем, от которого Фандорин поежился. Такой взгляд бьет у сторожевого пса, который никогда не лает, но от которого лучше держаться подальше — накинется без предупреждения и вцепится намертво.

— Ничего, всё образуется. Главное, папа жив. А Марк Донатович его вылечит, он ведь у нас волшебник.

Обращался спонсор к девушке, но смотрел при этом на Николаса, как бы спрашивая: а ты что за фрукт, почему здесь?

Ника представился, отрекомендовался «Сашиным знакомым» — и сам на себя разозлился, что поддался властной ауре Большого Человека.

Хорошо, Валя поддержала реноме — талантливо сыграла человека свиты. Подняла руку — мол, не такая я персона, чтобы называть свое имя — и, изобразив почтительный полупоклон в сторону шефа, сказала:

— Я референт Николая Александровича.

Спонсор кивнул. Очевидно, в его кругу всякого мало-мальски приличного человека обязательно

кто-нибудь сопровождал — не телохранитель, так референт или ассистент.

— Аркадий Сергеевич Сивуха, — пожал он руку Николасу. — Фамилия такая.

Донесся резкий мальчишеский голос:

— Послушайте, не трогайте меня, а?

Это мальчик в очередной раз увернулся от покровительственной длани главврача — теперь уже с нескрываемым раздражением.

— Это не то, что вы подумали, — сказал Сивуха, заметив взгляд Николаса. — Да, Олег проходит здесь курс лечения, но с психикой у него всё в порядке. Мой сын не шизофреник и не умственно отсталый. У него проблема противоположного свойства. Мальчик — гений, а это очень тяжелая нагрузка для личности.

— А-а, ваш сын — пациент доктора Зица? — протянул Фандорин. — Так вот почему вы спонсируете эту клинику.

Получилось не очень вежливо, Николай даже смутился. Но Сивуха, кажется, не обиделся.

— Да, в свое время я создал этот медицинский центр ради сына. В основе благотворительности всегда лежит личная мотивация, без этого не бывает. Вот и мне, как говорится, *nihil humanum*¹.

Судя по этим словам, человек он был неглупый и, похоже, с образованием — для депутата редкость.

— Папа, я устал! Можно я пойду к себе?

¹ Ничто человеческое [не чуждо] (лат.)

Оставив доктора, к ним приближался «мальчик-гений». На вид ему было лет пятнадцать, тонкий голос еще не начал ломаться.

Охранник двигался, отстав на два шага, из чего следовало, что приставлен он не к депутату, а к отпрыску.

— Вы кто? — с подростковой непосредственностью спросил отпрыск, рассматривая Николааса.

— Меня зовут Николай Александрович. А вас?

Фандорин нарочно обратился на «вы» — в переходном возрасте мальчикам очень хочется, чтобы их воспринимали как взрослых.

— Олег. Сколько вам лет?

Все-таки он совсем еще ребенок, подумал Николай и, чуть улыбнувшись, ответил.

Олег смотрел на него и молчал, в холодных голубых глазах не было ничего детского. Улыбка сама собой сползла с Никиного лица.

— Вы ошибаетесь, — задумчиво проговорил Олег. — Вам никак не больше тринадцати. Я бы дал одиннадцать-двенадцать. В общем, поздний предпубертат.

Фандорин удивился — не столько странному заявлению, сколько тому, что мальчик знает такое мудреное слово.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил подошедший доктор Зиц.

Олег не повернул головы — он обращался исключительно к Николаасу:

— Я умею видеть настоящий возраст мужчины. У женщин по-другому. Они с годами меняются. Внутренне. Сначала девочка, потом девушка, потом женщина, потом старуха. Если перевести на

язык семейного позиционирования, дочь — жена — мать — бабушка. Это связано с деторождением и меноциклом.

Ника слушал с все возрастающим изумлением, а странный мальчик по-прежнему вел себя так, словно кроме них двоих здесь никого не было.

— Но мужчина запрограммирован на один возраст. И внутренне почти не изменяется. Вот папе по паспорту пятьдесят, а на самом деле двадцать пять. Он всё рвется в вожаки стаи, всё норовит побольше самок затоптать и пошире территорию пометить. Таким был, таким и останется.

Поразительно, но папу-депутата эта дефиниция нисколько не шокировала. Наоборот, он поглядел на окружающих с горделивой улыбкой — мол, видите, какой он у меня гениальный?

— Или взять вас. Вы говорите, вам сорок пять, а я вижу: предпубертат, канун полового созревания. Всё в мушкетеры тянет играть. И до самой смерти не наиграетесь. Такая уж в вас заложена программа.

А ведь маленький паршивец прав, подумалось вдруг Нике. Я в самом деле часто чувствую себя двенадцатилетним среди людей взрослых и зрелых.

— Ну, а мне сколько лет? — поинтересовался Марк Донатович.

Олег, не повернувшись, обронил:

— Семь. Вы еще не вышли из возраста младенческой жестокости. И никогда не выйдете. Правда, любопытно смотреть, как поведет себя стрекозка, если ей оторвать крылышки?

Доктор засмеялся.

— Олег, вы сами-то какого возраста? — спросил Ника.

— При моем диагнозе? — Паренек делано рас-
смеялся. — Весьма преклонного.

Нике внезапно сделалось ужасно жалко ершистого акселерата. Что же у него за диагноз такой? От чего его здесь лечат? Не от гениальности же, в самом деле? Хотя, безусловно, мальчик очень умен, начитан и не по годам развит.

— Пойдем, папа. Я придумал одну штуку, хочу тебе показать.

Больше Олег на Фандорина не смотрел, будто уже вычислил эту неизвестную величину и утратил к ней всякий интерес.

Только, когда троица уже уходила по коридору, удивительный мальчик на секунду обернулся и посмотрел на Николаса как-то по-особенному. Будто с безмолвным предостережением.

— Он что, в самом деле гений? — спросил Фандорин, когда папа, сын и охранник скрылись за поворотом. — Господин Сивуха так сказал.

Марк Донатович покривился.

— М-да. Случай очень непростой. Больше десяти лет работаю с Олегом. Он здесь, можно сказать, пол-жизни проводит. Лечение сложное, многоэтапное... Насчет гения Аркадий Сергеевич, как свойственно родителям, преувеличивает, но молодой человек, действительно, обладает незаурядными способностями. Мог бы стать талантливым изобретателем — если бы не тратил время на всякую ерунду. Ведь что такое талант? — оживился Зиц, очевидно, садясь на любимого конька. — Та же физиологическая дисфункция мозга, связанная опять-таки с нарушением гормонального баланса. Вот у Морозова произошла недопоставка серото-

нина. А у Олега — врожденная проблема со стероидами. Как бы вам проще объяснить? Недоразвитие одного участка мозга компенсируется гипертрофированным развитием другого участка. На это и нацелена стратегия моего лечения: восстановить равновесие.

— Загасить талант, что ли? — спросила Валя. — Типа: станет потупее, и гормоны устаканятся?

Зиц засмеялся.

— Не совсем так, Валечка. Если вас интересуют вопросы гормональной деятельности, я с удовольствием устрою для вас небольшой экскурс. Может быть, заглянете ко мне, чуть позже? Я покажу вам свои разработки. Это очень интересно, поверьте.

— Могу себе представить, — до предела распахнула ресницы Валя.

Эскалации флирта помешала Саша Морозова.

— Марк Донатович, пойдёмте уже к папе, а? — напряженным голосом произнесла она.

Во взгляде девушки, устремленном на дверь палаты, читались тоска и ужас.

* * *

Такое Фандорин прежде видел только в кино.

Посередине большой белой комнаты стояла белая кровать. На ней, пристегнутый белыми ремнями, в белом кожаном наморднике лежал доктор филологических наук Морозов. Даже его перебинтованная голова была прикреплена к изголовью особым ремнем. Мужчина скосил на вошедших глаза — их белки сверкнули диким, синеватым блеском.

Рядом на стуле сидел здоровенный детина в халате. На поясе у него висела не то резиновая дубинка, не то электрошокер — потрясенный зрителем, Николас толком не разглядел.

Ступив через порог, Саша немедленно, в ту же секунду, начала всхлипывать. И ее можно было понять...

— Здравствуйте, Филипп Борисович! — с фальшивой жизнерадостностью провозгласил Зиц и тихо добавил. — Иначе было нельзя. Вчера, выйдя из комы, он набросился на медсестру Изабеллу Анатольевну. С целью изнасилования.

Валя хихикнула:

— Ну и как, успешно?

— Ничего смешного. — Марк Донатович посуловел. — Он держал Изабеллу Анатольевну зубами за горло, она даже позвать на помощь не могла. Хорошо, вошел медбрат, Коля Степаненко. То есть чего хорошего... Когда Коля попытался оторвать больного от медсестры, Морозов сломал ему обе руки и откусил пол-носа. Понадобилось двое врачей-мужчин и четверо охранников, чтобы совладать с пациентом. Сила чудовищная.. А результат такой. У рентгенолога сломана челюсть, у двоих охранников серьезные укусы. Изабелла Анатольевна в шоковом состоянии, она ведь даже замужем никогда не была. Плюс на горле ссадины от зубов. С Колей Степаненко вообще беда. Морозов ведь нос не просто откусил, но еще и проглотил. Так что обратно не пришьешь...

Присвистнув, Валя поглядела на скованного филолога с уважением.

— Вот это да! Прямо Тарзан, Шварценеггер какой-то. А по виду — сморчок сморчком.

— Синдром Кусоямы, чего вы хотите, — пожал плечами Марк Донатович. — Всё шиворот-навыворот. Я вчера говорил по телефону с супругой пациента, она сейчас в Базеле. Говорит, тишайший человек. Последние шесть лет не проявлял никакого интереса к половой жизни. И вот что мы имеем: гиперагрессивность плюс гиперсексуальность. Виноват тестостероновый взрыв. Гипофиз просто захлебывается от перепоставки гормонов. Мозговой центр агрессивности возбужден до предела...

Доктор филологических наук кое-как вывернул голову. На Зица и Николаса едва взглянул, Валя его

БОЛЬШИЕ ПОЛУШАРИЯ

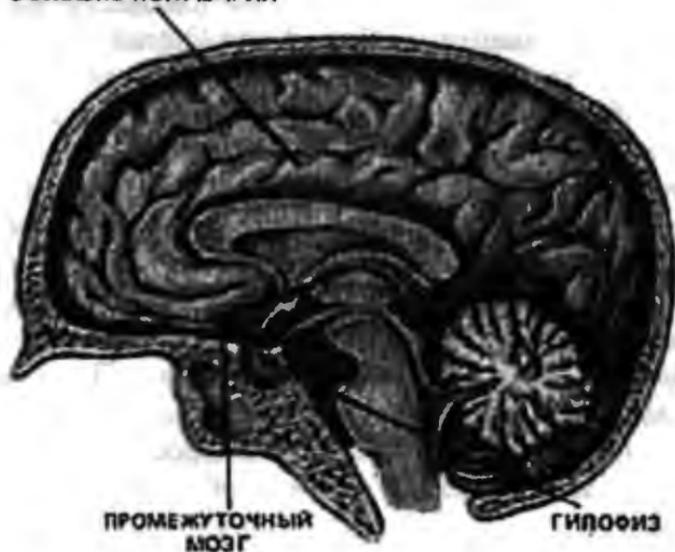

Схема человеческого мозга

тоже не заинтересовала, зато при виде дочери больной весь заизвивался, даже зарычал.

Саша вскрикнула и спряталась за Нику.

— Филипп Борисович, я сниму с вас маску, если вы пообещаете вести себя тихо и не кричать, — громко сказал главврач. — Даете слово?

Забинтованная голова еле заметно кивнула.

— Ну вот и умничка. Миша, сними. Только пальцы осторожно. И лобный ремень оставь.

Санитар (или охранник?) отстегнул намордник, повесил на изголовье.

— Иди, Миша, побудь в коридоре. Ты нам пока не нужен. Мы будем вести себя хорошо, правда?

Больной сладко улыбнулся, но, едва за Мишей закрылась дверь, отмочил штуку: высунул длинный, очень красный язык и, не сводя глаз с Саши, сделал им несколько змеобразных движений, а потом облизнулся. Зрелище было отвратительное.

Девушка так и зашла от судорожных рыданий, а Зиц укоризненно сказал:

— Филипп Борисович, вы же обещали!

— А разве я кричу? Я тише воды, ниже травы. Сашенька, доченька, подойди, поцелуй папочку. Желательно взапас.

Голос у больного был едкий, глумливый, но речь вполне связная, отчетливая. Новый взрыв Сашиного плача сопровождался гаденьким дребезжащим смехом папаши.

— Да, с дочерью я вчера здорово ошибся, — рассказал главврач Николасу и Вале. — Сначала я решил, что вспышка агрессии — единократный припадок, временное помрачение сознания. И вызвал девочку. Его жена сказала, он в дочери души не ча-

ет. Думал, пациент увидит родного человека, начнет приходить в себя. Виноват я, очень виноват. Понимаете, больные синдромом Кусоямы невероятно хитры и изобретательны. Морозов прикинулся, что ничего не помнит про Изабеллу Анатольевну. Плакал, просил его отстегнуть. Ну, я и поддался... Вначале вроде бы шло нормально. Они с дочкой обнялись, оба плачут. Но стоило оставить их двоих... Крик, рык, грохот! Едва мы у него девочку вырвали. Ему сейчас все равно — дочь, не дочь. Вся этическая система полетела вверх тормашками...

— Папа на самом деле не такой! — дрожащим голосом выкрикнула Саша. — Он просто болен!

— Конечно. И я обязательно его вылечу. — Зиц подошел к кровати, наклонился. — Филипп Борисович, ведь вы умный, интеллигентный человек. Взгляните на свое состояние с научной точки зрения. В результате травмы у нас с вами проблемка по части физиологии мозга. Произошел перекос гормонального снабжения, вы повышено возбудимы, но зачем же так травмировать Сашу? Ведь она ваша дочь!

Морозов ослабился.

— А кого тут еще травмировать? Этого мерина переодетого, что ли?

Он дернул головой в сторону Вали — та аж руками всплеснула от такого ужасного оскорбления.

Ника же поневоле был впечатлен. Впервые на его памяти кто-то с ходу определил Валино гендерное происхождение.

— Не обращайтесь внимания, он психически болен, — шепнул Валентине врач. — Филипп Борисович, я ввожу вам внутривенно препарат моей

собственной разработки. Он поможет вашему мозгу справиться с последствиями травмы. Всё вернется на свои места. Но на это понадобится время. Сколько — не знаю. Торопиться опасно — слишком большая нагрузка на сердце, а элетрокардиограмма у вас не очень.

— Тю-тю-тю, — сказал на это Достоевсковед. — Пойди лучше, *** *****.

Загнул такое, что Ника не решился даже посмотреть в Сашину сторону.

У Зица в кармане запищал телефон.

— Ой, ради Бога, простите! — заизвинялся доктор перед невидимым собеседником. — Совсем из головы вон! Сейчас, сейчас бегу! Одна минута.

Рассоединился, скороговоркой объяснил:

— Меня уже десять минут ждут, совсем забыл. Попробуйте восстановить эмоциональный контакт. Попытка — не пытка. Только ни в коем случае не отстегивать и близко не подходить. Как бы ни прикидывался, как бы ни упрашивал. Если что — Миша за дверью.

И был таков.

— Ничего, — мрачно заявила Валя. — Если что, я его и без Миши вырублю.

Она хотела показать больному кулак, но Ника удержал запястье уязвленной помощницы. Надо было и в самом деле попытаться установить контакт с этим монстром. Иначе как найти вторую половину рукописи? И «перстень Порфирия Петровича»!

О том же, кажется, подумала и Саша. Она посмотрела на Фандорина, едва заметно кивнула: мол, попробуйте, на вас вся надежда.

* * *

— Хм. Филипп Борисович, моя фамилия Фандорин... Ваша дочь рассказала мне о ситуации в вашей семье. Пора переводить в швейцарскую клинику очередной взнос, двадцать тысяч евро. Там же ваш сын, Илья...

На глазах у Морозова выступили крупные слезы, а одна даже скатилась по щеке.

— Илюша... Илюшечка, сыночек, — растроганно пробормотал больной.

Воодушевленный такой реакцией, Ника заговорил уверенней:

— Для спасения Илюши эти деньги необходимы. Срочно!

Филипп Борисович горестно вздохнул:

— Но у меня нет денег. Сами видите, добрая вы душа, в каком жалком я состоянии.

— А рукопись Достоевского? Вы где-то спрятали ее вторую половину. И «перстень Порфирия Петровича» тоже спрятали. Постарайтесь вспомнить. Это очень, очень важно!

Человек на кровати наморщил лоб, словно пытаясь напрячь мысли.

Напряженное молчание.

Ника, Саша и Валентина боялись пошевелиться.

Повздыхав, поцокав, Морозов проговорил:

— Как же, как же. Неизвестное творение величайшего Федора Михайловича. Желтые странички. Сухие такие, ломкие. Дрянь бумажки. Станешь подтираться — всю задницу обдерешь... Ой, ой, глазами-то захлопали! Умора!

Он затрясся в приступе злобного хохота, и стало окончательно ясно: мерзавец издевается. Где рукопись, отлично помнит, но говорить не намерен. Наплевать ему теперь и на больного сына, и на бывшего кумира Достоевского. Да и на деньги тоже. «Сжег всё, чему поклонялся», вспомнил Ника строки (кажется, тургеневские), процитированные доктором.

— Шеф, — сказала Валя, оглянувшись на дверь, — а давайте я этому гаду по ушам надаю. Отлично освежает память.

Саша всхлипнула:

— Не надо! Пожалуйста!

— Преданная дочь молит за отца. Я растроган, — продолжала веселиться жертва синдрома. — Хочешь, Сашок, отдам тебе эти бумажки? Мне-то они даром не нужны.

— Отдай, папа. Скажи, куда ты их спрятал.

Девушка смотрела на отца с такой мольбой, что, казалось, и камень бы дрогнул.

— Скажу, скажу. Но не за здорово живешь. Развлеки больного папочку. Расскажи что-нибудь пикантное, с порнушечкой. Ты ведь у меня девочка-дюймовочка, целочка-переспелочка. А гормончики-то тоже попискивают, гипофиз или что там подкачивают (ты про это у доктора спроси). Тельце соком наливаются. Неужто никогда о **** не думаешь, девственница ты моя Орлеанская? Ду-умаешь, еще как думаешь. А если думаешь, то неужели в постельке там или в ванной ручонками не пошаливаешь? Опиши, с физиологическими подробностями. Тогда и я тебе про рукопись расскажу. Ну, давай.

Он сглотнул слюну и отвратительно оскалился. Дочь стояла, опустив голову.

— Молчишь? Не хочешь сделать больному старику приятное? Тогда катись в *****. Вместе со своим Илюшечкой.

Саша в ужасе попятилась.

— Алё, папаша, — вышла вперед Валя. — Хочешь порнушки? Тогда не по адресу обращаешься. Давай я тебе расскажу, из личного опыта. А-ля карт, на любую тему.

Филолог-расстрига брезгливо фыркнул.

— У вас, нелепое создание, не получится. Тут ведь главное не фабула, а исполнение. В нем, выражаясь по-еврейски, самый цимес. — Старикашка облизнулся. — Чтоб со стыдливым румянцем, с дрожью в голосе. Голенькая перед всеми. И чтоб потом со сраму под землю провалилась. Вот что возбuditельно. А вы с вашей дешевкой.

На Сашу было невозможно смотреть — она допятилась до самой стены, вжалась в нее и вся ооченела.

— Послушайте, вы, больной... — яростно начал Николас, но сдержался. Ведь в самом деле больной человек, что с него возьмешь? — Перестаньте издеваться над девочкой. Иначе я вызову охранника, и на вас снова наденут намордник.

— Да как же я в наморднике про рукопись-то расскажу? И про расчудесный перстенок с бриллиантом? — удивился Морозов и вдруг с интересом принялся разглядывать Фандорина. — А, может, вы? У вас хорошо получится, по глазам вижу. Давайте, расскажите что-нибудь самое стыдное, самое неприличное из вашей жизни. Да смотрите, не обманите. Не подсуньте какую-нибудь фальшивку. Мне правда нужна, брехню я сразу распознаю. И в

ответ тоже навру. Ну, валяйте. Про самое непристойное. Только обязательно с сексиком, а не про то, как вам на улице приспичило и вы в чужом подъезде нагадили. Это не засчитаю.

— Идите отсюда, — махнул Николас девушкам.
— Ничего он нам не скажет.

— Нет, погодите! — Саша бросилась к нему, схватила за руку. — А как же Илюша? Я бы ему рассказала, я бы всё сделала! Но чего он хочет, я не могу... Не потому что не хочу, а потому что нечего. Я бы напридумывала, но... Я не умею. И догадается он.

А Морозов со своего ложа подхватил:

— Выручите девочку. Вы же джентльмен... Ой, смотрите, покраснел! Сейчас отважится! Ну же, благородное сердце! Ланселот Озерный! Вперед, за честь дамы!

Да ни за что на свете, сказал себе Ника, катитесь вы все... Но знал уже, что никуда он из этой проклятой палаты не уйдет. Не сможет.

— Ладно, будет вам про неприличное, — глухо проговорил он, глядя на гнусного старикашку с ненавистью. — Но если вы после этого нас обманете...

— Шеф, я ему тогда своими хай-хилами запрыгну на проблемное место и спляшу там чечетку, — хищно пообещала Валя.

Что рассказывать, Ника уже знал. Эта сцена ему до сих пор иногда снилась в кошмарах, хотя прошло столько лет: раскрывается дверь, там застыла тетя Синтия с чайным подносом в руках, и ее глаза-незабудки так и лезут из орбит.

— Просим, просим, — торопил главный слушатель.

На него-то наплевать, потому что он не человек, а диагноз, но вот остальные слушатели...

Валя уселась, выжидательно уставилась на начальника. И даже скромница Саша опустилась на стул, приготовилась слушать: уперлась локтями в колени, обхватила щеки ладонями.

Впрочем, в ту сторону Фандорин старался не смотреть. Сдавленным голосом, едва шевеля губами, он начал:

— Я давно взрослый, но про это никогда никому не рассказывал. Вроде глупость, ерунда, а не мог. Шок, перенесенный в детстве, не забывается... Хотя нет, один раз все-таки рассказывал — психиатру, и это было ужасно. Но психиатр не считается, у меня не было выбора...

Мямлил, сбивался, но до финала истории так и не дотянул. Он стоял весь красный и только утирал со лба пот, не в силах продолжать. А Филипп Борисович кис со смеху — он мог быть доволен: рассказчик и в самом деле был готов со стыда провалиться под землю.

— Ну а дальше, дальше что? — урча от удовольствия, спросил больной. — Что вы замолчали на самом интересном месте?

— Дальше был кошмар. — Ника содрогнулся от одного воспоминания. — Тетя вообразила, что я маленький извращенец. Рассказала маме. И меня отвели к детскому психиатру. Выслушав меня, врач сказал, что я совершенно нормален и успокоил маму. Папа-то и так не особенно взволновался. Но тетя Синтия до сих пор пребывает в убеждении, что я препорочнейшее существо, только умело это

скрываю... Вот вся история. Ничего стыднее и непристойнее со мной в жизни не случилось...

Валя, мерзавка, захихикала.

— М-да. Детский сад, — резюмировал Морозов. — Не знаю, Николай Александрович, что мне с вами и делать. Рукописи великого писателя этот пустычок явно не стоит.

Не впечатлил рассказ и Валю.

— Да, шеф, скучно вы жизнь прожили. Эй ты, урод! Хочешь я в довесок расскажу, как голосовала на дороге из Мехико в Акапулько и меня подвез цирк лилипутов? У Достоевского такого не прочитаешь.

— Отстань, ошибка природы. Не мешай думать, — сказал Филипп Борисович. Похоже, он замыслил какую-то новую каверзу — во всяком случае, его бледный, почти безгубый рот все шире растягивался в пакостной улыбочке. — Что же мне с вами, Фандорин, делать? — повторил он.

— Как что делать?! — взорвался Ника. — Я выполнил ваше требование! Теперь вы должны объяснить, где спрятана вторая часть рукописи! И «перстень Порфирия Петровича»!

— Сюжетец, который вы рассказали, очень слабенький. Еще и перстень вам за него подавай! Даже не знаю, как с вами быть... — Морозов хихикнул. — Ух, как глазами-то сверкает — прямо убил бы.

Николас и в самом деле сейчас ненавидел этого подлого психа так, что, пожалуй, не возражал бы, если б Валя немедленно приступила к осуществлению своей кровожадной угрозы насчет чечетки.

— С другой стороны, с паршивой овцы хоть шерсти клок, — всё куражился достоевсковед. — Засчитаем и нравственные муки, и английское воспита-

ние. Однако на полноценный гонорар не рассчитывайте. Вот чем я с вами расплачусь. — Глаза садиста заиграли веселыми искорками. — Загадаю загадочку. Если раскумекаете — найдете рукопись. Не хватит серого вещества — сами виноваты. Загадочка простенькая, для среднеразвитого интеллекта. Ну как, годится?

— Давайте свою загадку, — угрюмо сказал Фандорин, отлично понимая, что без выкрутасов сумасшедший всё равно ничего не скажет.

Взглянул на девушек. Валя была наготове — вынула из кармана диктофон. Саша поднялась со стула, на ее личике застыло странное выражение: тут были и надежда, и недоверие, и страх.

— Готовы? — Морозов подождал, пока Ника открывает блокнот. — Сначала так:

И сказал ему Му-му:
«Столько я не подниму,
Не хватает самому.
Так что, Феденька, уволь-ка,
Хочешь, дам тебе пол-столько?
Но и только, но и только».

Не успев записать эту рифмованную белиберду, Николас в тревоге посмотрел на Валу. Та кивком успокоила его: нормально, звук пишется.

— Потом посчитай его, — прикидывая что-то, продолжил Филипп Борисович. — Потом... Голову отстегните. Показать надо.

Это противоречило инструкциям главного врача, но препираться было не время.

Подойдя к кровати, Фандорин расстегнул ремень, стягивавший лоб пациента, и поскорей отскочил — еще цапнет.

И правильно, что отскочил!

Вывернув шею, безумец вгрызся острыми желтыми зубами в подушку, вытянул из нее перышко и дунул. Пока оно, крутясь, опускалось на пол, Морозов попробовал высвободить руки — его пальцы отчаянно сжимались и разжимались, хватаясь за простыню, и продолжалось это довольно долго. Наверное, с полминуты.

Ника уже хотел кликнуть охранника, но тут филолог утомился. Еще какое-то время шевелил пальцами, но в остальном лежал довольно смирно.

Однако вскоре затишье нарушилось.

— И наконец вот так! — крикнул Филипп Борисович, опять рывком повернул голову, отхватил зубами с наволочки пуговицу и выплюнул прямо в Нику.

— Спокойно, спокойно! — сказал тот, отодвигаясь еще дальше. — Вы должны закончить вашу шараду.

— А всё уже, — мирным тоном сообщил ему больной. — Теперь пускай Сашка подойдет.

— Саша, стойте, где стоите! Зачем вам Саша?

— Я ей ***** отжую! — диким голосом взревел бесноватый. — Закусаю, залижу до смерти! Иди сюда, *****! Ко мне иди-и-и-и!!!

Бедная девочка с криком ужаса бросилась вон из палаты, а доктор филологии, выгибая длинную жилистую шею, истошно завыл:

— У-у-у-у!

Сопровождаемый этим жутким воплем, Николас выбежал за Сашей.

6. FM

План действий был такой.

Первым делом ехать в Саввинский. Наведаться к Рулету — не вернулся ли. Если вернулся, вытрясти из него начало рукописи (это брала на себя Валя).

— Надо бы сдать его в милицию, ведь он совершил тяжкое преступление, — сказал Николас, но его законопослушность поддержки у девушек не нашла.

Саша робко спросила:

— А если он там про рукопись расскажет? Папа говорил, про нее надо молчать, а то могут отобрать. Это ведь не кто-нибудь, а сам Федор Михайлович...

Валя руководствовалась иными соображениями:

— Я бы ширяле нашему медаль дала за то, что он этого уroda по башке стукнул. Надо бы по сильнее.

Обе были правы, каждая по-своему, поэтому Ника спорить не стал.

— Если Рулета не застанем, просто завезем Сашу домой. Потом мы с Валею поедem в офис и попробуем разобраться в этом, с позволения сказать, ребусе.

— Чего там разбираться? — удивилась Валя. — Псих над нами прикалывался, это ж ясно.

— Пожалуйста, не надо так про папу, — попросила Саша. — Он не «урод» и не «псих». На самом деле он очень хороший. Именно поэтому он и получил такой плохой. Это японец виноват, который синдром придумал. Вы видели не моего папу, вы видели папу наоборот! Николай Александрович, ну скажите ей!

— Да-да, — пробормотал Фандорин. На Сашу всё это время он старался не смотреть — стыдно было, после своего публичного стриптиза. — Вы поезжайте вдвоем на Валиной машине, а я следом.

— Я с ней не поеду, она на папу обзывается. Я с вами! — объявила девочка и демонстративно отвернулась от розового «альфа-ромео».

Я взрослый человек, сказал себе Николас. Не надо делать вид, будто ничего не произошло. Саша была свидетельницей моего позора, и нечего прятать голову в песок. Лучше, если мы про это один раз поговорим и забудем. Обоим станет легче. Главное честность и правильная интонация.

— Вы же понимаете, я был вынужден рассказать при вас это похабство, — начал он, когда они отъехали от клиники. — А теперь стыдно смотреть вам в глаза. Этого он и добивался, скотина! Ой, извините. Сорвалось.

Он виновато взглянул на Сашу. Она тоже на него смотрела, но ни смущения, ни смятения в ее глазах не было.

— А я не слышала, что вы ему рассказывали. Я подумала, вам это будет неприятно. Села вот так,

зажала пальцами уши. — Она показала. — И убрала, только когда вы закончили говорить.

Черт, а ведь она говорит правду, понял Николас. С таким взглядом не врут. Да эта девочка, кажется, вообще врать не умеет.

— Есть какие-нибудь предположения относительно загадки? — спросил он, чтобы поскорей сменить тему. — Честно говоря, я в полном недоумении. Какое «столько-полстолько»? Что надо посчитать? При чем тут Му-Му? Я даже не понял, в какой момент загадка кончилась и начался очередной... приступ, — подобрал он слово поделикатней.

— Я тем более не поняла. Я несообразительная. Вы только учтите вот что. Папа всю жизнь занимался одним Федором Михайловичем. Загадка наверняка тоже про него.

* * *

Дверь в квартиру была нараспашку. Николас заглянул в коридор и вскрикнул. На линолеумном полу лежало неподвижное тело. Из-под задравшегося халата торчали варикозные ноги, в безжизненно вывернутой руке был стиснут стакан. Квартирная хозяйка!

Валя быстро прошла вперед, наклонилась. Присвистнула.

— Отрубилась не по-детски. Реанимировать бесполезно, до завтра не прочухается. Эх, много я ей дала. Хватило бы двадцатки, на пиво.

А Рулет, похоже, не появлялся. Где его черти носят?

Проводили Сашу до подъезда (она жила через двор, в доме напротив), поехали на Солянку. По

дороге, чтобы не терять времени, переговаривались по мобильному.

— Саша права, — размышлял вслух Фандорин.
— Загадка про Достоевского. «Феденька» — это, конечно, он.

— «Му-му» опять же, — подхватила Валентина.
— Я кино смотрела. Там мужик один, глухонемой, собачку утопил, ее Му-му звали.

При знании нескольких иностранных языков, всяких компьютерных штучек и китайско-корейских мордобойных премудростей фандоринская секретарша была поразительно несведуща по части литературы. Из чтения признавала только гляцевые журналы и цветные таблоиды.

— «Му-му» написал Тургенев. Эх ты, невежда.

Фандорин рассоединился, чтоб не мешала думать.

Схема дальнейших действий понемногу вырисовывалась.

Остановился у книжного супермаркета, купил компакт-диск «Весь Достоевский», выпущенный издательством «Культуртрегер» — как раз то, что нужно.

В офисе усадил Валю за компьютер, велел задать поиск по всем текстам Достоевского на слова «Му-му», «Феденька», «пол-столько», «подниму». Сам же решил заняться биографией классика. Дома, на литературоведческой полке, стоял отличный двухтомник «Достоевский и его окружение». Ежедневная мука — урок музыки — уже закончился, дочку из театрального кружка сегодня обещала привезти жена, потом она до вечера уедет в редакцию. Значит, можно спокойно поработать. Геля девочка са-

мостоятельная. Сама поужинает, а потом будет сидеть у себя в комнате, читать книжку или общаться со знакомыми по интернету. В последнее время она стала какая-то непривычно тихая. Надо бы найти время, попробовать ее разговорить. Но сначала ребус.

Однако дома Фандорина поджидал неприятный сюрприз.

Урок музыки, действительно, закончился, но преподаватель не ушел — Алтын поила его чаем.

— Геля позвонила, попросилась в кино. Так что у меня образовался лишний часок, — сказала она, как-то не очень обрадовавшись появлению мужа.

Нике ужасно не понравилось, как ярко блестят ее глаза. А еще он уловил запах духов, которые жена берегла для особенных случаев. Между прочим, и «часок» давно уже миновал.

Делать нечего, пришлось поучаствовать в чаепитии, иначе получилось бы неприлично.

— Слава так замечательно про музыку рассказывает! — воскликнула Алтын с совершенно несвойственной ей восторженностью. — Продолжайте, Слава, продолжайте!

«Слава»?

Лауреат мелодично позвякал ложечкой, размешивая сахарозаменитель в парадной веджвудской чашке (подарок тети Синтии).

— Ах, ну даже не знаю, как это объяснить. Я такой косноязычный, — звучным, но, на вкус Николаса, ужасно жеманным голосом заговорила зна-

менитость. — Когда я играю, я словно умираю. Меня нет. Мозг, тело, сердце — всё перестает существовать. Жизнь остается только здесь. — Он встряхнул своими невозможно красивыми пальцами. — Но зато её очень много, гораздо больше, чем во мне обычном. Понимаете, нет?

Веджвудская чашка

«Да, да!» — закивала Алтын, глядя на гения обожающими глазами.

— Мои руки живут сами по себе. А я смотрю на них и только диву даюсь. Черно-белая клавиатура, и над ней сами по себе летают две руки. Вот здесь белые манжеты, а выше — чернота. Ничего не вижу, только две руки, представляете? Это ни с чем не сравнимое чувство. Ну не странно ли? Ощущаешь себя придатком к собственным конечностям. Они будто принадлежат не мне, а какому-то иному существу. Наверное, Богу.

Похоже, Ростислав Беккер мог разглагольствовать о себе любимом сколь угодно долго. Порази-

тельно, но жене эта напыщенная болтовня несомненно нравилась. На мужа она ни разу даже не взглянула.

Ну конечно, растравлял себе душу Ника. Идеальная пара: красивая, волевая женщина с незаурядной практической сметкой и декоративный, неприспособленный к жизни мужчина. Вроде меня, но только лучше: гораздо декоративней и в тысячу раз талантливей.

— Простите, мне нужно поработать, — сказал он, когда музыкант на секунду умолк.

Алтын рассеянно улыбнулась:

— Да-да, иди. Мы сейчас допьем чай, и я обещала завезти Славу в консерваторию. У него шофер болеет.

* * *

Ника рассеянно взял с полки первый попавшийся том Достоевского, открыл наугад. Вздогнул.

«Чужая жена и муж под кроватью. *Происшествие необыкновенное*», прочитал он заглавие произведения.

Из-за двери донесся залиvistый смех Алтын.

Нет, здесь не сосредоточишься.

Фандорин собрал все книги, которые могли пригодиться в поиске, и вернулся назад в офис.

Там было тихо. Не рокотал барственный баритон, не звучал терзающий сердце смех, не звенел чайный сервиз. Валя трудилась — сосредоточенно пощелкивала кибордом. Рабочий стол манил зеленым сукном. Кресло растопыривало объятые подлокотников.

Нужно забыть о чертовом пианисте, сосредоточиться исключительно на Федоре Михайловиче Достоевском.

Итак, 1865 год. Классик пишет роман «Преступление и наказание»...

Сначала забыть и сосредоточиться не получалось, но понемногу современность отступала в тень, вытесняемая событиями стосорокалетней давности.

1865 год для писателя был поистине ужасен — самая мучительная, самая унижительная пора в его жизни.

Достоевскому сорок четыре года. Еще совсем недавно он был кумиром прогрессивной молодежи и модным автором, которому издательства и журналы платили хорошие гонорары. Но умер брат Михаил, оставив массу долгов, которые благородный, но непрактичный писатель взял на себя («Я не хотел, чтоб на его имя легла дурная память»). Попытался поставить на ноги журнал «Эпоха», доставшийся в наследство от Михаила — потерпел крах. Кредиторы травили Федора Михайловича, как волка, и спасения от них не было. Векселей, требующих немедленной уплаты насчитывалось на тринадцать с половиной тысяч — сумма для Достоевского астрономическая. Выпросив отсрочку у одних займодавцев, расплатившись (под новые долги и обязательства) с другими, бедный литератор вырвался из Петербурга в Германию. Ему нужна была передышка, а более всего — встреча с роковой женщиной всей его жизни Аполлинарией Суловой, которая в это время находилась в Швейцарии, но обещала приехать в Висбаден. Их

Аполлинария
Суслова

отношения были запутаны, нездоровы, мучительны, но жизнь без Аполлинаруии представлялась Федору Михайловичу невозможной.

И вот они встречаются в Висбадене. Достоевский, который теперь был свободен (его жена скончалась годом раньше от чахотки), делает Аполлинаруии предложение. И получает резкий, оскорбительный по форме отказ. Как быстро и бесповоротно поменялись роли! Давно ли экзальтированная девочка упорно добивалась любви знаменитого писателя? Давно ли смотрела на него снизу вверх? Теперь она превратилась в классическую женщину-вамп, упивающуюся властью над мужчинами. Как остро Достоевский должен быть ощущать всю пошлость этой ситуации! Можно себе представить, как мучила его роль персонажа из бульварного романа! (Здесь Фандорин поневоле отвлекся и снова стал думать про себя и Алтын. Вернуться мыслями к Федору Михайловичу удалось не сразу).

Зачем Суслова его так терзала? Не могла простить, что отдала девственность такому унылому, некрасивому, погрязшему в бытовых тяготах неудачнику? Или просто разлюбила?

Но почему тогда не отпустила на волю, как он просил? Зачем снова и снова сначала подманивала, а затем презрительно отталкивала? Зазывала к

себе в номер, лежала на кровати раздетая, но когда он пытался ее обнять, гнала прочь.

Читая историю этой злосчастной любви, Николай сам весь исстрадался. Как же его тошнило от всех этих хрестоматийных «фамм-фаталь», жадных паучих, питавшихся отблесками чужой славы. Такая вот Сулова, или Панаева, или Лиля Брик, если уж присосется, то ни за что не выпустит. Чем они пленяли гениев? Должно быть, непоколебимой и непостижимой уверенностью в своем праве на всё. Роковая женщина безжалостна и бессовестна. Несчастной ее может сделать только одно — если ей не дадут того, чего она хочет. Горе мужчине, который осмелился пренебречь ее чарами. Жаждающая мести паучиха способна на любую мерзость. Аполлинаруя, например, однажды написала в полицию доклад на молодого человека, который отверг ее домогательства, и после преспокойно рассказывала об этом знакомым.

Читая про Сулову, Николай начал раздражаться и на самого классика. Федор Михайлович тоже был тот еще фрукт. Вдоволь наунижавшись перед бессердечной стервой, он кинулся искать забвения в рулетке. И остановиться уже не мог. Проиграл все свои небольшие деньги. Выклянчил подачку у Аполлинаруи (какой стыд!), спустил и эти талеры. В гостинице фактически попал под домашний арест: его не кормили, не давали свеч — и не выпускали, пока не расплатится за постой.

Голодный, истерзанный, он сидел в полутемной комнатухе и писал, писал, писал. Другого способа хоть на время оторваться от действительности у Достоевского не было. Не вызывает сомнений, что

Авдотья Панаева

Лиля Брик

рукопись Морозова появилась на свет именно там, в отеле «Виктория», осенью проклятого шестьдесят пятого года.

Надежда на освобождение от висбаденского плена была только одна: занять денег у кого-нибудь из знакомых. И гостиничный узник рассылает во все стороны отчаянные мольбы о помощи. Пишет издателям, старому другу барону Врангелю, нелюбимому Герцену, даже ненавистному Тургеневу.

Издатель Катков отправил деньги, но они не дошли до адресата. Добрейший Врангель получил письмо с опозданием. Герцен из своего Лондона не ответил. Откликнулся лишь Тургенев из Баден-Бадена, да и тот прислал только часть весьма небольшой суммы, о которой просил Федор Михайлович.

Ника перелистнул страницу, стал читать дальше и вдруг застыл.

— Валя! — крикнул он через дверь. — У тебя на диске письма есть?

— Ну.

— Найди переписку с Тургеневым. За 1865 год.

И минутой спустя Ника читал с монитора, поверх Валиного плеча.

Висбаден, 3/15 августа 1865 года.

Добрейший и многоуважаемый Иван Сергеевич, когда я Вас, с месяца тому назад, встретил в Петербурге, я продавал мои сочинения за что дадут, потому что меня сажали в долговое за журнальные долги, которые я имел глупость перевести на себя. Купил мои сочинения (право издания в два столбца) Стелловский за три тысячи, из коих часть векселями. Из этих трех тысяч я удовлетворил кое-как на минуту кредиторов и остальное роздал, кому обязан был дать, и затем поехал за границу, чтобы хоть каплю здоровьем поправиться и что-нибудь написать. Денег оставил я себе на заграничку всего 175 руб. сереб. из всех трех тысяч, а больше не мог.

Но третьего года в Висбадене я выиграл в один час до 12000 франков. Хотя я теперь и не думал поправлять игрой свои обстоятельства, но франков 1000 действительно хотелось выиграть, чтоб хоть эти три месяца прожить. Пять дней как я уже в Висбадене и всё проиграл, всё дотла, и часы, и даже в отеле должен.

Мне и гадко и стыдно беспокоить Вас собою. Но, кроме Вас, у меня положительно нет в настоящую минуту никого, к кому бы я мог обратиться, а во-вторых, Вы гораздо умнее других, а следств., к Вам обратиться мне нравственно легче. Вот в чем дело: обращаюсь к Вам как человек к человеку и прошу у Вас 100 (сто) талеров. Потом я жду из

России из одного журнала («Библи. для чтения»), откуда обещались мне, при отъезде, выслать капелюк денег, и еще от одного господина, который должен мне помочь.

Само собою, что раньше трех недель, может быть, Вам и не отдам. Впрочем, может быть, отдам и раньше. Во всяком случае, сижу один. На душе скверно (я думал, будет сквернее), а главное, стыдно Вас беспокоить; но когда тонешь, что делать.

Адрес мой: Wiesbaden, Hôtel «Victoria», à M-r Theodore Dostoiewsky.

Ну что если Вас не будет в Баден-Бадене?

Ваш весь Ф. Достоевский.

— Глядите, шеф, тут примечание: «И. С. Тургенев выслал пятьдесят талеров, которые Ф. М. Достоевский снова проиграл на рулетке. Долг был возвращен лишь десять лет спустя, со скандалом». Хороши классики, а? Один типичный жмот, другой типичный кидала.

— Не совсем типичные. Они еще великие книги писали, — рассеянно заметил Фандорин, барабанив пальцами по столу. — Ну-ка, включи запись. То место, где Морозов стишок читает.

Магнитофон глумливым голосишком продекларировал:

И сказал ему Му-му:
«Столько я не подниму,
Не хватает самому.
Так что, Феденька, уволь-ка,
Хочешь, дам тебе пол столько?
Но и только, но и только».

— Вот оно! Есть! — Николас стукнул секретаршу по твердому плечу — чуть не отшиб руку. — Тут имеется в виду ответ автора «Му-му» на просьбу из Висбадена. Требовалось разгадать, что такое «столько». Это число 100.

— Ну и фигли? — озадаченно посмотрела на шефа Валя. — В смысле, что это означает?

— Первый фрагмент разгадки. Тут интересно, что это числительное. Что может начинаться с цифр? Код ячейки в камере хранения? Или сейфа? Надо позвонить Саше, спросить, не упоминал ли отец о каком-нибудь вокзале или банке.

Странно. Сашин телефон не отвечал. А ведь девочка жаловалась на усталость и говорила, что никуда из дома не выйдет. Легла спать? Вроде бы рано еще.

На душе стало беспокойно. Николас попробовал работать дальше: несколько раз прокрутили запись до конца, совместными усилиями восстановили всю сцену, до мельчайших подробностей — жесты Морозова, мимика, повороты головы. Но сосредоточиться не удавалось. Дальше числа 100 продвинуться не могли. Следующая фраза сумасшедшего была: «Потом посчитай его». Кого «его»? И как это «посчитай»?

Фандорин еще несколько раз звонил на Саввинский, с интервалом в пять минут. Телефон не отзывался.

— Мне это не нравится, — в конце концов не выдержал Ника. — Давай туда съездим. Если бы Саше надо было уйти, она бы позвонила, сказала. Она же знает, что мы тут сидим и пытаемся разгадать эту головоломку.

* * *

Поехали на метрокэбе, но за руль села Валя — она ездила по Москве раза в два быстрее Фандорина, потому что не утруждала себя соблюдением правил: могла погнать по встречной полосе, смело въезжала под «кирпич», а при особенно плотной пробке не стеснялась прокатиться и по тротуару. Такая манера езды выделялась даже на фоне привычного для Москвы автодорожного хамства, и обычно Ника жестоко ругал свою помощницу за варварство, но сейчас Валина нецивилизованность была кстати.

Не обращая внимания на запрещающие знаки, автомобиль рванул напрямую, поперек Славянской площади, потом срезал еще один изрядный кусок, вторгнувшись на паркинг гостиницы «Россия», и нагло, на глазах у милиционера, нырнул под Москворецкий мост. Удивительнее всего было то, что Вале всё это сходило с рук. Милиционеру, например, она просто послала воздушный поцелуй — и служивый лишь восхищенно покачал головой, свистеть не стал.

Сашина квартира по-прежнему не отвечала, прижимавший к уху трубку Николас мрачнел всё больше. Он уже не сомневался: что-то случилось.

У Вали же рот не закрывался ни на секунду. За рулем она вечно болтала без умолку, напоминая Нике жителя Чукотки, который едет на оленях по бескрайней тундре и поет нескончаемую песню обо всем, что попадает ему по дороге.

— Во козел, сам на «волге», а эмблему от «мерса» прифигачил. То есть, прицепил. Круто было

Олень с 21-й «Волги»

бы наоборот: едешь на спортивном «мерсе», а на капоте олень, как знаете, с 21-ой «волги». Классная вещь... Ой, глядите, глядите: мужик на «мини», и, главное, гордый такой. Я понимаю, когда девушка на мужской тачке, но когда мужчина на такой финтифлюшке катит — фи. Он бы еще в «смарткар» уселся. Сто процентов гомик. Я всегда их по машинам вычисляю. Вот у меня один знакомый...

— Давай скорей, а? — попросил Фандорин и включил радио, чтобы не слышать Валиного потока сознания.

Да и отвык он как-то ездить без включенного радио. Смотреть телевизор Ника давно уже перестал. Нечего стало. Новости по всем каналам оди-

наковые, шоу одноклеточные, ну а фильмы удобнее крутить с диска.

Ника вообще стал замечать, что российское радио, казалось, окончательно вытесненное телевидением, в последнее время вступает в эпоху возрождения. Одна из главных причин — поголовная автомобилизация. Каждый день миллионы людей в больших городах и на трассах тычут пальцем в кнопки FM-диапазонов — и всякий может найти себе станцию по вкусу. Выросло целое «Поколение FM». Летом едешь с открытым окном, слушаешь музыку, несущуюся из соседних машин, и сразу понимаешь, что за человек сидит за рулем. Скажи, какую частоту ты слушаешь, и я скажу, кто ты.

Существует, правда, особая разновидность радиоманов, к которой причислял себя и Ника. Это люди, без конца перескакивающие со станции на станцию. Что-то вроде нервного тика.

Волна, на которую Фандорин угодил с первой попытки, носила странное название «Узкое радио-2» и исполняла нечто удивительное: государственный гимн в джазовой обработке. «Россия, великая наша держава, у-у-у, Россия, священная наша страна, oh yeah», — подвывала певица с блюзовыми модуляциями.

— Уберите, тошнит, — попросила Валя.

Ника согласился:

— Да, официоз с задушевинкой — это противно.

Переключился на либеральное «Ухо Москвы».

Там, как обычно, шла перебранка в прямом эфире с прозвонившимися радиослушателями.

«Я вижу, мадам, вы по-русски не понимаете, — гремел ведущий, легко заглушая лепет собеседницы. — У вас в ушах, очевидно, бананы. Гудбай. Следующий звонок». «Из Йошкар-Олы я, меня зовут Венёй, — слышался ленивый, врасстяжку голос. — Вот у меня такой вопрос к вам, мигрантам. Вы когда коренному населению долги думаете возвращать?»

Ведущий хищно рассмеялся. «Мигранты — это евреи, что ли? Здравствуйте, господин антисемит, давненько вас что-то в эфире не было». «Почему только евреи? И славяне тоже, — невозмутимо ответил житель Йошкар-Олы. — Пришли на нашу финно-угорскую землю, расплодились здесь, а исконному населению долги платить не желаете. В Америке вот у индейцев всякие льготы, в Австралии аборигенам тоже лафа, в Новой Зеландии маори вообще как сыр в масле катаются. А у нас? Тут ведь всё наше, финно-угорское, испокон веку. Даже «Москва» — наше слово, не славянское. Мы вас, конечно, не гоним. Пришли — живите, но совесть-то надо иметь...»

Ника с удовольствием послушал бы, что ответит на этот вопрос ведущий, но Валя буркнула:

— Ну их, тягомотина.

Переключилась на безоблачное радио «Минимум». Бархатный голос с глубокой убежденностью пропел: «Жить нужно только очень хорошо, выбирая то, что сердцу мило...» Песня была дурацкая, зато голос красивый, с медовой тягучестью. Однако Валя опять не дала послушать, «попсу» она принципиально отвергала. Нажала на кнопку — и была жестоко наказана за сно-

бизм. «Радио Шарман», специализирующееся на уголовном фольклоре, хрипло, со слезой взвыло:

Мы к гробу подошли по одному,
Слезу рукой стирая неумело.
Свободен ты. Лишь Богу самому
Подсуден ты теперь. Прощай, брателло.

Свободен ты. Лишь Богу самому
Подсуден ты теперь. Про...

Компромисс нашелся на волне «Вашего радио». Под песню о том, как в девичьих глазах наловить перламутровых рыбок и на базаре потом их по рублю продавать, Фандорин снова набрал Сашин номер.

Молчит!

* * *

Вышли из машины во дворе.

— Ширияла не вернулся. Свет не горит, — сообщила Валя, глядя на окно Рулета.

Ника тем временем разглядывал окна в доме напротив. Которые из них морозовские? Кажется, вон те.

Сердце так и сжалось.

— А у Саши горит! — охнул Николас. — Почему же она не берет трубку?!

— Спокойно, шеф. Сейчас разберемся.

Валя первая направилась к подъезду. На секунду задержалась возле черного «мерседеса» — единственной иностранной машины в этом явно небогатом дворе.

— «Мерин»-то сильно юзанный, — с ходу определила Валентина. — Десятилеточка, как минимум.

Но Фандорину было не до того, он обогнал помощницу и первым вбежал в подъезд.

На звонки квартира ответила молчанием.

— Ломай, — бледнея, приказал Ника.

— Яволь!

Валя отошла к противоположной стене, скакнула вперед, подпрыгнула и с визгом ударила ногой в дверь. Наличник треснул, створка покосилась, выскочив из короба. Фандоринская ассистентка чуть приподняла дверь и прислонила к стенке коридора.

— Силь ву пле, Николай Александрович.

Николас замер на пороге, прислушался. Шум воды и еще какой-то странный звук — будто тихонько поскуливает собака.

Обычная малогабаритная двушка: слева кухня, дальше по коридору две спальни, в конце — совмещенный санузел. Именно из ванной доносились и шум воды, и жалобный скулеж.

— За мной!

Пробежав коридором, Ника дернул дверь санузла (она оказалась незаперта) и замер.

Саша сидела в ванне, откинув голову назад, с зажмуренными глазами. На голове у нее были наушники, в мыльнице лежал плеер.

— «Иду в поход, два ангела вперед. Один душу спасает, другой тело бережет», — щенячьим голосом, перевирая мелодию, пела она.

— Ну вот, шеф, а вы стремались. В смысле, нервничали, — хихикнула Валя. — Только дверь зря разломали.

Саша приоткрыла один глаз, увидела в неосвещенном проеме две фигуры и пронзительно заверещала.

Николас шарахнулся в коридор.

— Саша, извините! — крикнул он, еще не придя в себя. — Вы не брали трубку, и я, то есть мы, переполошились. Мало ли что. Вдруг этот наркоман к вам ворвался. Или, ну не знаю...

— Уф, как я напугалась! — облегченно воскликнула Саша. — Сама виновата. Я, когда устану, всегда залезаю в ванну и музыку слушаю. Могу весь день так просидеть. Когда все дома, не получается — Антонина Васильевна ругается. А сейчас я же одна... Это вы меня извините. Надо было телефон с собой взять.

— Давай-давай, вылезай. На вот полотенце, — сказала Валя, на правах женщины оставшаяся в ванной. — Сейчас, шеф, мы быстренько.

Фандорин отошел от ванной подальше, но голоса все равно доносились — главным образом, Валин, потому что Саша на вопросы отвечала тихо, не разобрать.

— Э-э, солнышко, педикюр надо делать, стыдно — взрослая уже... Сиськи-то еще растут, что ли? Нет? С этим работать надо. Плоскогорье какое-то, подмосковная Швейцария. У меня раньше тоже ничего не было, а теперь, погляди, Казбек с Эльбрусом. Ты пощупай, пощупай. Ничего, вот найдем рукопись, баблом разживешься, я тебе хорошую клинику подскажу...

Чтобы не подслушивать интимности, Николас перебрался в комнату — ту, что побольше.

Жили Морозовы, прямо сказать, небогато. Судя по мебели, двадцатиметровое помещение служило одновременно гостиной, кабинетом и родительской спальней. Все стены сплошь заняты книгами, лишь посередине один-единственный просвет, и там висит картина в раме: копия с хрестоматийного портрета Достоевского.

Но распознавались и приметы недавно свалившегося достатка — новехонький телевизор, раскрытый ноутбук с еще не содранными цветными наклейками.

Несколько минут Ника простоял, разглядывая картину кисти художника Перова.

Странно. Почему кажется, что энергетический центр полотна не в задумчивом лице писателя, а в спокойных, крепко сцепленных руках? И как жуток этот черный, зловещий фон! В нем явная угроза. Будто в любой миг чернота может сомкнуться, и вместо Федора Михайловича получится непроницаемый «Черный квадрат».

Ну, а потом в комнату вошли девушки, и разгадывание ребуса продолжилось.

* * *

— Нет, ни про вокзал, ни про банк папа ничего не говорил... 100? Не знаю... Посчитать? Не знаю...

Саша сидела на кровати в линялом халатике, с обмотанными полотенцем волосами и ужасно старалась хоть чем-то помочь, но проку от нее не было никакого — во всяком случае, так казалось вначале.

Через час безрезультатного мозгового штурма, когда у Ники задымилась голова, он выудил из бумажника заветный дублон и тоскливо уставился на сдвоенный профиль венценосных супругов. Фальшивое золото скучно поблескивало на ладони, помогать дедукции не желало.

Саша Морозова, наверное, уже в десятый раз повторила:

— Это обязательно что-нибудь про Федора Михайловича. Папа ничем другим не интересовался. Про Федора Михайловича знает всё-пресё, а про остальное почти ничего. Я иногда прямо удивлялась. Он даже Филиппа Киркорова не знает, представляете? Один раз увидел по телевизору, случайно, и говорит: «Ой, смотрите, какой смешной! Зовут как меня — Филиппом. Кстати, чем-то на Настасью Филипповну похож». Это из романа «Идиот», — сочла нужным пояснить Саша.

— Знаем, кино смотрели, — с достоинством ответила Валя.

Глядя на монету, Ника задумчиво повторил — в сотый раз:

— «Посчитай его». Кого? Или что? — И вдруг вздрогнул. — Вы говорите, это непременно связано с Достоевским? Так, может, не «его», а «Его», в смысле, писателя? Но как можно его посчитать?

Валентина пожала плечами:

— Хренотень какая-то. То есть, нонсенс. Ну Федор. Ну Михайлович. Ну Достоевский. Чего тут считать-то?

Ладонь, на которой лежал дублон, словно щекотнуло.

В.Г. Перов.
Портрет Ф.М. Достоевского

— Валюша, ты — гений! — воскликнул Ника и быстро написал на листке:

ФЕДОР(5) + МИХАЙЛОВИЧ(10) + ДОСТОЕВСКИЙ (11) = 26

— Если посчитать количество букв в имени писателя, получается 26. То есть, сначала 100, потом 26.

— Ну и фигли? То есть, что вы хотите этим сказать? — Валя посмотрела на листок, на Фандорина. — Кстати, шеф, почему слово «гений» не имеет женского рода?

Ника отмахнулся.

— Сто, потом двадцать шесть. Сто, двадцать шесть... Хм... Раз сначала идут цифры, то и потом должны быть тоже числительные. Что там было дальше? Валя, прочти по записям.

— Да я наизусть помню. Попросил голову отстегнуть. Выдрал из подушки зубами перышко. Потом долго шевелил пальцами. Сказал: «И наконец вот так!» Откусил пуговицу и выплюнул. Дальше принялся на Сашку облизываться и матом запустил. Цитировать?

— Не надо. Это было уже после того, как он сказал: «А уже всё».

Николаас вертел монету, пытаясь ухватить ускользающую мысль.

Его взгляд упал на портрет.

— Перо! — закричал магистр так, что девушки дернулись. — Портрет Перова! Морозов шевелил пальцами... И на портрете пальцы! Их надо сосчитать? Но зачем? Сколько у человека может быть пальцев?

Он подошел к картине, стал считать — тут его ждал сюрприз. Пальцев оказалось не десять, а девять. Один был не виден!

— Девятка, девятка! — Николас оглянулся на девушек, которые тоже смотрели на картину, прижавшись к нему с двух сторон. — 100-26-9. И еще какая-то пуговица... Вот, есть пуговица! — Он ткнул в сиротливую пуговицу на сюртуке угрюмого классика. — Причем всего одна, а это необычно! Наверняка ее и имел в виду Морозов. Последнее звено — 1. Таким образом, мы имеем семизначное число 1002691.

— А что это такое? — спросила Саша, глядевшая на него во все глаза.

— Не знаю. Из семи цифр, например, состоят московские телефонные номера.

Помощница вынула из кармана мобильник.

— Звоним?

— Ни в коем случае. Валя, твой карманный компьютер при тебе?

— Само собой.

Валя уже поняла сама.

— Сейчас сделаем, шеф. Вы вот меня ругаете, что я ворованные базы данных покупаю, а они нам сейчас ого-го как пригодятся. У меня на жестком диске и МГТС, и все операторы мобильных имеют... Сейчас загружусь.

Она достала чудо техники, крошечный компьютер, с которым никогда не расставалась, и всего через минуту доложила:

— Есть 100-26-91! Только это родильное отделение. Вот, сами посмотрите. Звонить?

Николас сник. Неужели он ошибся и это не телефонный номер, а что-то совсем другое? Или ошибочен сам метод?

Пока Валя проверяла номер (он действительно принадлежал роддому), Фандорин уныло смотрел

на фальшивый дублон. А что если ребус тоже фальшивый и Морозов просто над ними поиздевался?

Поднял глаза на портрет. К раме была прикреплена медная табличка: «В.Г. Перовъ. Портретъ Ф.М.Достоевскаго».

— Так-так-так, — быстро пробормотал Николас. — Бумагу!

Написал: «Федоръ(6) + Михайловичъ(11) + Достоевскій(11) = 28».

— Не 26, а 28!

— Что? — в один голос спросили девушки.

— Получается 100-28-91. Валя, смотри по базе!

Помощница пощелкала-пощелкала и доложила:

— Домашний номер. Мужик какой-то. Лузгаев Вениамин Павлович. Фамилия редкая. Давайте, шеф, я его на поиск задам. Вдруг что-нибудь выловим?

Она подсоединилась через мобильник к Интернету.

— Нету. Ни одного Лузгаева. Есть «лузгае», это по-белорусски, что ли. Вот: *«Савка лузгае семочки і спльовуе їх прямо на сомбреро сеньйора, шо сидить попереду»*.

— Попробуй поискать на телефонный номер, — велел Фандорин.

Валя набрала в строке «поиск» 100-28-91.

Экранчик мигнул и выкинул сайт частных объявлений.

С замиранием сердца Фандорин прочел:

Покупаю старые документы, письма, конверты, автографы известных людей. Гарантирую достойную оплату. VPLuzg@abrkd.com Тел. 100-28-91.

Вениамин Павлович.

7. ФИЛОСОФ-МЕРКАНТИЛИСТ

— Yes!!! — взвизгнула Валя. — Вениамин Павлович! Лузгаев! Это он!

— Автографы покупает! — присоединилась к ликованию Саша. — Николай Александрович, вы такой умный! Как же мне повезло, что вы меня сшибли! Можно я вас поцелую?

— И я, — немедленно взревновала Валентина.

Николас был расцелован в обе щеки: в левую робко, но нежно; в правую громко и влажно.

Труднее всего было сохранить невозмутимость — мол, ничего особенного, элементарно, Ватсон. Честно говоря, Фандорин до самого конца сомневался, будет ли из его дедукции толк.

Но результат не вызывал сомнений. Доктор филологических наук в своей дурацкой шараде закодировал телефон коллекционера автографов.

— Что и требовалось доказать, — снисходительно резюмировал Ника. — Остальную часть рукописи мы, кажется, нашли. Она находится у некоего господина Лузгаева, Вениамина Павловича. Мы немедленно с ним свяжемся. Что же касается первой части... — Он подошел к окну, выглянул во двор. Окно Рулета по-прежнему было темным. — Дадим наркоману еще сутки. Если за

это время не появится, пишем заявление в милицию. Пусть ищут.

— Может, лучше подождать с этим Лузгаевым до завтра? — спросила Саша. — Узнали бы сначала, что он за человек, где живет и вообще... Вдруг мы позвоним, а он скажет: знать ничего не знаю ни про какую рукопись.

Ника и Валя переглянулись.

— Нет, у меня до завтра терпения не хватит, — честно признался Николас. — Рискнем. Все равно теперь он от нас никуда не денется.

Для звонка незнакомому человеку было немного поздно, десять вечера, но Николас все же набрал столь трудно давшиеся семь цифр.

Трубку сняли почти сразу же.

— Вениамин Павлович?

Ника нажал кнопку громкой связи, чтобы девушки могли слышать разговор.

— Я.

— Меня зовут Николай Александрович, я от Филиппа Борисовича Морозова... Насчет рукописи, — сразу пошел ва-банк Фандорин.

Пауза.

— Хотите привезти остальное? — спросил Лузгаев.

Ника показал пальцами букву V, а девушки изобразили целую пантомиму победы: Валя исполнила что-то вроде ламбады, Саша перекрестилась и, не удержавшись в рамках благочестия, подпрыгнула.

— Именно об этом я и уполномочен с вами поговорить, — солидным тоном сказал Николас. —

Я понимаю, время позднее, но не хотелось бы откладывать. Я на машине, могу к вам подъехать. Много времени это не займет, пробки уже рассосались.

На том конце вздохнули.

— Может, лучше завтра? Видите ли, у меня кое-какие планы на вечер...

Судя по интонации, по этому «видите ли» Лузгаев был человек интеллигентный, это радовало. Хотя кто кроме образованного, культурного человека станет коллекционировать старинные документы и автографы? Николас подумал, что дело может оказаться проще, чем он предполагал вначале.

Принялся очень вежливо, но твердо настаивать, тоже подпустив в речь побольше всяких «видите ли», «если вас не затруднит» и «собственно говоря». Два интеллигентных человека всегда найдут общий язык.

И — ура! — получил-таки согласие и адрес (коллекционер жил на Ленинском проспекте), пообещав, что прибудет в течение двадцати минут и не обидится на *лапидарность* встречи: без чая-кофе, лишь короткий деловой разговор.

— Саша, быстренько одевайтесь, едем, — приказал он девочке, гордый блестяще проведенной беседой. — Тактику обсудим по дороге.

Саша испуганно замотала головой.

— Николай Александрович, лучше вы сами. Я боюсь. Как я буду с ним говорить? У меня не получится. И потом куда я такая? Волосы мокрые, нечесанные...

Фандорин улыбнулся. Женщина есть женщина — даже такая ангелоподобная скромница.

— Хорошо. Однако я должен знать, чего мне от этого человека добиваться. Насколько мы можем предположить, он взял у вашего отца вторую половину манускрипта и выдал аванс. Вы хотите вернуть ему деньги и забрать рукопись? Или хотите получить остаток суммы, отдав первую половину, которую нам еще нужно отнять у Рулета?

— Я не знаю... — Саша жалобно смотрела на него. — Как же я решу без папы? Наверно, лучше забрать.

— Но где вы возьмете деньги? И потом, нужно же платить за лечение вашего брата?

Саша опустила голову.

— Ну вот что, — решил Николас. — Я поговорю с Лузгаевым предварительно. Нужно убедиться, что рукопись действительно у него и что он в принципе согласен вернуть ее в обмен на аванс. А там видно будет. Кстати, вы не знаете, сколько именно денег получил от него ваш отец?

— Папа не говорил...

Валя дернула Нику за рукав.

— Всё, шеф, пора. Уедет клиент, не дождетя. Только время теряем с этим детским садом.

* * *

Фандорин быстро ехал по пустой набережной, а Валя прикидывала вслух, какова могла быть сумма аванса.

— Значит, десять тонн евриков они отстегнули швейцарам. Еще столько же на всякие фигли-мигли, на дорогу. Плюс «мерин». Аллес цузамен штук тридцать-сорок, я думаю. Не считая перстня с брилликом, который, наверно, не меньше потянет...

— Много это или мало, вот в чем вопрос. Хорошо бы выяснить, какова рыночная цена рукописи Достоевского. Жалко, времени нет.

— Десять минут дадите? — Валентина вынула свой миникомпьютер. — Сейчас пороюсь в Сети. Аукционы надо смотреть...

Пока Николас кружил по темным дворам, разыскивая нужный корпус, ассистентка докладывала о результатах блиц-исследования:

— Смотрите, шеф. На аукционе «Кристис» автограф Натаниэла Хоторна (хрен знает, кто такой) ушел за 545000 баксов. Это была даже не рукопись, а корректура романа с авторской правкой...

— «Алая буква»? — кивнул Фандорин. — Да, я что-то читал про это. Хоторн не «хрен знает кто», а классик американской литературы. Русский автор может цениться дешевле.

— Сравнили тоже: американец на букву «х» и Достоевский, — обиделась за державу Валя. — Ладно, поищем кого-нибудь русского... Вот. Пушкин устроит? На аукционе в Берлине анонимный покупатель заплатил 117 тысяч долларов за неизвестный черновик с набросками «Сказки о мертвой царевне и семи богатырях». Всего одна страничка! А у нас целая пачка.

— И к тому же Достоевский на Западе котируется гораздо выше Пушкина.

— Ух ты, смотрите! Глава из какого-то романа «Юлиссес», автор — Джеймс Джойс, между прочим, тоже черновик, продана на «Кристис» за полтора миллиона! Ни фиги себе! Что, наш Достоевский меньше потянет? Да если иностранцы зажмутся, кто-нибудь из наших на том же «Кристис» прикупит.

— Похоже, растяпу Морозова надули, — согласился Ника. — Саша права: нужно где-то раздобыть деньги и вернуть аванс. «Перстень Порфирия Петровича» — вот главная загвоздка.

Машина уже стояла перед домом Лузгаева — respectable шестиэтажкой недавней постройки, с огороженной автостоянкой и ярко освещенным двором. Очевидно, Вениамин Павлович был человеком небедным.

— Ты, Валя, оставайся в машине. Он торопится, так что я ненадолго.

— Видел из окна, как вы подъехали. Стильная машина, настоящий британский шик. Я и сам, знаете ли, стопроцентный англоман.

Мужчина, открывший Николасу дверь, и вправду был похож на англичанина из голливудского фильма пятидесятых годов — этакий Дэвид Найвен: зализанные волосы, усы щеточкой, аккуратные бакенбарды.

— Сразу видно, что мы люди одного круга, — с величавой приветливостью объявил Лузгаев, одобрительно посмотрев на твидовый пиджак и клетчатый галстук гостя. — Милости прошу в кабинет.

Кабинет оказался под стать хозяину: всё очень respectable, но с некоторым перебором.

Дэвид Найвен

— Как вы назвались — Фандорин? — Вениамин Павлович улыбнулся с видом знатока. — Хорошая фамилия, известная. Лузгаевы тоже старинный род, с пятнадцатого века. Столбовые дворяне. Вот портрет нашего родоначальника, государева стольника Никиты Лузгая. — Он показал на картину в золотой раме: краснощекий бородач с булавой в руке. Судя по краскам, по невообразимости наряда, да и по булаве, которая стольнику совершенно ни к чему, портрет был фантазийный, недавнего производства, а родоначальник скорее всего липовый.

— А это мой прадед, акцизный чиновник.

С другого портрета, явно списанного со старого снимка, пучил глаза коллежский регистратор в наглухо застегнутом вицмундирчике. Вот этот на роль лузгаевского предка вполне подходил, да и черты фамильного сходства прослеживались.

— Батюшка мой, ответственный работник ВЦСПС, — пояснил Вениамин Павлович, заметив, что гость разглядывает фотографию солидного мужчины с орденом «Знак почета» на широком лацкане. — Ему пришлось скрывать свое происхождение, такие были времена. Вы привезли остальную часть рукописи? А что же милейший Филипп Борисович?

— Он в больнице.

— Ай-я-яй. Надеюсь, ничего опасного?

— Филипп Борисович в коме, — несколько искажил факты Ника, чтобы избежать лишних подробностей. — И неизвестно, удастся ли его из этого состояния вывести.

Лузгаев поцокал языком, выражая сочувствие.

— Его дочь Александра поручила мне связаться с вами. Она хочет получить назад то, что отдал вам ее отец. Аванс, разумеется, будет возвращен, — прибавил Фандорин небрежным тоном, а сам внутренне замер.

Вдруг он попал пальцем в небо, никакого аванса уплачено не было, и сейчас его разоблачат?

Или, того хуже, вдруг Лузгаев скажет, что у него нет рукописи?

— В коме? — медленно проговорил Вениамин Павлович, никак не отреагировав на упоминание об авансе. — То есть некоммуникабелен?

— Иногда приходит в себя, но очень ненадолго, — придумал Ника. — Например, сообщил, что рукопись у вас — и снова потерял сознание.

— Да-да, все в целости и сохранности, не беспокойтесь.

У Николаса отлегло от сердца.

— Сколько вы заплатили Филиппу Борисовичу? — облегченно спросил он.

Глаза коллекционера сверкнули.

— Разве Морозов не сказал?

— Нет. Я рассчитывал, что вы мне скажете.

— Ну конечно, конечно. В частных сделках, особенно между интеллигентными людьми, главное — щепетильность и абсолютная честность. — Лузгаев немножко подумал и осторожно, словно примериваясь, протянул. — Я заплатил господину Морозову пять... десят... тысяч. Да, именно пятьдесят.

Что ж, это было близко к Валиным расчетам.

— Значит, перстень и пятьдесят тысяч долларов?

И снова во взгляде коллекционера мелькнул непонятный огонек.

— Перстень? А, ну да... Само собой. И пятьдесят тысяч. Только не долларов.

— Значит, евро, — кивнул Фандорин, вспомнив, как Саша говорила, что за лечение отец платил в европейской валюте.

Вениамин Павлович укоризненно развел руками:

— Фунтов. Фунтов стерлингов, дорогой Николай Александрович. Я же говорил: я англоман.

Врет, прохиндей, понял Фандорин. Пользуется тем, что Морозов недееспособен.

Но Лузгаев еще не закончил.

— Манускрипт я, разумеется, верну, если такова воля дочери... Кстати, с ней можно увидеться?

— Можно, — хмуро произнес Николас. — Вы получите документальное подтверждение, что она дочь Морозова. Если хотите, вам дадут и справку из больницы о состоянии Филиппа Борисовича.

— Что вы, что вы, я вам верю! — замахал руками англоман. — Порядочного человека сразу видно. Всё будет очень просто и цивилизованно. Я отдаю дочери манускрипт нашего величайшего писателя и гуманиста, а вы возвращаете мне аванс, пятьдесят тысяч фунтов. И про перстень не забудьте. Плюс неустойка за нарушение договоренности. Пускай это будет... ну, чтоб не жадничать, еще половина этой суммы. Всего, стало быть, семьдесят пять тысяч.

Ника почувствовал, что его начинает трясти от бешенства.

— Послушайте вы, столбовой дворянин! Никаких пятидесяти тысяч фунтов вы Морозову не давали! Не знаю, сколько, но гораздо меньше. Иначе он заплатил бы в клинику не только первый взнос, а больше! Он вам говорил, что у него сын тяжело болен?

— Да-да, такая трагедия, — ответил коллекционер с ироничной улыбкой. — Напрасно вы с таким пафосом, Николай Александрович. Да, я человек меркантильный — от слова «мерканти-

лизм». Вы знакомы с этой экономической теорией? Суть ее проста: покупай подешевле, продавай подороже. У меня имеется нужный вам товар — часть рукописи нашего гения Федора Михайловича Достоевского. Вам ужасно хочется заполучить этот товар — гораздо сильнее, чем мне хочется его продать. Следовательно, я располагаю всеми экономическими условиями для извлечения сверхприбыли.

— Но у вас тоже неполная рукопись!

— Для собирателей автографов это не столь существенно. Платят за руку великого человека, за неповторимые и уникальные росчерки пера, помарочки, завитушечки. А наш классик в задумчивости еще и рисованием баловался. И, ради Бога, перестаньте меня взглядом испепелять. Вы ведь наверняка тоже не на общественных началах стараетесь. — Лузгаев подмигнул. — Вовремя подсуетились, обработали дочку-глупышку. Не осуждаю. Наоборот, восхищаюсь и даже аплодирую. Ваш трофей, пользуйтесь. Уступаю добровольно. Но позвольте и мне свой кусочек отщипнуть. Я человек порядочный, не пытаюсь присвоить чужое, не отпираюсь, что рукопись у меня. А ведь мог бы. И что бы вы со мной сделали?

Николас открыл было рот, но Вениамин Павлович опередил его:

— Не трудитесь. Заранее знаю, что вы на это скажете. Вы наслали бы на меня бандитов, так? Но насколько мне известно, в таких случаях им приходится отдавать или, как говорят неинтеллигентные люди, *отстегивать* половину. Да и лишний

раз связываться с этой публикой, согласитесь, тоже удовольствие небольшое. Я же прошу у вас всего семьдесят пять тысяч. Выгодное предложение. Эх, погорячился я — надо было назначить сто. Вы ведь, я думаю, знаете, сколько такие бумажечки тянут на аукционах. Всё, решено. Сто тысяч фунтов. А будете ломаться — снова передумаю.

Лузгаев смотрел на собеседника выжидательно, весело приподняв брови.

— Откуда Саша Морозова возьмет сто тысяч фунтов? Я с ней поговорю. Может быть, она и согласится, но вам придется подождать, пока рукопись будет продана.

— Отлично. — Коллекционер сделал широкий жест. — А пока деньги не поступили, принимаю любой залог. У них, кажется, квартира недалеко от центра? Она потянет на сто тысяч фунтов стерлингов?

— Вы же называете себя порядочным, — тихо сказал Фандорин.

Хозяин поморщился:

— Зачем говорить пошлости? Вы ведь культурный человек. Право, как-то даже неловко объяснять вам прописные истины. Всё на свете имеет цену. В том числе и порядочность. Непорядочный человек от порядочного отличается только одним: первый себя ценит низко и продает за дешево, а второй ценит себя высоко и соответственно продает. Желательно не оптом, а в розницу, ломтиками.

— Это вы говорите пошлости! — зачем-то вязался Николас в ненужную дискуссию. — Порядочный человек — тот, кого купить нельзя.

— Можно. — В голосе джентльмена-философа звучало глубокое убеждение. — Купить можно любого. Ну, не за банковский перевод, так на бартер: за почет, или за спасение близких, или за успокоение совести, или за взаимность в любви. Но, между прочим, каждый из этих «борзых щенков» при желании может быть исчислен в сумме прописью.

— И любовь тоже? Если мы с вами, конечно, имеем в виду одно и то же.

— Совершенно одно и то же. Не временную аренду тела, а вечную привязанность души, — сардонически улыбнулся Вениамин Павлович.

— Неправда!

— Ой не смешите. Вы мне еще Окуджаву процитируйте. — Хозяин квартиры с чувством пропел. — «Ох, покупа-ется, yes, покупа-ается доброе имя, талант и любовь!» Николай Александрович, милый, вы как ребенок, ей-богу. Доброе имя? Несколько сотен тысяч на благотворительность, да несколько миллионов на грамотный пи-ар — вот вам и доброе имя. Думаю, лимончиков в десять за просто можно уложиться, причем в общенациональном масштабе. В региональном дешевле. Что у нас в окуджавской триаде дальше идет? Талант? Окей. Предположим, вы богатый человек и хотите взрастить в своем чаде талант. Наймите лучших специалистов по детской психологии и педагогике, пусть как следует понянькаются с вашим крошкой, проанализируют каждый его чих и, пардон, анализ кала. А потом пусть дадут научный вердикт. Так, мол, и так ваше степенство, честно отработав

полученные от вас деньги, докладываем, что ваш сын имеет явную склонность, ну не знаю, к художественному свисту. Или к морской биологии, неважно. Потом, уже зная, к какому занятию расположено от природы ваше дитяtko, вкладываете в пестование этого таланта еще столько-то, и лет через пятнадцать получаете готового гения. Ведь, как утверждает современная наука, какой-никакой скрытый дар заложен в каждом из нас, просто нужно как следует в человеке порыться. Про это даже роман написан, у этого, как его... забыл имя. Ладно, черт с ним.

— Хорошо, но как все-таки с любовью? — в запальчивости воскликнул Фандорин. — Как вы за деньги любовь купите?

— Например, любовь юной, идеалистичной девушки, которая вся в светлых слезах-грезе и прямо ангел во плоти?

— Да!

— Элементарно. Пример опять-таки описан в литературе. Александр Грин, повесть «Алые паруса». Вы нанимаете частное детективное агентство, чтобы выяснить, о чем конкретно грезит интересующая вас девица. Выясняем: ей нужен принц, который приплывет за ней на корабле с алыми парусами. Окей. Сколько стоит аренда корабля с командой? Сколько метров алой материи уйдет на паруса? Если очень дорого — за оптовую закупку положена скидка. Дальше просто. Месяц занимаетесь в фитнес-центре с тренером, чтобы прийти в хорошую физическую форму. Визажист немножко работает над вашей внешностью. Обзаводитесь в

солярии искусственным загаром, чтоб лицо выглядело романтически обветренным. Причем всё это — шейпинг, пилинг, загар — исключительно для перестраховки. Тут весь фокус в алых парусах, и всякого, кто сойдет с красавца-корабля, ваша девушка охотно признает прекрасным принцем. Она ведь романтическая идеалистка, а они всё равно видят не то, что есть на самом деле, а то, что они себе выдумывают. Еще примеров хотите, или достаточно?

Но Николас уже взял себя в руки. Бессмысленное словоблудие пора было заканчивать.

— Хватит, — произнес он деловым тоном. — Меркантилизм так меркантилизм. Мне нужны доказательства, что товар действительно у вас.

— Без проблем.

Хозяин на пару минут отлучился и вернулся с кожаной папкой зеленого цвета.

— Что вы мне даете? — спросил Фандорин, взглянув на вынутые из папки листки. — Это не рукопись. Это ксерокопия.

— А вы думали, я вам прямо оригинал в руки дам? Конечно, ксерокопия. Зато папка аутентичная, в ней я товар от Морозова и получил. Оригинал дома не держу. Как-никак сто тысяч фунтов стоит. — Лузгаев посмотрел на часы и заторопился. — Не считая перстня. Можете взять текст. Если понадобится, я себе еще копию сделаю. А теперь извините, у меня деловая встреча. Поговорите со своей клиенткой и звоните. Всего хорошего.

Весь кипя, Николас позвонил из машины Саше, подробно объяснил, как обстоят дела.

— Может быть, не выкупать у него вторую часть рукописи, а, наоборот, продать первую? Только я уверен, что здесь начнется вымогательство в другую сторону. Этот мерзавец предложит какие-нибудь смешные деньги.

— Я не знаю, — растерянно сказала девочка. — Надо спросить у папы. Давайте завтра к нему съездим, а? Может, он уже придет в себя?

— А если нет?

Саша вздохнула. Так ни до чего и не договорились. Распрощались на том, что утро вечера мудренее.

Николас собирался уезжать, когда из подъезда вышел Вениамин Павлович — элегантный, с сумочкой через плечо.

Учтиво помахал Николасу рукой. Сел в неброский, но респектабельный автомобиль.

— Шеф, а, раз он свалил, может, взлезем к нему, поищем? Вдруг, у него рукопись все-таки дома спрятана? — шепнула Валя.

Ника лишь красноречиво покосился на помощницу.

— Ну, давайте я тогда прослежу, куда это он собрался на ночь глядя. А чего, остановлю любого бомбилу, пристроюсь в хвост к «роверу». — Она кивнула на лузгаевскую машину. — Не заметит. Темно же.

— Какое нам дело, куда он едет? Всё, на сегодня хватит приключений. Поехали.

Мимо прошуршал шинами «ровер». Было видно, что по лицу Вениамина Павловича блуждает мечтательная улыбка, будто коллекционер авто-

графов предвкушает какое-то сладостное приключение.

* * *

Между прочим, зря Николас Фандорин запретил ассистентке проследить за машиной Лузгаева. Если бы Валя исполнила свое намерение, то обнаружилось бы одно интригующее обстоятельство.

Когда Вениамин Павлович вырулил на улицу, от обочины, не мигнув поворотником, отделился другой автомобиль и двинулся следом. Автомобиль был особенный, специального назначения: микроавтобус белого цвета с красной полосой по борту и надписью «Реанимобиль». Ехал реанимобиль не спеша, дистанции с «ровером» не сокращал, и проблесковые огни на крыше не горели.

Про сладостное приключение

А Вениамин Павлович и в самом деле предвкушал сладостнейшее приключение.

Каждую неделю, в ночь со среды на четверг (а сегодня была именно такая ночь) он устраивал себе маленький холостяцкий праздник — или, как он называл это сам, «грезы любви».

Всю неделю обстоятельно, со вкусом, подыскивал по интернету подходящую барышню. Любил совсем молоденьких, худеньких, без бюста, непременно с узкими бедрами, а еще

лучше, чтоб позвонки на спинке торчали. Такие, кстати, и стоят дешевле. Списывался по электронной почте, улавливался о встрече. И получал стопроцентное еженедельное наслаждение, да еще с пролонгацией.

Пролонгацию обеспечивала видеоаппаратура. Для интимных свиданий он снимал гарсоньерку — однокомнатную квартиру на Юго-Западе и оснастил свое гнездо любви по последнему слову техники. Всё, происходившее на кровати и на ковре, снималось с четырех ракурсов, в том числе даже сверху.

В остальные шесть дней недели Вениамин Павлович с удовольствием занимался монтажом отснятого материала, делал наклейку (число, номер) и ставил в сейф. Там уже собралась уникальная коллекция, по-своему не хуже коллекции автографов. Иногда, под настроение, он устраивал себе целый мини-фестиваль ретроспективного показа — под Рахманинова, да с бутылочкой хорошего вина. Лучше, чем сам секс, ей-богу.

Будучи человеком осторожным и предусмотрительным, он всегда принимал барышень в маске. Гости сначала пугались, но Вениамин Павлович объяснял: мол, человек он известный, часто появляется на телеэкране, положение обязывает. Обещал раскрыть инкогнито, если девушка постарается, как следует. Кстати говоря, отлично действовало. Лучший женский афродизиак — любопытство. В конце сеанса Вениамин Павлович обычно

назывался режиссером Говорухиным, на которого был немного похож усиками и формой головы. Барышни уходили, должным образом впечатленные. Некоторые (что особенно веселило Лузгаева) спрашивали, нельзя ли им сняться в кино.

Он приехал в свою гарсоньерку раньше назначенного срока, чтобы наладить аппаратуру. Новая интернет-находка явилась не ровно в полночь, как было назначено, а с небольшим опозданием. Увы — культура обслуживания в сфере интим-досуга у нас пока еще не достигла европейского уровня.

— Одно из двух: или вы разместили на сайте чужую фотографию, или вы не Виолетта, — строго сказал Лузгаев, рассматривая девушку.

Она была в джинсиках, мальчиковой курточке, с маленьким чемоданчиком в руке.

Объяснила полудетским, чуть хрипловатым голоском:

— У Виолетки зуб заболел. Попросила поменять. Я Лили-Марлен.

Вениамин Павлович засмеялся — кличка показалась ему забавной. Да и сама девчонка была что надо. Пожалуй, получше фотовиолетты. Худенькая, мосластенькая, гибкая. Как на заказ.

— Ладно, Лилечка, оставайся, — разрешил коллекционер и хотел обнять ее, но проститутка ловко увернулась от его рук и с веселым хохотом прошмыгнула в комнату.

— Ты Зорро, да? — спросила она про маску. — Играть любишь? Я тоже обожаю. В гестапо не пробовал?

— Как это — «в гестапо»?

Лузгаев с улыбкой последовал за резвуньей.

— Смотри, что у меня есть.

Она открыла чемоданчик, достала оттуда эсэсовскую фуражку, наручники, хлыст. Приклеила черные усишки а-ля фюрер.

— Ты будешь герой-партизан. А я буду тебя пытаться. Хочешь?

Только бы видеокамеру не заело, подумал Вениамин Павлович. Это будет жемчужина фильмотеки.

— Вообще-то я не по садо-мазо, — засмеялся он. — Но попробовать можно. Кнут покажи.

Потрогал — бутафория, поролоновый. Потрогал и наручники — игрушечные, проложены каучуком.

Дал приковать себя к кровати, раздеть.

— Только маску не трогай, поняла? Э, ты что?!

Девчонка достала из чемоданчика другие наручники, массивнее первых, и в два счета защелкнула их у Лузгаева на запястьях.

Не обращая внимания на его протесты, сковала и ноги.

Грабёж, догадался перетрусивший коллекционер. Сейчас обчистит квартиру, аппаратуру унесет, а это десять тысяч. В бумажнике кредитная карточка, на тумбочке ключи от машины. Беда!

Но Лили-Марлен не стала рыскать по квартире. Она стояла над голым Вениамином Павловичем, помахивая поролоновым кнутиком и как-то странно улыбалась.

— Альзо, папочка, — певуче протянула грабительница. — Начинаем допрос.

Убрала кнут в чемоданчик, достала моток колючей проволоки и очень нехорошего вида клещи.

— Вопрос, всего один. Скажи-ка, папочка, где папочка?

— Что? — прохрипел осипший от ужаса Лузгаев. — К...какой папочка?

Тонкие пальцы неспешно разматывали проволоку.

— Не какой, а какая.

— К...какая папочка?

— С рукописью. Куда ты ее спрятал?

А зеленая папка с рукописью (вернее, ее ксерокопией) находилась в руках у Николаса.

Он уже и место приготовил: в кабинете горел торшер, возле кресла дымилась чашка чая.

Перед тем как приступить к чтению, заглянул в комнаты.

Алтын спала, отвернувшись к стене. Приехала из редакции за полночь, усталая, и сразу в кровать.

Николас тихонько вышел, постоял у Гелиной двери. Девочка жалобно простонала во сне, заворочалась.

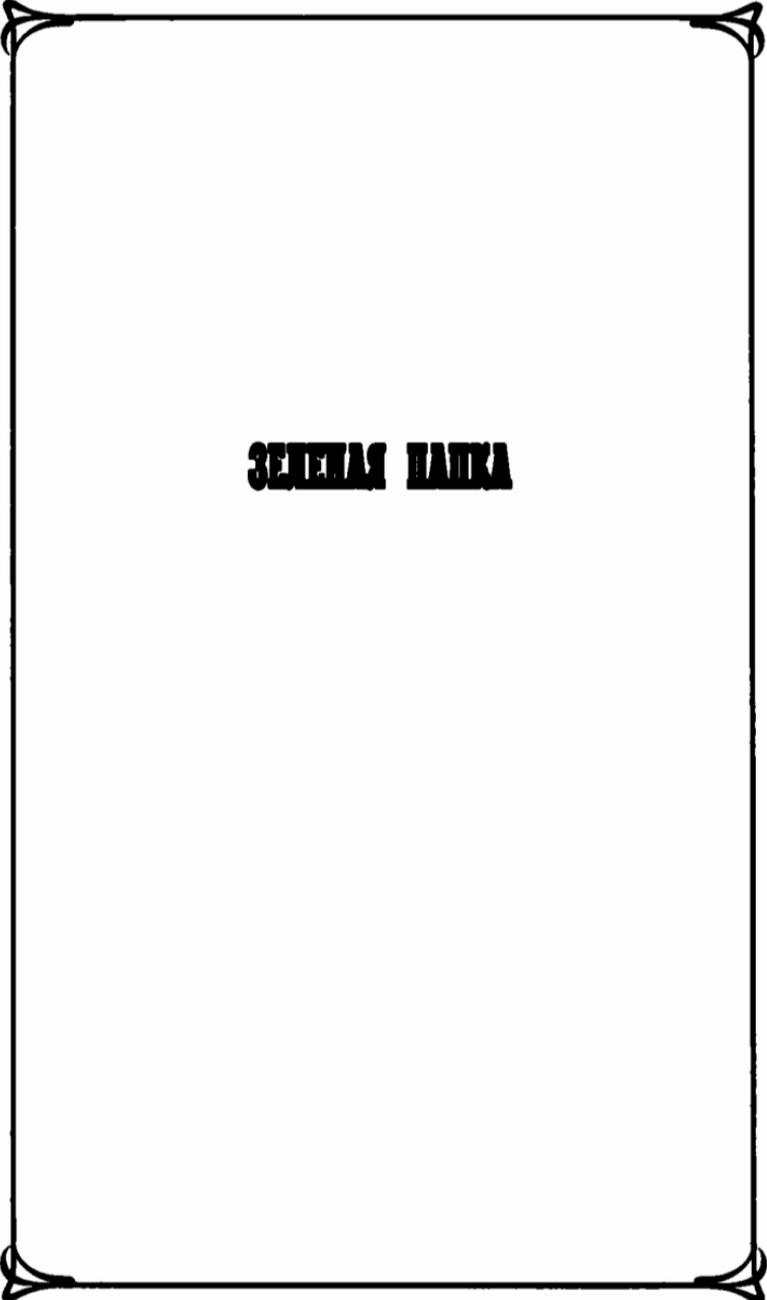
В последнее время с ней что-то происходило. Раньше была хохотушка, а теперь всё молчит. Вот Ластик — ребенок, как ребенок. Переживает из-за

двоек по математике, из-за маленького роста, из-за скобок на зубах. «Одиссею капитана Блада» читает. А Геля стала вести себя как-то странно, по взрослому. Алтын говорит: ерунда, влюбилась в кого-нибудь, я в десять лет такая же была. Матери, наверно, видней.

Завершив обход, Ника сел в кресло, отхлебнул чаю, остывшего до правильной температуры.

Зашелестел страницами.

ЗЕЛЕНАЯ ПАНКА

Глава пятая

ЗА ЧТО НАКАЗЫВАЕШЬ, ГОСПОДИ!

— За что наказываешь, Господи! — тонким голосом вскричал надворный советник, да еще широко перекрестился.

Но, правду сказать, в восклицании этом было не много искренности. Ведь что сообщил приставу своим прокуренным шепотом унтер-офицер? Что снова свершилось душегубство. Не далее часу назад, близ Поцелуева моста (то есть у северной оконечности Казанской части) в собственном флигеле умерщвлен стряпчий Чебаров, и точно тем же манером, что процентщица Шелудякова, однако убийца схвачен на месте и доставлен сначала в квартал, а оттуда в съезжий дом, где и дожидается господина следственного пристава прямо в служебном кабинете.

По поводу истребления очередной христианской души Порфирию Петровичу, конечно, полагалось выразить прискорбие, что он и осуществил посредством вышеприведенного возгласа, однако ж трудно осуждать надворного советника за интонацию, в которой слышалась явственная радость. Еще бы! Казалось, Провидение само решило передать преступника в руки закона.

Но не следует поминать Имя Господне всуе, да еще с неискренним сердцем. В чем Порфи-

рию Петровичу и предстояло незамедлительно убедиться.

Недокончив ужина, следователь и его помощник отправились за унтером, расспрашивая его о подробностях. Тут-то пухлая физиономия пристава и помрачнела.

Унтер-офицер (фамилия его была Иванов) поведал следующее.

В восьмом часу в съезжий дом прибежал слуга Чебарова и объявил, что его господин немедленно требует полицию. Среди бела дня — а у нас в столице восьмой час в июле еще совершенный день — какой-то неизвестный кинул в окно флигеля камнем и вдребезги расколотил стекло, после чего скрылся.

Иванов на ту пору состоял в дежурном отделении и сам выслушал слугу. К месту хулиганского поступка тоже отправился самолично. Засвидетельствовав разбитие стекла, о чем внес запись в имевшуюся при нем книгу, вошел за слугой в дом — а там...

Хозяин лежит на полу мертвый, в луже крови. Затылок проломлен, из кармана пропали золотые часы, со стола бумажник.

Подобравшись к этому месту своего рассказа, Иванов принял чрезвычайно важный и хитрый вид.

— Я, ваше высокоблагородие, воробей стреляный, меня на мякине не проведешь. Восьмой год на службе, да перед тем еще в карабинерском полку сколько. Враз всё прозрел и все евоное коварство превзошел, это как он мне про часы-то с бумажником изъяснил. Хвать его за шиворот и на съезжую. «Врешь, говорю, мерзавец, не на того напал! Ты-то и порешил, а в полицию для отводу глаз побег!» По-

тому как это не иначе лакей господина своего убил, — пояснил унтер-офицер, видя, что Порфирий Петрович нисколько не радуется его пронизательности, и подумав, что пристав, должно быть, туповат.

— С чего ты такой вывод сделал? Про слугу-то? — упавшим голосом спросил надворный советник.

— Да рассудите сами, ваше высокоблагородие. Кто ж станет швырять камнем в окно, при живых хозяевах, да среди белого дня? Наврал он, Поликарп этот. Сам барина своего стукнул, деньги-золото забрал, а полицию за дураков держит.

Пристав и письмоводитель переглянулись. Никакого Поликарпа среди должников процентщицы Шелудяковой не значилось.

— Он что же, признался?

— Запирается. Плачет, божится. Но это ништо, вашему высокоблагородию он всю правду расскажет. Куда ему деться?

Здесь унтер увидал, что Порфирий Петрович, дойдя до угла Офицерской улицы, поворачивает не направо, где в съезжем доме дожидался арестованный, а налево.

Вообразив, что пристав, столь недавно назначенный на должность, ошибся дорогой, служивый хотел его поправить, однако надворный советник раздраженно махнул на него рукой и всё ускоряющейся походкой двинулся в сторону Мойки — теперь уж было понятно, что к Поцелуеву мосту.

— Желаете перед допросом осмотреть место убийства? — вполголоса спросил Заметов, догнав Порфирия Петровича.

— Желаю-с. И очень.

Поцелуев мост

* * *

Стряпчий Чебаров лежал посреди своего кабинета, раскинув руки в стороны, и глядел остановившимися глазами на лепной, в купидончиках и наядках, потолок. Выражение лица покойника было до того нехорошо, что Александр Григорьевич взглянул всего только разок и больше в ту сторону старался не поворачиваться.

Распоряжался на месте Никодим Фомич, приветствовавший надворного советника словами:

— Сорок лет на одном месте служу, еще при Александре Благословенном начинал, а такого не припомню. Два злоумышленных убийства в два дня!

— Тазик с водой попрошу-с, — хмуро сказал на это Порфирий Петрович и сразу направился к трупу, шупать рану.

— То же орудие. Никаких сомнений, — объявил он вскоре и визгливо прикрикнул на полицейских, ходивших по комнате. — Опись всех ценных вещей! И поживее-с! Никодим Фомич, ради Бога, не стойте-с!

Никогда еще Заметов не наблюдал всегда вежливого пристава в таком раздражении.

Кое-как сполоснув и вытерев окровавленные руки, надворный советник сам принялся рыгаться по шкафам, полкам и ящикам бюро. Прямо на виду, в кашлетре, обнаружил толстую пачку пятипроцентных билетов и в сердцах швырнул ее на стол:

— Тут тысяч пять, не меньше-с! Опять то же!

И хоть сам велел капитану «не стоять», отвел Никодима Фомича в сторонку, усадил рядом с собою на оттоманку и принялся допрашивать, что за человек был покойный.

Оказалось, что стряпчего в округе, а особенно в казенных местах, знали очень хорошо. Человечек это был в своем роде известный, весьма несвежей репутации. На хлеб, и очень недурно, он зарабатывал тем, что скупал у заимодавцев безнадежные векселя — очень задешево, бывало, что и в десятую часть цены, а после предъявлял к взысканию. Страшал ямой, высылкой и прочими казнями. Отличался прямо-таки сказочною безжалостностью и упорством, так что ни одна жертва не могла надеяться от него улизнуть или разжалобить ему сердце.

— Плакать об нем не станут-с. — Такими словами заключил свое повествование квартальный и перекре-

стился. — А впрочем, царствие ему небесное. Ежели проживал на свете такой крючок, значит, Богу он был зачем-то надобен.

— Осмелюсь беспокоить, — влез тут унтер-офицер Иванов, которому было обидно, что все забыли о его заслуге. — Лакея когда допросить изволите? Или прикажете пока в холодную поместить?

Порфирий Петрович коротко, без интереса, обернулся.

— Отпустите его, он не убивал. Чтоб слуга, всё в доме знающий, бумажник с часами забрал, а пять тысяч в каш-летре оставил? Невозможно-с. Отпускайте, отпускайте. Я с Поликарпом этим после поговорю.. Хотя постойте-с! — встрепенулся надворный советник. — Кто знает об убийстве?

Впавший в уныние Иванов доложил, что кроме присутствующих более никто.

— Очень уж я поспешал вашему высокоблагородию отлепоровать, — с укоризной сказал унтер.

— И молодец! — Порфирий Петрович оживал прямо на глазах, даже румянец проступил. — Эй вы, двое, сюда! — позвал он полицейских из квартала. — Никодим Фомич, что за люди? Приметливы ли, толковы ли?

А сам так и впился взглядом в лица вытянувшихся перед ним усачей.

— Лучших взял, — похвалил своих подчиненных капитан. — Убийство все ж таки, не драка в кабаке. Грамотны оба, а этот вот, Наливайко, даже трезвого поведения, в противоположность фамилии.

Наливайко, видно, не в первый раз слышавший эту шутку своего начальника, заулыбался.

— Мертвое тело снесите в погреб. Не сейчас, а когда стемнеет-с, — приказал следственный пристав. — Есть тут ледник? Как не быть, непременно есть. Чтоб ни одна душа, ясно? Шторки на окнах задернуть, не высовываться. И не зевать. Если один спит, второй в оба смотрит. И ты, братец тоже, — обернулся он к Иванову, — побудь-ка лучше тут. Может, на сей раз настоящего убийцу поймаешь.

— Засаду желаете поставить? — Квартальный изумился. — Но помилуйте, ради какого резона? Преступление-то уже совершено! С какой стати убийце сюда возвращаться?

— В дом-то он, конечно, не войдет-с. А вот мимо, по улице, очень возможно, что пройдет, и не раз. Потому что жительствоет этот человек, скорее всего, неподалеку-с. Ведь до дома, где процентщицу вчера убили, минут десять ходу, не более-с. Только про Шелудякову весь город судачит, а про Чебарова будет молчок-с. Поликарпа мы покамест под замком поддержим. Полицейские, кто знает, тут, в дому, сидят. И станет преступнику тревожно. Что это он — убил, а шума никакого нет-с. Человек это не совсем обычный и даже совсем необычный, а из таких многие отличаются нервностью, мнительностью, нетерпеливостью.

— Имеете кого-то на примете? — наострил уши квартальный.

— Нет, это так-с, предположение, — ответил Порфирий Петрович, переглянувшись с Заметовым. — Однако если мимо пройдет молодой человек... Как он выглядит, Александр Григорьевич?

— Тощий, высокий, одет оборванцем, черты лица правильные... Шляпа у него такая, круглая, циммер-

мановская, — припомнил письмоводитель все известные ему приметы Раскольников, который жительствовавал в том же Столярном переулке, где находилась контора.

— Да-да. Если такой субъект хоть раз мимо окон пройдет-с, сразу задержать и ко мне.

— А коли не пройдет? — вполголоса спросил Александр Григорьевич.

— Может быть-с. Однако скорее всего объявится. Не завтра, так послезавтра. Не выдержит неизвестности. Собака, она где нагадит, там непременно и понюхает-с. Только мы, возможно, его еще раньше прижмем-с.

Надворный советник вернулся к бюро и вновь принялся рыться в бумагах.

— Никодим Фомич, стряпчие — народец обстоятельный. У Чебарова этого обязательно должен быть какой-нибудь реестр, где он свои вымогательства учитывал. И прошлые, и нынешние, и замышляемые. Ищем-с, господа, ищем-с!

И что же?

С четверть часа поискали и нашли, причем именно в трех отдельных папках: на одной наклейка «Архив», и там всё дела исполненные; на другой — «В работе», там документы по поданным искам; в третьей, под названием «Перспектива», наброски и заметки по будущим жертвам.

— Пойдемте, Александр Григорьевич, — позвал пристав, держа изъятые папки подмышкой. — Снова нам не спать.

Глава шестая

СОВПАДЕНЬИЦЕ

Шли молча. Заметова распирало от вопросов, но вид надворного советника был до того мрачен, что подступить к нему молодой человек так и не осмелился.

Порфирий Петрович нарушил молчание первым.

Уже перед самою квартирой он вдруг остановился и, повернувшись, спросил:

— Как по-вашему-с, что тут страшней всего?

Подумав, Александр Григорьевич ответил так:

— Зверство. Коли бы преступнику деньги были нужны, взял бы сколько надо у процентщицы и тем удовлетворился. Так нет, забрал самую малость, по общему счету рублей на пятьдесят, а нынче прибавил еще немного. Ну, часы, ну бумажник — от силы на сотню нажился. Получается, человеческая жизнь у него в очень уж малой цене.

— Это верно-с, убивает он легко, — согласился пристав, — но меня еще более иное пугает. Больно дерзок. Камень бросил, зная, что Чебаров слугу в полицию пошлет и дома один останется. Вошел, в несколько минут управился, и был таков-с. Главное, как и тогда, со старухой, стряпчий сам его в дом пустил. Вот в чем штука... Боюсь, ошибся я.

Желтоватое лицо Порфирия Петровича исказилось, будто от зубной боли.

— Что, не Раскольников? — спросил Заметов, уже и сам про это подумавший.

Если старуху Шелудякову убил худосочный студентик, то ему бы теперь лежать в своей конуре да зубами стучать от ужаса, а не шастать по улицам с топором за пазухой.

— Непохоже-с. Тут, верно, что-то другое. И с засадой я, кажется, дурака сваял. — Надворный советник развел руками. — У наглеца, который сутягу пришиб, нервы должны быть из железной проволоки. Такой к месту убийства не вернется, нет-с... Ладно, пойдёмте в записях покойника рыться.

* * *

Но унынию и самобичеванию Порфирий Петрович предавался недолго, никак не более часу.

Пока пил чай и курил папиросу, еще вздыхал и охал. Как стал диктовать имена из первой папки (начал с той, на которой значился ярлык «В работе»), сетования оставил, весь подобрался. А деле примерно на десятом случилось вот что.

— ...Поручик Санников, к взысканию сто пятьдесят рублей, счета от портного. Записали-с? — взглянул пристав на письмоводителя, заполнявшего карточку, перевернул следующий листок — и как вскрикнет! Тоненько так, будто барышня, увидевшая мышь.

— Что? — удивился Заметов.

— Вот-с, вот-с... — Порфирий Петрович протянул ему дрожащей рукой бумагу.

Там красивым, с завитками почерком было написано: «Сего 4 июля переслано в суд заемное письмо на 115 р., выданное колл. асс-ше Зарницыной

студентом Р.Р.Раскольниковым. Выкуплено за 12 р. 75 коп.»

— А-а! — закричал и Александр Григорьевич.

— Совпадение, а? — схватил его за плечо пристав, у которого глаза так и сверкали. — Может, я во все и не дурак, а?

— Вы талант! — воскликнул Заметов, пожимая ему руку. — Вы еще прежде этой записки всё правильно исчислили! Зарницына — квартирная хозяйка Раскольникова. Он ей задолжал, а она, не надеясь получить, продала вексель Чебарову. Тот подал к взысканию, чем подписал себе приговор! Ну, держись, студент! Попался!

— Погодите, погодите-с, это еще не улики, не доказательства, — остудил его надворный советник. — Мало знать, кто. Надобно его еще припереть, вот что-с.

В эту минуту из прихожей донесся стук распахнувшейся двери (видно, следователи, пребывавшие в озабоченности, позабыли ее запереть), и зычный голос позвал:

— Порфирий! Что это у тебя нараспашку? Эй, ты дома аль нет?

— Тс-с-с, это Разуმიхин, родственник мой, — шепнул пристав помощнику, вмиг убирая со стола папки и карточки. — По нашему делу, но при нем молчок. После договорим. — И громко откликнулся. — Входи, Митюша, входи, здесь я.

* * *

В комнату вошел крепкий, румяный молодец, очень бедно, но опрятно одетый. Он и вправду приходился Порфирию Петровичу каким-то дальним

родственником, и оба находились в приятельских отношениях, хоть виделись нечасто. Этого-то Митю надворный советник вчера и поминал, когда впервые прозвучало имя Раскольников.

Дело в том, что Разумихин, как и Раскольников, учился в юридическом факультете, был примерно тех же лет, а главное, почти наверняка вращался в том же кругу полуголодных студюзов, ибо по недостатку средств тоже временно вышел из университета — по его выражению, «подгрести пиастров».

Дмитрий Прокофьевич был весьма славный молодой человек, рано оставшийся без родителей и пробивавшийся в жизнь собственными усилиями. Помощи от родных он решительно не принимал, хотя жил почти в нищете — перебивался с хлеба на квас, зарабатывая копеечными уроками и переводами. За такое кредо Порфирий молодого человека уважал, ценил в нем ум и отзывчивость, потому и послал к нему посыльного с записочкой.

— Здорóво, здорóво, — громко, со смехом, закричал Разумихин с порога. — Ишь, сатрап, с полицией вызывать придумал. По этапу, что ли, сошлешь?

— Следовало бы, — засмеялся и надворный советник. — Такого небритого-то.

Обнялись.

Разумихин и вправду второй день не брился, так что лицо его всё поросло густой черной щетиной. Он из принципа не оказывал внешним красотам никакого уважения, при всяком удобном и неудобном случае доказывая, что порядочного человека видно по взгляду и повадкам, а помады да куафюры выдуманы прохиндеями, которым надо свое нутро поавантажней прикрыть.

Дмитрий и сейчас немедленно высказался в том же смысле, на что Порфирий Петрович с улыбкой молвил:

— Поглядим-с, поглядим-с, вот встретишь какую-нибудь этакую (он показал жестом), всю воздушную, с негой во взоре. Тут и побреешься, и приоденешься, да еще, пожалуй, волосы брильянтином намажешь.

— Вот, — показал Разумихин крепчайший кулак, в котором большой палец был просунут между средним и указательным. — Не дождутся. Я человек, а не павлин.

Он с подчеркнутым интересом оглядел кок и платье нафранченного Александра Григорьевича, так что тот покраснел, а Порфирий Петрович захихикал.

— Это мой помощник, Александр Григорьевич Заметов, за работой засиделись. Ты его полюби, он человек отменно хороший, хоть и щеголь.

— Ну коли хороший, то не беда, если щеголь. Как там у Пушкина твоего: «Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей». Разумихин, — представился Дмитрий, крепко сжимая письмоводителя руку, и оборотился к родственнику. — Ну, говори, зачем вызвал. Я тебя, сухаря, знаю. Видно, неспроста?

Он уселся на край стола и приготовился слушать. При всей громогласности человек это был очень и очень неглупый, в мгновение ока переходивший от болтовни к делу.

— Скажи-ка, Митя, известен ли тебе по факультету некий Родион Романович Раскольников? — не стал ходить вокруг да около пристав.

Получил ответ: известен, и не только по факультету, ибо прежде приятельствовали и даже соседствовали.

— Я ведь тут комнатенку снимал. Чуть не год, — пояснил Разумихин. — Теперь вот в Васильевском острове поселился, для приятельства далековато. Да и не больно покамарадствуешь с Раскольниковым, нелюдимый он. А на что тебе Родька?

— Так-с, ничего особенного, — увернулся Порфирий Петрович. — Стало быть, приятельствовали? Вот и навел бы товарища, проведаль.

Дмитрий нахмурился. Как уже говорилось, он был весьма неглуп.

— Э-э, постой, постой. У вас тут убийство было, весь город говорит. Старую жабу Шелудякову прибили. Ты, поди, расследуешь? Ты ведь в Казанской пристав следственных дел. Уж не в этой ли связи? Раскольников-то тебе зачем?

И опять надворный советник оставил вопрос без ответа. Еще и сам спросил:

— Эк ты про всё знаешь. Откуда?

— Как откуда. Говорю тебе, чуть не год у вас тут жил. Сам к Алене Ивановне, процентщице, не раз хаживал. Пройдошистая была тварь, чтоб ею черви отравились. Ты не юли, Порфирий. Зачем тебе надо, чтоб я сходил к Раскольникову?

Но пристав уже придумал, как вывернуться.

— Интересуюсь. Статью он напечатал в «Периодической речи», занятнейшую. Не читал? На-ка вот, на досуге. — Он сунул родственнику газету, в которую Разумихин немедленно с любопытством уткнулся. — Хочу познакомиться с молодым человеком столь... оригинальных мыслей-с. К тому же мне говорили, он

болен и совсем без средств. Ты как его товарищ даже и обязан...

— Болен? — вскинул голову Разумихин, перебив Порфирия Петровича. — Что ж ты сразу не сказал? Он гордый, Родька. Подохнет, а помощи не попросит. Ладно, зайду.

— Только не нынче, — попросил пристав. — Поздно уже.

— Конечно, не нынче. Что ему с моей визитации, коли он болен? Я завтра к нему доктора приведу.

— Около полудня. А после милости прошу привести ко мне-с, если будет в состоянии. Охотно познакомлюсь.

— Да, завтра непременно навещу, с доктором, — тряхнул головой Разумихин. — Есть у меня один малый, он денег со студентов не берет.

Сказал и вскоре после того ушел, ибо всегда говорил, что подолгу рассиживать да рассусоливать — только время попусту терять и что через эту глупую привычку Россия от всего цивилизованного мира на сто лет отстала. Кипучей энергии был человек.

Проводив родственника любовным взглядом, на-дворный советник сказал:

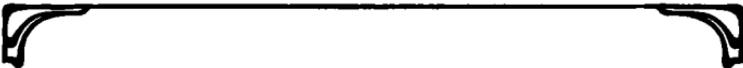
— Эх, побольше бы нам таких. Люблю его. — И без малейшего перехода, всё в том же умиленном тоне продолжил. — Верно мы с вами давеча рассудили, что студенту железных нервов иметь не полагается. Того лишь не учли-с, что именно в нервных субъектах больше всего дерзости и встречается. Вот хоть у Лермонтова... Я вам сейчас зачту... — Он порылся в коробке с книгами и достал оттуда зачитанный томик. — Про Печорина... Где же это-с? Ах, вот. «Слав-

ный был малый, смею вас уверить; только немножко странен. Ведь, например, в дождик, в холод целый день на охоте; все иззябнут, устанут — а ему ничего. А другой раз сидит у себя в комнате, ветер пахнёт, уверяет, что простудился; ставнем стукнет, он вздрогнет и побледнеет; а при мне ходил на кабана один на один». Полагаю, что и наш с вами студент именно такого замесу.

— Такого или другого, а только надо его брать, пока он еще кого-нибудь не убил, — отрезал Александр Григорьевич.

— Ну возьмем, и что-с? Через неделю-другую за неимением доказательств отпустим. Он еще больше в своей силе уверится, что он «необыкновенный», а мы все пред ним лилипуты. Нет-с, мы его психологией возьмем-с. Я ведь неспроста просил Митю к нему именно что около полудня заглянуть. У меня расчетец один имеется. На Митю, а еще более, дружок, на вас.

И хоть в комнате кроме них никого не было, наклонился к Александру Григорьевичу и перешел на шепот.

Глава седьмая

ОБМОРОК

На следующее утро (это, стало быть, в среду) Александр Григорьевич Заметов с утра сидел на своем служебном месте и с небывалым усердием занимался делами, наверстывая за вчерашнее. Столь ревностная прилежность удивила и надзирателя Никодима Фомича, и его помощника Илью Петровича, бывшего драгунского поручика, за свой раздражительный характер прозванного «Порох».

— Давно бы так, — сказал капитан, отечески потрепав молодого человека по плечу, а поручик, несколько склонный к язвительности, поинтересовался:

— Вы, Александр Григорьич, часом не заболели? Будто клеим к стулу приклеились. Ненадолго ж у вас расследовательского пылу хватило.

Добрейший Никодим Фомич рассудил:

— Оно и правильно. В четырех стенах, да за сукнецом спокойней, чем по улице высунув язык бегать.

Потом оба офицера ушли по обычным квартальным делам, и Заметов остался в кабинете один. Он ни разу не отлучился с места, хоть время от времени с видимым нетерпением посматривал на часы.

Раз (это уже в одиннадцатом часу) вызвал из передней старшего писца и спросил, не приходил ли кто из вызванных повесткой.

— Коли пришли бы, я направил бы к вам-с, — хмуро ответил тот, какой-то особенно взъерошенный человечек с неподвижною идеей во взгляде, и вышел вон. Письмоводителя он не уважал за напомаженный кок и вихлястость фигуры. «Ишь, делать ему нечего», — проворчал писец и с того момента стал направлять к Заметову всех посетителей подряд, так что в одиннадцать часов, когда, наконец, произошло то, чего Александр Григорьевич столь нетерпеливо ждал, в кабинете сидели сразу три посетителя: один француз, у которого на Кокушкином мосту с головы сорвали шляпу, вдовачиновница, пришедшая ходатайствовать о продлении паспорта, и содержательница веселого заведения Луиза Линде, вызванная по поводу ночного дебоша.

Дверь комнаты открылась, и вошел еще один посетитель, очень бедно одетый молодой мужчина с повесткой в руке.

Он! У Александра Григорьевича внутри всё так и вострепетало, но, чтобы себя не выдать, письмоводитель даже не взглянул на вошедшего, еще громче заговорив по-французски с владельцем похищенной шляпы. Углом глаза все же скопился, но незаметно — для конспирации оперся рукой о щеку, и подглядел сквозь пальцы.

— Мне в эту комнату, что ли? — резким, будто надорванным голосом сказал оборванец. — Я по повестке, Раскольников. Что за спешность с нарочным вызывать? Я нездоров.

Храбрится, психологически определил Заметов и теперь уже взглянул на подозреваемого в открытую.

Тот был замечательно хорош собою, с прекрасными темными глазами, темно-рус, ростом выше среднего, тонок и строен. Правда, очень бледен, с темными кругами в подглазьях. Дышал часто, прерывисто. Может, от волнения, а может, просто запыхался (полицейская контора располагалась в четвертом этаже).

— Подождите, — сказал Александр Григорьевич, мельком глянув на повестку. Сам же ее давеча и выписывал — по делу о просроченном заемном письме от Чебарова, который со вчерашнего вечера покоился в собственном погребе, под кусками льда.

— Луиза Ивановна, вы бы сели, — обратился Заметов тем же тоном к немке, разодетой багрово-красной даме, которая все стояла, как будто не смея сама сесть, хотя стул был рядом.

— Ich danke, — сказала та и тихо, с шелковым шумом, опустилась на стул. Светло-голубое с белою кружевною отделкой платье ее, точно воздушный шар, распространилось вокруг стула и заняло чуть не полкомнаты. Понесло духами. Но дама, очевидно, робела того, что занимает полкомнаты и что от нее так несет духами, хотя и улыбалась трусливо и нахально вместе, но с явным беспокойством.

Раскольникову письмоводитель сесть не предложил — пускай потомится. Да и пустых стульев больше не было. Когда траурная дама наконец кончила писать и удалилась, Александр Григорьевич усадил на освободившееся место француза, а красивому молодому человеку, сделавшемуся еще бледнее прежнего, бросил нарочно грубовато:

— Обождите, сударь, сами видите...

Коли не повернется и не уйдет — точно он, загадал Заметов.

Не ушел. Только раздраженно притопнул ногой в рваном штиблетишке и с независимым видом засунул руки в карманы широкого, совершенно утратившего первоначальный цвет пальто. Этот предмет туалета никак не соответствовал жаркой погоде, однако очень вероятно, что ничего иного из верхней одежды у бывшего студента просто не имелось.

Куда как удобно под этакой хламидой топорик подвесить, подмышкой, на какой-нибудь там ляпочке, подумал Александр Григорьевич. И еще подумал: а ведь теперь деньги на новое платье у него есть, что-ничто он все-таки с мест преступления прихватил. Осторожничают.

Ну а потом в кабинет вернулся поручик Порох, накинулся на немку, против которой давно уже имел зуб, и настало время приступить к осуществлению плана.

Перво-наперво Заметов сказал с напускной строгостью:

— Что ж вы, сударь, долгов не платите. Нехорошо.

Это чтоб студент обмяк, успокоился. Мол, не из-за *того самого* в полицию вызвали, а по ерунде. Однако саму исковую клязу в руки давать не спешил.

Раскольников переменялся в лице, как бы осмелел. Горячо, горячо!

— Про что это вы? — спросил. — Я в лихорадке, еле на ногах стою, а вы по пустякам тревожите!

Письмоводитель зевнул, прикрыв рот.

— Пардон. Деньги с вас по заемному письму требуют, взыскание. Вы должны или уплатить со

всеми издержками, ценными и прочими, или дать письменно отзыв, когда можете уплатить, а вместе с тем и обязательство не выезжать до уплаты из столицы и не продавать и не скрывать своего имущества.

Пора, командовал себе Заметов. Сунул студенту бумагу, а сам обратился к поручику, громогласно распекавшему немку:

— Илья Петрович! Что со вчерашним убийством-то? Ну, на Екатерингофском. Процентщицы Шелудяковой-то? Зацепились за что-нибудь?

Ага! Раскольников замер, наострил уши, и пот на лбу, каплями. Листок в руках дрогнул, ей-богу дрогнул!

Порох, про которого было известно, что, впад в раж, он ничего вокруг не слышит, на вопрос, конечно, не отозвался.

— А я слышал, следствие на кого-то из закладчиков думает, — продолжил Александр Григорьевич, будто и не глядя на Раскольника. — И вроде бы к Поцелуеву тоже ниточка тянется?

Тут, в этих самых словах, вся психологическая хитрость и состояла. Если студент не при чем и скрывать ему нечего, то немедленно объявится одним из закладчиков старухи Шелудяковой. А насчет Поцелуева моста, где проживал все еще официально здравствующий Чебаров, ему вовсе невдомек будет. С другой стороны, коли Раскольников *при чем*, то фальшивость письма, находившегося у него в руках и поступившего от заведомого покойника, вмиг станет ему ясна. Если в полиции знают про Чебарова, то как же иск-то от него вручают?

Ну-ка, что студент?

Эффект психологической хитрости превзошел все заметовские ожидания. Раскольников был бледен и весь в поту. Он молча повернулся, на неверных ногах пошел к дверям, но дверей не достиг. Остановившись как вкопанный, он секунду-другую покачался из стороны в сторону и вдруг с грохотом повалился на пол.

* * *

Теперь, чтобы двигать наше повествование дальше, придется ненадолго вернуться к событиям предшествующего вечера, вернее к одному лишь событию, касающемуся Дмитрия Разумихина, любимого родственника главного нашего героя.

Сказав Порфирию Петровичу, что нынче навещать товарища не станет, ибо поздно и незачем, Разумихин, по-видимому, шукавил. То ли не хотел показаться слишком чувствительным (он всегда этого опасался, ибо при грубости манер сердце имел предоброе), то ли в самом деле не собирався, да передумал, однако же из следственного отделения Дмитрий прямоком отправился в Столярный переулок, где квартировал Раскольников.

По дороге купил булку и колбасы, рассудив, что Родька, верно, голоден. Вошел в пахучую подворотню пятиэтажного дома, где дорогу ему преградил какой-то нечистый, крючконосый тип в грязном фартуке, по коему следовало предположить в нем дворника. Человек этот находился в той поре опьянения, когда все и вся вокруг кажется подозрительным и враждебным.

— Ну ты, — сказал дворник, крепко ухватывая Ра-

зумихина за рукав. — Ты тут не моги. Ходют! Тута приличный двор, а у тя вишь рожа. Пшел вон!

В общем, происшествие самое обыкновенное, какие случаются сплошь и рядом, не стоило бы о нем и поминать, если б не совершенно замечательный ответ бывшего студента. То есть, ответа-то никакого и не было. Разумихин лишь коротко взглянул в мутные карие глаза дворника, взял всю его нетрезвую физиономию в пятерню и оттолкнул от себя с удивительною силою, так что обидчик опрокинулся навзничь.

Событие это нисколько не омрачило деловитого настроения Дмитрия Прокофьевича. Он, насвистывая, в два счета поднялся по черной лестнице, куда выходили из квартир двери кухонь, по большей части отворенные.

Вход в каморку Раскольниковова обнаружился под самую кровлею. Разумихин подергал — заперто на засов. Значит, дома.

Тогда принялся стучать и звать, да громко, так что с нижнего этажа высунулась Настасья — та самая горничная, которую накануне опрашивал Заметов.

— Что это он? Вроде дома, а не откликается? — встревоженно спросил ее Разумихин. — Нешто дверь высадить?

— Быстрый какой — высадить. — Настасья грызла яблоко, с любопытством оглядывая крепкую фигуру студента. — Я вот дворника позову, он тебе высадит.

— Дворника — это навряд ли, — весело отвечал Дмитрий Прокофьевич и снова заорал во все горло. — Родя! Это я, Митька Разумихин! Открывай, коли живой, всё равно войду!

Лестница в доме
Раскольников.
Современный вид

— Поди к черту! — донеслось наконец из-за двери, и Разумихин вздохнул с облегчением.

— Фу, напугал. Ты болен?

— Катись, я сказал, — был ответ.

— Больны они, шибко больны, — сообщила Настасья. — Я штей носила, своих, не хозяйкиных, так и тех кушать не стали.

Дмитрий Прокофьевич почесал затылок.

— Родька, не отворишь, что ли?

С той стороны в створку двери что-то ударило — должно быть, бросили штиблет или сапог.

— Ладно, завтра я не один ворочусь, и ты у меня попляшешь, — пробормотал сам себе Разумихин, повернулся и побежал по ступенькам вниз.

Вместо прощанья ущипнул Настасью за бок, отчего та не без удовольствия взвизгнула, и впился белы-

ми зубами в принесенную булку, рассудив, что до завтра она все равно зачерствела бы.

Это, стало быть, произошло поздним вечером во вторник, а нынче, около полудня, Дмитрий появился в Столярном вновь. Будучи человеком слова, привел с собою, как обещался, приятеля, одного Зосимова, недавнего выпускника медицинского факультета. Настроен Разумихин был очень решительно, готовый, если понадобится, вышибить своим твердым плечом створку, однако к штурму прибегать не пришлось.

Родион Раскольников едва пять минут как вернулся, а вернее, еле притащился из полицейской конторы, до такой степени ослабленный обмороком, что упал на кровать, не раздеваясь и даже не прикрыв за собою двери. Таким — неподвижно лежащим лицом вниз, почти бесчувственным — и застали его гости.

— Эге, — покачал головой Зосимов, флегматичный и немногословный молодой человек, очень старавшийся держаться солидно, чтобы казаться старше своих лет. — Поверни-ка его.

Разумихин немедленно исполнил приказание, причем переворачиваемый даже не открыл глаз, а врач посчитал биение пульса, послушал в трубку легкие и приоткрыл больному веко, чтобы посмотреть на цвет белков. Все эти действия, кроме самого последнего, к последствиям которого мы еще вернемся, заняли довольно много времени, ибо Зосимов вообще отличался обстоятельностью и неторопливостью.

Дмитрий Прокофьевич же тем временем оглядел пристанище своего бывшего соученика, да только присвистнул.

Это была крошечная клетушка, шагов в шесть длиной, имевшая самый жалкий вид с своими желтенькими, пыльными и всюду отставшими от стен обоями, и до того низкая, что чуть-чуть высокому человеку становилось в ней жутко, и все казалось, что вот-вот стукнешься головой о потолок. Мебель соответствовала помещению: было три старых стула, не совсем исправных, крашенный стол в углу, на котором лежало несколько тетрадей и книг; уже по тому одному, как они были запылены, видно было, что до них давно уже не касалась ничья рука; и, наконец, неуклюжая большая софа, занимавшая чуть не всю стену и половину ширины всей комнаты, когда-то обитая ситцем, но теперь в лохмотьях и служившая постелью Раскольникову. Перед софой стоял маленький столик.

Внимание Разумихина привлекли листки, лежавшие на этом столике. Дмитрий Прокофьевич взял бумагу, увидел, что это письмо, однако нисколько не смутился, рассудив, что из письма, возможно, куда лучше узнает о нынешнем состоянии друга, нежели от него самого.

Письмо было от матери Раскольникова.

«Милый мой Родя, — писала мать, — вот уже два месяца с лишком как я не беседовала с тобой письменно, от чего сама страдала и даже иную ночь не спала, думая. Ты знаешь, как я люблю тебя; ты один у нас, у меня и у Дуни, ты наше все, вся надежда, упование наше. Что было со мною, когда я узнала, что ты уже несколько месяцев оставил университет, за неимением чем содержать себя! Чем могла я с моими ста двадцатью рублями в год пенсiona помочь тебе?

Но теперь, слава богу, мы можем похвалиться фортуной, о чем и спешу сообщить тебе. И, во-первых, угадываешь ли ты, милый Родя, что сестра твоя вот уже полтора месяца как живет со мною. Слава тебе господи, кончились ее истязания. Когда ты писал мне, тому назад два месяца, что слышал от кого-то, будто Дуня терпит много от грубости в доме господ Свидригайловых, что могла я тогда написать тебе в ответ? Если б я написала тебе всю правду, то ты, пожалуй бы, все бросил и хоть пешком, а пришел бы к нам, потому я и характер, и чувства твои знаю, и ты бы не дал в обиду сестру свою. Главное затруднение состояло в том, что Дунечка, вступив прошлого года в их дом гувернанткой, взяла наперед целых сто рублей под условием ежемесячного вычета из жалованья, и, стало быть, и нельзя было место оставить, не расплатившись с долгом. Сумму же эту (теперь могу тебе все объяснить, бесценный Родя) взяла она более для того, чтобы выслать тебе шестьдесят рублей, в которых ты тогда так нуждался.

Несмотря на доброе и благородное обращение Марфы Петровны, супруги господина Свидригайлова, и всех домашних, Дунечке было очень тяжело, особенно когда господин Свидригайлов находился, по старой полковой привычке своей, под влиянием Бахуса. Представь себе, что этот сумасброд возымел к Дуне страсть. Наконец не удержался и осмелился сделать Дуне явное и гнусное предложение, обещая ей разные награды и сверх того бросить все и уехать с нею в другую деревню или, пожалуй, за границу. Развязка же наступила неожиданная. Марфа Петровна нечаянно подслушала своего мужа, умолявшего Дунечку в саду, и, поняв все превратно, во всем ее же и

обвинила, думая, что она-то всему и причиной. Произошла у них тут же в саду ужасная сцена: Марфа Петровна даже ударила Дуню, не хотела ничего слушать, а сама целый час кричала и, наконец, приказала тотчас же отвезти Дуню ко мне в город, на простой крестьянской телеге, в которую сбросили все ее вещи, белье, платья, все как случилось, неувязанное и неуложенное. А тут поднялся проливной дождь, и Дуня, оскорбленная и опозоренная, должна была проехать с мужиком целых семнадцать верст в непокрытой телеге.

Целый месяц у нас по всему городу ходили сплетни об этой истории, и до того уж дошло, что нам даже в церковь нельзя было ходить с Дуней от презрительных взглядов и шептаний, и даже вслух при нас были разговоры. Всему этому причиной была Марфа Петровна, которая успела обвинить и загрязнить Дуню во всех домах. Но, по милосердию Божию, наши муки были сокращены: господин Свидригайлов одумался и раскаялся и, вероятно пожалев Дуню, представил Марфе Петровне полные и очевидные доказательства всей Дунечкиной невинности. Марфа Петровна была совершенно поражена и «вновь убита», как она сама нам признавалась. Она приехала к нам, рассказала нам все, горько плакала и, в полном раскаянии, обнимала и умоляла Дуню простить ее. В то же утро, нисколько не мешкая, прямо от нас, отправилась по всем домам в городе и везде, в самых лестных для Дунечки выражениях, проливая слезы, восстановила ее невинность и благородство ее чувств и поведения.

Все это способствовало главным образом и тому неожиданному случаю, через который теперь меняет-

ся, можно сказать, вся судьба наша. Узнай, милый Родя, что к Дуне посватался жених и что она успела уже дать свое согласие, о чем и спешу уведомить тебя поскорее. Это Петр Петрович Лужин, дальний родственник Марфы Петровны, которая многому в этом способствовала. Начал с того, что через нее изъявил желание с нами познакомиться, был как следует принят, пил кофе, а на другой же день прислал письмо, в котором весьма вежливо изъяснил свое предложение и просил скорого и решительного ответа. Человек он деловой и занятый, и спешит теперь в Петербург, так что дорожит каждою минутой.

Разумеется, мы сначала были очень поражены, так как все это произошло слишком скоро и неожиданно. Соображали и раздумывали мы вместе весь тот день.

Человек он благонадежный и обеспеченный, служит в двух местах и уже имеет свой капитал. Правда, ему уже сорок пять лет, но он довольно приятной наружности и еще может нравиться женщинам, да и вообще человек он весьма солидный и приличный, немного только угрюмый и как бы высокомерный. Он, например, и мне показался сначала как бы резким; но ведь это может происходить именно оттого, что он прямодушный человек, и непременно так. Например, при втором визите, уже получив согласие, в разговоре он выразился, что уж и прежде, не зная Дуни, положил взять девушку честную, но без приданого, и непременно такую, которая уже испытала бедственное положение; потому, как объяснил он, что муж ничем не должен быть обязан своей жене, а гораздо лучше, если жена считает мужа за своего благодетеля.

Пред тем, как решиться, Дунечка не спала всю ночь и, полагая, что я уже сплю, встала с постели и всю ночь ходила взад и вперед по комнате; наконец стала на колени и долго и горячо молилась пред образом, а наутро объявила мне, что она решилась.

Я уже упомянула, что Петр Петрович отправляется теперь в Петербург. У него там большие дела, и он хочет открыть в Петербурге публичную адвокатскую контору. Таким образом, милый Родя, он и тебе может быть весьма полезен, даже во всем, и мы с Дуней уже положили, что ты, даже с теперешнего же дня, мог бы определенно начать свою будущую карьеру. Дуня только и мечтает об этом. Мы уже рискнули сказать несколько слов на этот счет Петру Петровичу. Он выразился осторожно и сказал, что, конечно, так как ему без секретаря обойтись нельзя, то, разумеется, лучше платить жалованье родственнику, чем чужому, если только тот окажется способным к должности (еще бы ты-то не оказался способен!).

Самое же приятное я приберегла к концу письма: узнай же, милый друг мой, что, может быть, очень скоро мы сойдемся все вместе опять и обнимемся все трое после почти трехлетней разлуки!

Уже наверно решено, что я и Дуня выезжаем в Петербург, когда именно, не знаю, но, во всяком случае, очень, очень скоро, даже, может быть, через неделю. Все зависит от распоряжений Петра Петровича, который, как только осмотрится в Петербурге, тотчас же и даст нам знать.

Прощай, или, лучше, до свидания! Обнимаю тебя крепко-крепко и целую бесчисленно.

Твоя до гроба

Пульхерия Раскольникова».

Заодно уж Разумихин взглянул и на конверт. Судя по штампу и пометке, письмо было получено на почтамте еще неделю назад, однако вручено адресату лишь позавчера. Дмитрий Прокофьевич хотел кликнуть Настасью, чтобы выяснить причину такой задержки, но здесь как раз подоспел момент, когда медику вздумалось поинтересоваться цветом раскольниковских белков. Это-то действие и вернуло больного в чувство.

Раскольников дернулся, испуганно уставился на протянувшуюся к его лицу руку и рывком сел на кровати. Ему понадобилось несколько времени, чтобы прийти в себя, но совсем немного. Не прошло и полминуты, как Родион Романович совершенно взял себя в руки и даже усмехнулся.

— А, это ты, — молвил он. — Благодетельствовать пришел. Да с доктором.

На Зосимова при том не взглянул, лишь брезгливо отстранил от лица пальцы медика. Тот однако же несколько не обиделся, а лишь, многозначительно поглядев на Разумихина, отошел в сторонку и весь последующий разговор наблюдал в позе стороннего научного наблюдателя, исследующего состояние больного.

Говорившие, впрочем, тоже про него как бы забыли.

— Уж и в письмо нос сунул! — зло оскалился Раскольников. — Ты всегда был бесцеремонен. Ну и что думаешь?

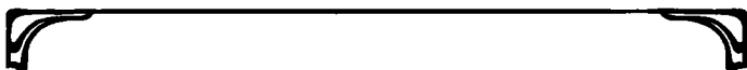
— Я думаю, что в письме причина всей твоей лихорадки, — спокойно заметил на это Дмитрий и, сложив руки на груди, прислонился спиной к стене. Он понял, что ему лучше молчать — нужно дать товарищу выговориться.

— Психолог! — фыркнул Родион Романович и схватился за голову. — Сестра отдает себя на закляние какому-то *прямодушному* Петру Петровичу, только чтоб *милий Родя* мог *начать свою карьеру!* Что ж они из меня подлеца-то делают! И сами того не понимают! Да знаешь ли ты, до чего я в эти два дня...

Он недоговорил, потому что в проеме двери, так и оставшейся неприкрытой, появилось новое лицо. Это был господин немолодых уже лет, чопорный, осанистый, с осторожной и брюзгливою физиономией.

Увидев, что все на него уставились, он слегка, с большим достоинством поклонился и вымолвил:

— Лужин, Петр Петрович. Мне сказали, что в сей комнате проживает Родион Романович Раскольников. Но может быть, я ошибся?

Глава восьмая

НОВОЕ ЛИЦО, ДА НЕ ОДНО

— Очень кстати, — покачал головой Разумихин, пристально разглядывая посетителя.

В темной, похожей на гроб каморке Раскольников сей в высшей степени респектабельный джентльмен смотрелся совсем не к месту. В одежде его преобладали цвета светлые и юношесвенные. На нем был хорошенький летний пиджак светло-коричневого оттенка, светлые легкие брюки, таковая же жилетка, батистовый самый легкий галстучек с розовыми полосками, и что всего лучше: все это было даже к лицу Петру Петровичу. Лицо его, весьма свежее и даже красивое, и без того казалось моложе своих сорока пяти лет. Темные бакенбарды приятно осеняли его с обеих сторон, в виде двух котлет, и весьма красиво ступались возле светловыбритого блиставшего подбородка.

— Да вы садитесь. — Разумихин показал на один из стульев. — Я Разумихин, его приятель. А вон сам Родион Романович. Нездоровится ему. Видите, доктор тут? Так что вы не очень к сердцу принимайте, что он вам наговорит. А впрочем...

И махнул рукой, потому что ничего хорошего от предстоящего объяснения не ждал.

Петр Петрович, по-видимому заранее настроившийся играть роль благодетельного посетителя

трусоб, ничего этого не предчувствовал и пока лишь испытал легкую неловкость от устремленного на него сверкающего взгляда Раскольниковова, однако отнес эту странность на счет упомянутого нездоровья.

Как человек светский, он решил немедленно *поправить атмосферу* посредством приличного, цивилизованного разговора, который сразу всё определит и расставит по местам.

— Вам, верно, писали обо мне ваша матушка Пульхерия Александровна или ваша сестрица Авдотья Романовна? Они уже в Петербурге, хотя я и их пока еще не видал за множеством дел, ибо прибыл несколько ранее... — начал он приятнейшим тоном, но, не получив никакого ответа, осекся и даже несколько переполошился, предположив, что вследствие какой-нибудь почтовой неисправности письмо не дошло и именно этим объясняется дикий взгляд будущего родственника.

Попадать в нелепые, конфузливые положения Петр Петрович ужасно не любил и на миг смешался. Он обвел взглядом стол в поисках конверта — и, точно, увидел там какое-то письмо (однако не то, которое давеча попало на глаза Разумихину, а сегодняшнее, из полицейской конторы). Лужин чуть прищурился своими дальнотзорными глазами, миг пробежал ими по строчкам и сразу же всё себе разъяснил.

— А, вы, должно быть, расстроены этой повесткою? — улыбнулся он. — Извините, случайно взор упал. Пустяки, совершенные пустяки. Господина Чебарова, подавшего на вас иск, я неплохо знаю по некоторым прошлым своим делам. Полагаю, мы это уладим.

Восстановившись в роли благодетеля, Петр Петрович полностью успокоился на счет своего статуса и все усилия повернул на *атмосферу*.

— А вашу матушку и сестрицу я временно, пока не обустрою будущее гнездо, поселил на Вознесенском, в доме Бакалеева...

— Знаю, — покривился Разумихин. — Скверность ужасная. Грязь, вонь, да и подозрительное место. Дешево, впрочем.

— Я, конечно, не мог собрать столько сведений, так как и сам человек новый, — щекотливо возразил Петр Петрович, — но, впрочем, весьма и весьма чистенькие комнатки. Я и сам покамест теснюсь в номерах, у госпожи Липпехель, в двух шагах отсюда, у одного моего молодого друга Лебезятникова. Вот уж где, прошу прощения, нечистота и подозрительные соседства. Ничего не поделаешь, Петербург, современный наш Вавилон.

Тут ему, должно быть, представилось, что он это как-то жалковато, по-провинциальному выговорил, и Петр Петрович пожелал немедленно реабилитироваться, а заодно перевести беседу в более непринужденное, *родственное* русло.

— Я, впрочем, хоть и проживал всё в провинции, но в Петербурге человек бывалый. И по делу частенько приходилось, и, так сказать, для моциона. — Он лукаво улыбнулся. — Ваши милые родственницы несомненно вам писали, да вы и сами видите, что человек я не первой молодости, так что всякое в жизни повидал, знавал и безумства юности, однако всё это в прошлом, на сей счет можете быть совершенно покойны. Буду примернейшим из супругов.

Поскольку Раскольников всё молчал, так что это становилось совсем уже неприличным, Дмитрий Прокофьевич решился вставить слово.

— Значит, пошаливали, в молодости-то? — с серьезным видом поинтересовался он. — По части клубнички?

Лужин насмешки не заметил и даже был рад, что беседа перешла из монологического регистра в диалогический.

— Не так, как вы, может быть, подумали, — снисходительно улыбнулся он, — а самым нескандальным и приватным образом, на что у приличных людей имеются свои способы. Так что с этой стороны, в отличие от многих людей моего возраста, мне опасаться совершенно нечего. Ни внебрачных детей, ни дурной болезни, ни прочих подобных неприятностей Авдотье Романовне от меня проистечь никак не может. Говорю о таких вещах открыто, без смущения, как человек ответственный и прямой.

Здесь Родион Романович, наконец, растворил уста.

— Пошел прочь, — тихо, но очень отчетливо произнес он.

— Простите-с? — изумился Петр Петрович.

— Вон!!! — гаркнул на него Раскольников, весь рванувшись вперед, и так яростно, что Лужин отскочил в сторону, опрокинув стул.

Разумихин кинулся вперед, и ему понадобилась вся его недюжинная сила, чтоб удержать приятеля на кровати.

— Это припадок. Вам лучше удалиться, — сказал опешившему Лужину доктор, доставая из своей сумки бутылочку с успокоительной микстурой.

— Да я и сам уж хотел, — с достоинством произнес Петр Петрович, которому была невыносима мысль о том, что его могут откуда-нибудь выгнать, да еще когда он пришел с самыми великодушными намерениями. — У меня тут неподалеку назначена встреча по одному дельцу, так мне и пора.. А вы, сударь, хоть и больны, но это не извиняет. Пожалеете, и очень-с, я как человек чести обид спускать не привык, — бросил он на прощанье Раскольникову, всё бившемуся в пароксизме, и ретировался.

Унимать взъярившегося Родиона Романовича пришлось долго. Не только Разумихин был обруган самыми последними словами, но досталось и Зосимову, сунувшемуся со своей микстурой: от взмаха раскольниковской руки жидкость выплеснулась доктору прямо на жилет. Тут Зосимов, очень бережно относившийся к своему платью, утратил всю флегматичность, закричал, что лечение истерии — это не по его части и ушел вон, хлопнув дверью. Напрасно Дмитрий Прокофьевич, вышед следом на лестницу, поминал клятву Гиппократата. Зосимов не вернулся.

* * *

Оставшись вдвоем, приятели долго молчали. Оба были сердиты, насуслены.

— Знаешь, брат, это уж свинство, вот что я тебе скажу, — не выдержал наконец Разумихин. — Зосимова ты зря обидел. Да и женишок твоей сестрицы, хоть и не больно аппетитен, но чего уж так сразу-то «пошел вон»?

— И ты тоже пошел вон с твоими заботами! — огрызнулся Раскольников. — Кто тебя просил? Зачем ты вообще ко мне таскаешься?

— Хотел тебя к дядьке своему троюродному сводить. Интересный экземпляр этот мой Порфирий. Мечтает с тобой познакомиться.

— Со мной? — удивился Родион Романович. — Да откуда он про меня знает? Ты что ли наболтал?

— Представь себе, нет. Он статью твою прочитал в газете, про необыкновенных людей. Я, кстати говоря, категорически с тобой несогласен. Чувшь ты там написал, и превредную. Порфирия твоя дикая идея, должно быть, по профессии заинтересовала. Он всегда говорил: изучите психологию преступления, и преступлений не станет. Порфирий следственный пристав, у вас тут теперь служит, в Казанской части...

Раскольников, как-то весь обмякший и сжавшийся после своего припадка, приятеля почти не слушал. Пропустил мимо ушей и про статью, и про психологию, однако, когда Дмитрий помянул о дядиной службе, больной вздрогнул, и лицо его озарилось воспаленной, желчной улыбкой.

— Ах, вот оно что... — то ли хохотнул, то ли закашлялся Родион Романович. — Тебя вот кто подослал. Слышал я, насчет закладчиков-то.

— Каких закладчиков? — нахмурился Разумихин.

Внезапно Раскольников расхохотался, и пренепрятно, глядя товарищу в глаза неподвижным взглядом.

— Не знал я, Митька, что ты теперь по этакой части стараешься, — с расстановкой, явно желая оскорбить, процедил хозяин комнаты.

И преуспел.

— Ну, ты... — Дмитрий сжал кулаки. — Ежели б ты был не болен, я бы тебя... Э, да ну тебя к черту с твоими вывертами!

Он развернулся, бросился вон из комнаты — столь стремительно, что чуть не сбил с ног поднимавшуюся по лестнице барышню.

Барышня была, хоть и высокая, но тоненькая. Разумихин своею массою прямо-таки снес ее со ступеньки, однако успел подхватить и удержать от падения.

— Виноват, черт! Прошу извинить! — вскричал он с досадою и хотел бежать дальше, но взглянул на лицо незнакомки и замер на месте.

— Ничего, — ответила девушка с несколько испуганной улыбкой, но ничуть не потерявшись. — Вы, верно, очень куда-нибудь спешите, оттого и не посмотрели.

— Да, спешу. То есть, нет, я, собственно...

С каждою секундой барышня держалась всё спокойнее, а Разумихин, наоборот, всё смятённой. Он и сам не мог бы объяснить, что это на него нашло, но решительно не мог ни двигаться дальше, ни отвести взгляда от ее лица.

— Раз уж вы задержались, — улыбнулась она уже совсем не испуганно, а весело, — можно ли у вас спросить? Не изволите ли знать, где проживает Родион Раскольников?

— Знаю, — хрипло ответил Разумихин. — Вы его сестра, да?

Догадаться, впрочем, было нетрудно. Девушка, которую мать в письме называла «Дуней», имела в чертах много сходного с Родионом Романовичем, но только, пожалуй, была еще красивей. Волосы темно-

русые, немного светлей, чем у брата; глаза почти черные, сверкающие, гордые и в то же время необыкновенно добрые. Она была бледна, но не болезненно бледна; лицо ее сияло свежестью и здоровьем. Рот у ней был немного мал, нижняя же губка, свежая и алая, чуть-чуть выдавалась вперед, вместе с подбородком, — единственная неправильность в этом прекрасном лице, но придававшая ему особенную характерность и, между прочим, как будто надменность.

— Он вам рассказал о нашем приезде? Вы, наверное, его друг? Да, я младшая сестра Роди, Авдотья Романовна.

Барышня смотрела на Дмитрия ясно и приветливо, но он затушевался еще пуще.

— Разумихин, — кое-как пробормотал он. — Только сейчас от него... Ну, не буду мешать родственной встрече, и всё такое...

Сделав над собою усилие, он наконец двинулся дальше, но ноги не желали идти.

— Знаете что, он нездоров, — сказал Разумихин, но девушка, кажется, не услышала.

Взволнованная предстоящим свиданием, она уже стучала в дверь и, не дождавшись отклика, вошла.

Дмитрий спустился на ступеньку-другую. Остановился, потоптался на месте и вдруг сел.

Подожду-ка я, мало ли что, может, в аптеку понадобится или еще что, сказал он себе и ни с того ни с сего покраснел.

* * *

Дело, разумеется, было не в аптеке. Разумихину вообразилось, что Родька в своем нынешнем исступле-

нии накинется на сестру и обидит ее или ударит, а от одной мысли, что черноглазую барышню кто-то, пускай даже родной брат, может ударить, у Дмитрия Прокофьевича опасно перехватило дыхание. Он ни за что и самому себе не признался бы, что, пожалуй, желал бы такого оборота событий: чтоб Авдотья Романовна крикнула «на помощь!» или что-нибудь подобное, и тогда он, Разумихин, вбежал бы и защитил ее.

Оттого Дмитрий сидел весь подобрившись, напряженно прислушивался к доносящимся из комнаты звукам, и был готов, ежели понадобится, в секунду оказаться наверху.

Однако опасения (или надежды) его, казалось, были напрасны. Никаких признаков ссоры чуткий слух Разумихина не улавливал.

Поначалу, едва Авдотья Романовна переступила порог, донеслись какие-то тихие восклицания, потом, почти сразу же, всхлипы, но отнюдь не горькие, а наоборот радостные. Затем шум ровного, приглушенного разговора. Дмитрий уже стал корить себя за излишнюю мнительность, как вдруг голоса сделались громче, еще громче, и скоро на лестнице было слышно каждое произносимое слово.

— Да как... ты... смел?! — прерывисто, будто задыхаясь, воскликнул сначала женский голос.

Ответ был хоть и произнесен запальчивым тоном, но пока еще неразборчив.

— С чего ты вообразил, что я приношу себя в жертву? Не много ль самомнения? Да и вообще, твое ли то дело? Я ему слово дала! За кого желаю, за того и выхожу!

— Ну уж это нет, Авдотья Романовна! — пронзительно выкрикнул Раскольников. — Это я не позво-

лю! Вы кем меня выставляете? Приживалом при вас? Альфонсом? Да будь ты проклята со своей унижительной жертвой! Моя сестра будет торговать собою, чтоб я за счет этого *начал свою карьеру?*

И здесь раздался звук, которого так страшился Разумихин — звон оплеухи.

С рычанием сорвавшись с места, Дмитрий ворвался в комнату, даже не заметив, что плечом выбил дверь с одной из петель.

Однако защищать Авдотью Романовну от обезумевшего братца ему не пришлось. Взору Разумихина открылась весьма неожиданная картина.

Родион Романович стоял обомлевший, трогая пальцами левую щеку, которая была гораздо краснее правой. Барышня же стояла перед ним на коленях, обхватив его руками и беззвучно плакала, шепча: «Прости, прости...»

Увидев приятеля, Раскольников не рассердился, а лишь немного смущенно улыбнулся.

— А, снова ты. На крик прибежал? Рекомендую, моя сестра Дуня. Только что прибила меня, и, кажется, за дело. Дуня, вставай, будет, мы не одни. Это товарищ мой, Дмитрий Прокофьевич Разумихин.

Но Авдотья Романовна и сама уже поднималась.

— Мы знакомы, — пробормотала она, не осмеливаясь глядеть на свидетеля семейной сцены.

Вот ведь удивительно: глаза у ней покраснели от слез, нос распух, но сейчас она показалась Дмитрию еще красивей, чем на лестнице.

— Что вылупился? — засмеялся Родион Романович, отчего-то пришедший в отменное расположение духа. — Такие уж мы, Раскольниковы. Рязанские африканцы.

Оплеуха — лучшее средство от истерики, сказал себе Разумихин и тоже улыбнулся.

— Да, тебе лучше, это видно. Ишь, глаза-то блестят. А то ведь он, Авдотья Романовна, вы не поверите, еще недавно пластом лежал.

Дмитрию было невыразимо приятно обращаться к ней вот так, на совершенно естественном основании и называть по имени.

— Вы извините, Дмитрий Прокофьевич... Мы с Родей немного повздорили. Но у нас всегда так. Не успеем насмерть разругаться, как уж и помирились. Люблю я его очень, а он меня.

— Ты не ври, не ври, — сконфузился Раскольников. — Девичьи сантименты. — И вдруг неожиданно сказал. — Митька, ты хотел меня к своему сыщику вести. Пошли, что ли?

— А как же маменька? — ахнула Авдотья Романовна. — Я обещалась тебя привести, она ждет.

Родион Романович поморщился:

— Я... после к ней зайду. Надо дело одно закончить.

— Это верно, — поддержал его Разумихин. — Мы у родственника моего, которого ваш брат «сыщиком» обозвал, деньжонок подзаемем и Родион Романьгча слегка приоденем. А то что ж его таким чучелом вашей матушке предъявлять? Она, пожалуй, напугается.

Это соображение, очевидно, показалось барышне резонным.

— Спасибо, что заботитесь о Роде, Дмитрий Прокофьевич, — ласково молвила она. — Вы только будьте с ним, хорошо? Мне отчего-то покойно, когда вы рядом.

Разумихин от удовольствия весь вспыхнул, а у Раскольникова удивленно приподнялись брови.

— Я сейчас провожу ее до дома, подниматься не буду, — сказал он. — Дуня, вы ведь на Вознесенском?

— Да, недалеко. Нам с маменькой Петр Петрович временно снял комнату, — ответила сестра, с особенной твердостью произнеся имя своего жениха.

Лицо брата покривилось.

— А твой сыщик где квартирует? — повернулся он к Разумихину.

— На Офицерской. Такой серый дом с зеленою крышей, знаешь? Порфирий во втором этаже, слева. Это, брат, славный парень, увидишь! Недоверчив, скептик, циник, надувать любит, то есть не надувать, а дурачить, но дело знает. Очень, очень желает с тобой познакомиться. Он, видишь ли...

— Встретимся через час у подъезда, — оборвал его Раскольников, вновь переходя от приподнятости к мрачности. — Поглядим, поглядим...

Последнее было произнесено едва слышно, себе под нос.

И приятели разошлись, каждый в свою сторону.

От угла Дмитрий обернулся, чтоб еще раз взглянуть на Авдотью Романовну. Она шла рядом со своим братом высокая, стройная, и что-то выговаривала ему, слегка придерживая за рукав. Раскольников дернул локтем, высвободился.

Вздохнув, Разумихин стал прикидывать, как бы с толком провести целый час свободного времени.

* * *

В назначенное время оба они сошлись перед домом Порфирия Петровича. Разумихин был хмур, Раскольников возбужден, и даже слишком.

Еще издали, завидев Дмитрия, он со смехом крикнул:

— Эй, Ромео! Что это ты, прихорошился, волосы расчесал?

— Ничего я не расчесывал, — попался на удочку Разумихин, хватаясь за волосы и краснея, отчего Родион Романович расхохотался еще пуще.

— Просто роза весенняя! И как это к тебе идет, если б ты знал! Ромео десяти вершков росту!

Взбешенный Дмитрий замахнулся на него кулачищем, но Раскольников, всё хохоча, увернулся и проскользнул в подъезд. Помедлив мгновение и сердито топнув ногой, Разумихин пошел следом.

В эту минуту к окну второго этажа подошли двое, Порфирий Петрович и Заметов.

— Пришел все-таки, — заметил первый. — Это он от куражу, от дерзости. Утвердиться перед собой хочет, после утрешнего припадка. Ну, и беспокойство, конечно. Понимает, что на подозрении. Или же совсем наоборот...

— Как это «наоборот»? — не понял Александр Григорьевич.

Пристав вздохнул.

— Никого не убивал, ни в чем не виноват. Просто нервный, взбалмошный мальчишка-с. В обморок давеча пал от духоты, по причине нездоровья, а мы тут с вами нагородили турусов на колесах. Сейчас пошупаем.

В прихожей тренькнул колокольчик.

Надворный советник, однако, и не подумал идти отпирать, а преспокойно зажег папиросу и затянулся дымом.

Заметов хотел идти сам, но пристав удержал его.

— Не надо-с. Там незаперто. Митя сам войдет. Я хочу поглядеть, как наш Р.Р.Р. в комнату прошествует, это важно-с. А вы, батенька Александр Григорьевич, вон туда сядьте, к столу. Будто бумагу казенную пишете. Вы мне здесь, после обморока, чрезвычайно нужны. Пишите себе, в разговор не вступайте, а только время от времени на объекта пристально так поглядывайте.

— Вот так? — сощурил глаза Заметов.

Порфирий Петрович пожевал губами.

— Или, знаете что, вы лучше вообще не смотрите. Будто его вовсе не существует. Да, это еще лучше-с.

Было слышно, как открылась дверь с лестницы — Разумихину надоело тянуть шнур звонка.

Послышался залиvistый смех, потом сердитый возглас Дмитрия: «Фу, какая же ты свинья!» — и в комнаты шумно ввалились оба студента: один с совершенно опрокинутой и свирепую физиономией, другой с таким видом, будто изо всех сил сдерживается, чтобы не прыснуть. И не сдержался-таки — фыркнул.

По-медвежьи развернувшись к приятелю, Разумихин махнул кулаком и как раз попал по маленькому круглому столику, на котором стоял допитый стакан чаю. Все полетело и зазвенело.

— Да зачем же стулья-то ломать, господа, казне ведь убыток! — весело процитировал Порфирий Петрович из «Ревизора» и протянул руку знакомиться.

Ему вмиг сделалось ясно, что весь этот спектакль с легкомысленным и непринужденным явлением Раскольникова к лицу, ведущему на него охоту (чего студент после сцены в квартале не мог не понимать), рас-

считан Родионом Романовичем заранее, и поневоле восхитился этакому мастерству.

Выслушав представление гостя и даже сам участвуя в милейшем, приятном разговоре, Порфирий Петрович не спускал с Раскольникова глаз. Узор предстоящей беседы выстраивался сам собою.

Не скрывать, что *всё знаю*, определил надворный советник, а напротив сразу перейти к самому делу. Не к убийствам, потому что тут у меня ничего на него нет, и он это отлично знает, а к главному, к теорийке.

Чрезвычайно понравилось Порфирию Петровичу, что гость совсем не смотрит на хорошо знакомого ему Заметова, который превосходно справлялся с ролью — скрипел себе по бумаге и на студента даже не косился.

— Это сотрудник-с, переписывает один малозначительный документец, — небрежно пояснил пристав, усаживая молодых людей на диван и садясь сам на стул.

— Я этого господина, кажется, где-то видел, — так же небрежно обронил Раскольников. — Впрочем, могу и ошибаться.

— Это ничего-с, даже если и позабыли. Человечек самый *обыкновенный*, не чета вам-с, — доверительно прошептал ему Порфирий Петрович и подмигнул.

Внутри у него всё так и пело — эту часть своего ремесла, психологический поединок с преступником, надворный советник любил более всего. Да и, правду сказать, нечасто такого Раскольникова встретишь.

Намек про *обыкновенного человечка* Родион Романович отлично понял.

Ну-ка, обойдет или ринется? Пристав с любопытством разглядывал своего визави.

Ринулся, да по-бычачьи, рогами вперед.

— Это вы про ту мою статью сыронизировали? — откинулся на спинку Раскольников и сложил руки на груди. — Дмитрий мне сказывал, что вы ее прочли и желали со мною обсудить. Я-то к вам, собственно, не за тем явился. У меня часы в закладе остались, у процентщицы, которую убили третьего дня. Часы дрянь, но об отце память, хочу вернуть. Так вот я к вам по поводу часов... Но ежели угодно поговорить про мою статейку — отчего ж не поговорить. Я читателями не избалован, особенно такими... *заинтересованными.*

Часы Раскольникова

Очень надворному советнику понравилось, как было выговорено это последнее слово, даже поневоле залюбовался Родионом Романовичем. Крепкий орешек, ничего не скажешь. Но то-то и занятно.

С наслаждением выпустив струйку табачного дыма, Порфирий Петрович изготовился произвести следующую, чуть более тонкую атаку на собеседника, но здесь, черт бы его побрал совсем, снова зазвенел дверной колокольчик. Настойчиво, даже требовательно, так что уже через несколько секунд стало ясно — это не просто так, тут какая-то чрезвычайность.

С досадою извинившись, пристав вышел в прихожую, распахнул дверь и увидел на пороге не кого иного как надзирателя третьего квартала Никодима Фомича.

Всегда спокойный, добродушный, капитан был непохож на себя. Седые усы подрагивали, глаза хлопали часто-часто.

— Опять... Ваше... Порфирий Петрович, что ж это такое... — не своим, жалким голосом пролепетал квартальный. — Только сейчас прибежали. На Малой Мещанской... Я по дороге решил к вам...

Порфирий Петрович, разом обессилев, привалился к двери. Ему вообразилось, что он спит и видит кошмарный сон, от которого сейчас непременно пробудится.

— Девуцу Зигель, Дарью Францевну... По голове... В собственной квартире... На Малой Мещанской... Вот только что...

Когда это бывало необходимо, Порфирий Петрович умел брать себя в руки — имелась у него такая счастливая, а для следователя даже и необходимая черта.

Собрался он и теперь, в эту тяжкую для себя минуту.

— Постойте-ка тут, — тихо велел он капитану, а сам выглянул в комнату и, как ни в чем не бывало улыбнувшись, сказал. — Это ничего-с, из конто-

ры пришли... с сообщением. Митя, поди-ка, дружок.

Но когда Разумихин вышел в прихожую, надворный советник улыбку сбросил, схватил родственника за рубаху и яростно прошептал:

— Скажи только одно: ты Раскольников ко мне прямо из дому привел? Вы не разлучались, хоть на сколько?

— Ну да, разлучались, — удивился Дмитрий, поневоле тоже переходя на шепот. — На час целый. Перед твоим домом встретились. А что?

Порфирий Петрович ударил себя кулаком в лоб и зажмурился.

— Прав был Заметов! Надо было его задержать! Это не человек, а дьявол!

Разумихин ужасно удивился:

— Кто дьявол, Родька? Ты в самом деле его, что ли, подозреваешь? А при чем здесь «разлучались — не разлучались»?

— В тот час, что ты с ним разошелся, убили еще одного человека. Ну, теперь игрушки в сторону.

С заблиставшим взором Порфирий Петрович хотел уже идти в комнату, но Дмитрий удержал его за плечо.

— Если и убили, то никак не Родька. Он не один был, сестру провожал.

— Не один? — Из пристава будто невидимая сила изъяла весь скелет, оставила лишь кожу да плоть — так он вдруг съежился и обмяк. — Не один?! Так у него свидетельница есть?

— Еще какая! Не в сообщниках же она ему? Это, брат, такая девушка, что я тебе и объяснить не сумею... Забудь про Раскольникова, дурь это.

— Дурь, дурь... — залепетал несчастный, сраженный двойным ударом пристав.

Мало того, что новое убийство, третье в три дня, так еще и единственная, казавшаяся несомненной версия только что рассыпалась в прах.

|

8. ФРИ-МАСОН

Поздним утром, в двенадцатом часу, Фандорин и Саша ехали в клинику кислые. Поводов было более чем достаточно.

Начать с того, что «негатив» Морозова подло их обманул — не сказал, что рукопись разделена не на два куска, а есть еще и третий.

Далее. Второй фрагмент найден, но отобрать его у вымогателя Лузгаева будет очень и очень непросто.

Ну и, наконец, с началом рукописи тоже вышла полная ерунда.

Когда рано утром позвонила Саша и сообщила, что в окне Рулета по-прежнему не наблюдается признаков жизни, Николас велел ей идти в милицию, к следователю, который ведет дело о разбойном нападении на Филиппа Борисовича. Надо будет сказать, что личность грабителя установлена, и официально заявить о пропаже ценной рукописи, которая является собственностью семьи Морозовых. Пусть найдут и Рулета, и манускрипт, а вопросом о законности владения реликвией придется заняться позже. Иначе наркоман загонит ее какому-нибудь случайному человеку, и пиши пропало.

Саша сходилла, поговорила. Сначала следователь обрадовался, что есть шанс закрыть безнадежное дело. Взял наряд, и Саша отвела милиционеров на квартиру Рулета. Но когда выяснилось, что хозяйка не знает ни места прописки своего жильца, ни фамилии, ни даже имени, капитан сник. И сказал девочке честно, по-отечески: «Никто твоего Рулета искать не будет. Если бы убийство, можно было бы компьютерный портрет составить и в розыск объявить. А тут подумаешь — телесные средней тяжести. Ладно тебе, чего ты такая мстительная. Он же ширяльщик, долбила, все одно сдохнет, как собака, где-нибудь в сортире, с шприцом в руке». В существование рукописи Достоевского милиционер то ли не поверил, то ли ему это было, как выражается Валя, по барабану. На прощание сказал: «Ты на окошко поглядывай. Если появится — звони. Приедем, заберем». Вот и всё следствие.

Раз на милицию надежды нет, Ника откомандировал Валентину в засаду. Теперь ассистентка звонила каждые полчаса и жаловалась на хозяйку. Та пила на кухне водку (от Валиных щедрот) и уже приступила к исполнению народных песен а-капелла.

Итак: первая часть рукописи неизвестно где. Вторая у вымогателя, который требует фантастические деньги. А еще, оказывается, есть третья часть, и про нее тоже ничего неизвестно.

И вот теперь они ехали на новое свидание с омерзительным Филиппом Борисовичем, который наверняка подждал их и ухмылялся. Знал, что снова придут, куда им деваться. И уж потешится на славу, можно не сомневаться.

В рецепции улыбчивая красавица сказала:

— Господин Фандорин? Вас просили зайти к Марку Донатовичу.

Откуда главврач знал, что я снова здесь появлюсь, удивился Николас.

— Хорошо. Зайду.

— Можно я вас в коридоре подожду, перед папиной палатой? — попросила Саша. — Одна не пойду. Боюсь.

Еще бы!

Николас поднялся на второй этаж, заглянул в приемную. На сей раз индийская музыка не звучала, никто не лежал на полу в позе трупа. Секретарша Кариночка порхала по клавишам ловкими пальчиками, на Фандорина едва взглянула.

— Меня хотел видеть Марк Донатович?

— Войдите.

Взгляд миниатюрной брюнетки был пуст и безразличен. Очевидно, вся милота предназначалась исключительно любимому начальнику.

— Как прошли вчерашние состязания? — спросил Ника, попробовав представить, как Карина, в белом кимоно, с черным поясом мастера, наносит молниеносные удары своими стальными ножками.

— Как обычно. Первое место, — по-прежнему бесстрастно ответила она и повторила. — Войдите.

Кремень девица, подумал Фандорин. Что за времена настали. Эпоха немногословных решительных женщин и говорливых рефлекслирующих мужчин. Кажется, Валя сделал правильный выбор.

В кабинете Николаса ожидал сюрприз.

Марка Донатовича там не оказалось, на его месте сидел Аркадий Сергеевич Сивуха и наблюдал, как гениальный подросток Олег играет на компьютере главврача в какую-то стрелялку. В углу на стульчике пристроился охранник Игорь, сосредоточенно читавший журнал «Здоровый мужчина».

— Доктор сделал Олегу укол, через тридцать минут сделает еще один. Вот мы пока тут и сидим, ждем, — сказал спонсор, приподнимаясь и протягивая через стол руку.

— Ему нравится меня мучить, — буркнул паренек, поправив свою безразмерную кепку. — Нарочно выдумывает всякую фигню.

Сивуха мягко сказал:

— Не говори так. Марк Донатович — врач от Бога.

— Все врачи от Бога — садисты. Настоящий врач — это садюга, которому в кайф кромсать тела и души. От этого они себя сами богами чувствуют. Ну, гад, получи! — заорал подросток, выпустив клавишей пробела длинную очередь. — Блин, ушел!

И сразу после этого всплеска детской непосредственности, повернулся к отцу, совсем другим тоном попросил:

— Папа, забери меня отсюда. Ну пожалуйста.

Под глазами у Олега залегли темные страдальческие круги, а взгляд был такой тяжелый и мрачный, что Фандорину вспомнилась вчерашняя реплика про преклонный возраст. Бедный маленький старичок. Чем он все-таки болен? Что с ним здесь делают?

— Мы же договорились. — Аркадий Сергеевич потрепал сына по руке. — Двухнедельный курс. Потерпи. Доктор обещал результат. Как минимум, пушок.

Впрочем, может быть, Сивуха сказал не «пушок», а какое-то другое слово — Олег резко крутанулся на кресле, ударил по клавише, и монитор снова разразился пальбой. Но что слово кончалось на «шок», это точно.

Всё это показалось Николасу очень странным. И разговор, и само их присутствие в кабинете, и то, что секретарша сказала: «Войдите».

Он готов был биться об заклад, что его здесь ждали. Поэтому говорить ничего не стал, а лишь вопросительно посмотрел на спонсора.

— Вы не ошиблись, Николай Александрович. Я в самом деле приехал, чтобы с вами поговорить. — Сивуха показал на кресло. — Садитесь, садитесь. Разговор будет долгим.

— О чем? И откуда вы узнали, что я сюда приеду? — настороженно спросил Фандорин, но сесть сел.

— Подохни, гнида! — пронзительно выкрикнул Олег.

Аркадий Сергеевич закурил трубку, с приятной улыбкой разглядывая собеседника. Вкусно запахло ароматизированным табаком.

— Пришло время открыть карты. Вы, Николай Александрович, человек феноменальной проницательности. В любом случае очень скоро догадались бы обо всем сами и разозлились бы на меня за мои козни. А я хочу, чтобы у нас выстроились хорошие, деловые отношения.

Насчет «феноменальной проницательности» он явно польстил — поразительное заявление застигло Фандорина врасплох. Он перевел взгляд на охранника. Тот как ни в чем не бывало шелестел глянцевыми страницами.

— Теперь я точно знаю: вы ровно тот человек, который мне нужен. Не зря говорят, что вы мастер своего дела.

— Какого дела? — сдвинув брови спросил Ника.

— Вы владеете фирмой «Страна советов», которая помогает клиентам решать всякие сложные вопросы. Так помогите мне, поработайте на меня. Я очень перспективный клиент. Дайте совет, как отыскать третью часть рукописи.

Выражение лица у Николаса, вероятно, было вполне красноречивым — Сивуха весело рассмеялся.

— Удивлены? У вас просто было слишком мало времени, чтобы проанализировать факты. Филипп Борисович лечится в этом храме науки неспроста. Видите ли, настоящий владелец рукописи Достоевского — я. Мы с Морозовым договорились и подписали договор купли-продажи. Я заплатил задаток. И не маленький.

— Как, вы тоже? — пролепетал Ника, не успевая переваривать информацию.

— Что значит «тоже»? Вы имеете в виду Лузгаева? Нет, я заплатил настоящую цену, не то что этот мелкий жулик. Я всё знаю. Не обижайтесь, мы установили в вашей машине микрофон, еще вчера. Должен же я был знать, как вы станете действовать. Начали вы весьма многообещающе: раскрутили Моро-

зова на подсказку (в палате, разумеется, тоже установлена прослушка). Потом совершенно гениально разгадали головоломку. Вы обсуждали это в машине, со своей помощницей, помните? А содержание вашей беседы с Лузгаевым пересказывали Саше по телефону, у меня есть распечаточка. Однако какая тварь этот коллекционер! 50 тысяч фунтов он заплатил, как же! А помните, как он завилял, когда вы упомянули о П.П.П.? Ну, о «перстне Порфирия Петровича»? Потому что впервые услышал! Это кольцо добыл я, за кругленькую сумму, а Лузгаев и его решил заграбастать. Я всё слышал!

Ника только сглотнул. Прослушка? В палате Морозова, в «метроэкэбе»? И Сивуха имеет наглость открыто в этом признаваться?!

Но Аркадий Сергеевич опередил возмущенную тираду, уже готовую сорваться с Никиных уст.

— Извините, но я действовал не только в собственных интересах, а еще и в интересах Саши. Когда я вас вчера с ней увидел, сразу насторожился. Вокруг этой рукописи всякие вороны так и вьются. Я неспроста подошел к вам знакомиться. Немедленно навел справки о Николае Александровиче Фандорине. И когда получил информацию, подумал, что вас подбросила мне сама судьба. Левон Константинович дал вам самую высокую аттестацию, — назвал Сивуха имя одного из бывших клиентов «Страны советов», директора банка. — И еще несколько весьма уважаемых людей.

Слышать это было приятно, и Николас заговорил менее резко, чем намеревался:

— Почему вы не объяснили всё сразу, еще вчера? Зачем было подслушивать?

— Нужно же было удостовериться, по силам ли вам такая сложная задача. Как я только не обрабатывал этого чертова психа Филиппова. Бесполезно. Ни кнутом его не возьмешь, ни пряником. Только глумится — ну, вы сами это испытали.

«Он и мою вчерашнюю историю слышал. *Распечаточку* дали», сообразил Ника и снова разозлился.

— Вы показали блестящий результат, — продолжил Сивуха, словно не замечая, что взгляд Фандорина потемнел. — Лица, у которых находятся две первые части рукописи, установлены. Добыть материал — вопрос техники. Но есть, оказывается, и третья часть. Я предлагаю вам работу. Найдите мне концовку. Безвозвратный аванс — сто тысяч рублей (Левон Константинович предупреждал, что вы патриот и в иностранной валюте гонорар не берете). Если будет позитивный результат, получите еще полмиллиона. Плюс, разумеется, все расходы. Не забывайте и о Саше. Если у меня в руках будет рукопись, она сможет расплатиться с швейцарцами. А лечение Филиппа Борисовича я и так уже оплатил.

Насчет Саши он был прав. И гонорар предлагал хороший, очень хороший. «Стране советов» никогда еще столько не платили, даже за куда более трудоемкие заказы. И потом, Нике самому хотелось узнать, как двигалось дальше расследование Порфирия Петровича и кто совершил те убийства — Раскольников или какой-то иной персонаж, быть может, в окончательный вариант «Преступления» не попавший.

Всё это были соображения «за».

Но имелось и одно «против». Существенное.

Об этом Ника напрямую и заявил:

— Я не уверен, что хочу работать с таким клиентом, как вы. Фокус с подслушиванием мне не по вкусу. Вы, собственно, кто?

Спонсор озадаченно улыбнулся и ответил не сразу.

— Мне говорили, что вы умеете огорошить собеседника простым вопросом, на который хрен ответишь. — Он выпустил клуб дыма. — Кто я? Дать самому себе определение — задачка не из легких. Вы ведь не про имя спрашиваете, оно вам известно. Что я — депутат Государственной Думы, это по значку видно. Кто же я? Ну, бизнесмен, специалист по корпоративным инвестициям, но это временное занятие. Олежка, нахал, обозвал меня самцом, который рвется в вожаки стаи. Категорически не согласен. — Вдруг Аркадий Сергеевич хитро взглянул на Фандорина и, понизив голос, сообщил. — Эх, была не была. Признаюсь начистоту. Я фри-масон, вот кто!

Ника ожидал услышать что угодно, но только не это.

— Член масонской ложи? — удивился он. — А разве они еще существуют? Я думал, это только на Западе...

— Черт их знает, существуют масонские ложи или нет. Я фри-масон не в том смысле. Я по духу фри-масон, по психологии. Я вольный каменщик, понятно?

Нет, Николасу не было понятно.

Но задавать вопросы не пришлось — Сивуха заговорил сам, очень охотно. Видно было, что говорить он умеет. Наверняка из этого непредсказуемого господина получился бы отличный теле-

ведущий или публичный политик. Потягивая трубку, спонсор-бизнесмен-депутат начал свой рассказ.

Про вольного каменщика

Я, Николай Александрович, на исторических фри-масонов чем похож? Тоже ценю только две вещи: свободу и созидание. У меня этот девиз во время предвыборной кампании на всех плакатах и листовках обозначен был. Я всегда мечтал ни от кого не зависеть и что-нибудь строить, создавать. Но при этом вечно зависел от окружающих, и вечно строил не то, что хотелось бы, а всякую чепуху.

Знаете, в детстве, когда у человека формируется характер, самая лучшая закалка, это когда у тебя имеется какой-нибудь гандикап, неважно истинный или воображаемый. Тут или сгибаешься под его тяжестью, или, наоборот, преодолеваешь дефект и потом тебе ничего уже не страшно. Все эти истории хрестоматийны: гугнявый Демосфен, который учится говорить с камешками во рту, чтобы стать великим оратором. Или тот спортсмен с большим позвоночником, который из инвалида сделался главным силачом планеты. Ет цетера, ет цетера. В моем случае гандикап был смехотворен. То есть это сейчас так кажется, а в детстве я думал, что судьба обошлась со мной ужасно несправедливо. Нельзя жить на свете с фамилией «Сивуха»!

Если тебя так зовут, выбор простой: либо настраиваешься жить шутком гороховым, либо делаешь свою дурацкую фамилию, как теперь говорят, брэндом. Чтобы имя «Сивуха» зазвучало гордо, надо было ого-го как постараться. Но, слава Богу, у меня имелись предшественники.

Фамилия «Пушкин» современников тоже потешала, будущее солнце русской поэзии дразнили и Чушкиным, и Хрюшкиным. А Толстой Лев — разве не смешно? Я читал, что товарищи по полку прозвали его Тошим Тигром. Или фирму «Dunhill» взять, которая вот эту курительную трубку изготовила. Звучит супераристократично, и никто уж не помнит, что фамилия эта произошла от Dunghill, «навозная куча».

Я, Николай Александрович, в нежном возрасте был пацаненок мечтательный и скрытный. Когда впервые про вольных каменщиков прочел, видение у меня было. Отчетливая такая картинка. Будто стою я на верхушке высокой стены какого-то недостроенного здания, с мастерком в руке. Внизу огромный город, ветер развеивает мне волосы, и никого вокруг, а я кладу кирпичи, и напеваю песню про монтажников-высотников. Смешно? С тех пор прошло сорок или сколько там лет, а ничего не изменилось. Я высоко на стене, один, с мастерком в руке. Только волосы не развеиваются.

Аркадий Сергеевич похлопал себя по то ли гладко выбритой, то ли лысой голове и рассмеялся. Во

время своего монолога он все время смотрел собеседнику в глаза, и Ника просто физически чувствовал: шаманит депутат, забалтывает, как девушку. Вечная уловка записных говорунов — обволокут задушевной интонацией, упакуют в паутину слов. Что ж, пускай обволакивает. Клиента лучше всего узнаешь, когда даешь ему поговорить о себе любимом.

Про Некую Силу

Но я всегда знал: прежде чем заработаешь звание вольного мастера, придется долго маяться в подмастерьях. А это что значит? Жить по уставу и правилам цеха. Я всегда так и жил, ждал своего часа.

Все вступали в КПСС — и я вступил. Все вышли из КПСС — и я вышел. Все кинулись торговать компьютерами — я тут как тут. Все переключились на нефтяную трубу и инвестиционные портфели — Сивуха один из первых. Все бандиты — я бандит. Все перестали быть бандитами — я сама законопослушность. Все депутаты — я депутат. И, обратите внимание, всё время от правящей партии, как бы ни менялось ее название.

И всё у меня всегда получалось лучше, чем у других таких же. Потому что для них деньги или там мандат этот паршивый — цель жизни, а для меня средство. Они кто? Жуки навозные, а я вольный каменщик. Вот выбьюсь в мастера — такого понастрою, весь мир ахнет. Потому и охраняет меня судьба, не дает в обиду.

Это я к самому главному подошел. Мало с кем про это говорил, а вам скажу.

С некоторых пор я начал подозревать, что всё в моей жизни не просто так. Что есть у меня какая-то особенная миссия, которую я обязательно должен исполнить. И всякому, кто окажется на моем пути, не поздоровится. Вы на меня не смотрите, как на психа. Я не чокнутый. Просто существует некая Сила, и она на моей стороне. Это не бред — факты.

— Вы про Господа Бога, что ли? — перебил Ника, подумав: ну что за времена такие, всякий шустрила непременно воображает себя избранником Провидения.

Сивуха нахмурился.

— Не знаю. Не моего ума дела. Я вам сейчас несколько фактиков приведу, а вы уж сами делайте выводы.

Депутат оглянулся на сына, но тот не слушал — расстреливал на экране каких-то инопланетных страшилищ, яростно приговаривая: «Йессс! Йессс!». Охранник Игорь чиркал в журнале карандашом — должно быть, разгадывал кроссворд.

Про Некую Силу (продолжение)

Для начала вот вам история, которая приключилась десять лет назад, в самый разгар бандитской эпохи. Был и у меня свой бандит, звали его Шикой. «Специалист по решению вопросов» — так это называлось. Я платил Шике

процент от прибылей, ну, а он ... решал вопросы. Не буду рассказывать, какие именно, чтобы не отвлекаться. Нет, в самом деле, пропускаю детали исключительно ради экономии времени, мне бояться нечего. Не то чтобы я был кристально чист перед законом (среди нас, золотоискателей 90-х, чистых нет) — просто я же из правящей партии, никто в моем прошлом копать не станет. Всякое, конечно, бывало, но мои давние шалости гораздо менее интересны, чем то, что я вам сейчас расскажу.

В общем, произошел у меня с Шикой конфликт на почве взаимонепонимания. Я полагал, что он на меня работает и получает гонорар за услуги, а он, оказывается, воображал, будто это я на него работаю и плачу ему дань. На этой почве и повздорили. И Шика прямо у меня в доме, за обеденным столом, стал угрожать. Плюнул в бокал с вином, вылил на скатерть. Он обожал эффекты и выражался витиевато. Я, говорит, тебя уничтожу, в ноль выведу. Исчезнешь без следа, будто тебя и не было. Жди. И вышел, хлопнув дверью.

Признаться, я здорово перетрусил — репутация у моего «бизнес-партнера» и его команды была серьезная. Немедленно отправил Олежку с Игорем на дачу к институтскому товарищу, с которым двадцать лет не общался. Сам дунул в Шереметьево — и в Чехию. Оттуда, чтоб замести следы, на машине в Венецию, арендовал яхту, уплыл на греческие острова.

Звоню Игорю с Родоса. Как, мол, дела. А Игорь: возвращайтесь, всё нормально.

Пропал Шика. Бесследно. Сам в ноль вывелся. Куда исчез, почему — до сих пор загадка. А команда Шикина разбрелась кто куда.

Ну я, как говорится, перекрестился, подумал, повезло. Стал дальше жить. Ни о какой Силе тогда еще не думал.

Но только случаи вроде этого стали повторяться. И тут уж надо было совсем глухим идиотом быть, чтоб не задуматься.

Например, такой сюжет. В 98-м это было, во время дефолта. Я как раз перед 17 августа операцию по конвертации провел. Крупную сумму в рублях на доллары поменял, по курсу 1 к 6. А тут бац — и уже по 1 к 18 не поменяешь. Партнер, который у меня рубли взял, ужасно обиделся. А человек был непростой, замминистра. Тогда большие чиновники за просто совмещали госслужбу с бизнесом, то есть наоборот: бизнес с госслужбой. Сейчас, конечно, тоже, но все-таки не так внаглую. И стал замминистра требовать свои доллары обратно. Я не отдаю — с какой радости? Начал он меня гнобить, не по-детски: налоговые проверки, «маски-шоу» — это когда ОМОН в офис врывается, сотрудников кладет лицом на пол и переворачивает всё вверх дном. Ну и всякие прочие удовольствия. До того, сволочь, дошел — уголовное дело инициировал по одному эпизоду, к которому, кстати, сам имел непосредственное отношение. Я звоню ему, говорю: что ж ты, гад, делаешь? Ведь ты в Бога веришь, по святым местам таскаешься, покарает тебя Господь за такой беспре-

дел. Бабки верни, говорит, тогда дело закроют. У меня в ту пору мандата депутатского не было. Прямо с очередного допроса надели наручники, и в Матросскую Тишину. Три дня отсидел — вдруг выпускают. Оказывается, врага моего Бог покарал. Самым недвусмысленным образом. Замминистра этот в самом деле ужасно богомольный был. Днем взяток нахапает, назлоупотребляется служебным положением по самое никуда, а вечером молится, коленки перед распятием протирает. Распятие у него было особенное, с Урала привезли в качестве ценного подарка: малахитовое, а Спаситель вырезан из яшмы. Килограммов двадцать, а то и тридцать весило. И вот, через два дня после моего ареста, пока он молился, оно с верхнего крюка каким-то чудом соскочило, да концом ему прямо по темечку. И наповал. Ничего?

Это я вам самые эффектные случаи рассказываю, а были и другие. Не раз и не два спасал меня мой фри-масонский бог. Только появится серьезный враг, начнет создавать проблемы — тут ему и конец. Некоторые вроде Шики просто исчезли, и всё. Стопроцентная мистика. С другими выходило еще того интересней.

Последний раз чудо случилось совсем недавно, в мае. Во время довыборов по моему одномандатному округу. Может, вспомните — в газетах писали. Соперник опасный у меня только один был. По всем расчетам должен был продуть ему процентов пять-десять.

Девятого, в День победы, плавал он на яхте по Истринскому водохранилищу. Заметьте, один. И вдруг яхта вспыхнула огнем, ни с того ни с сего. Хорошая была яхта, винтажная, из старого английского дерева. Сначала загорелся парус, потом рубка. Мой соперник едва успел в воду сигануть. Утонуть не утонул, в нагруднике был, но ведь начало мая, вода восемь градусов. Пока его выловили, минут тридцать прошло. Застудил себе все к чертовой матери, не до выборов стало. До сих пор в инвалидной коляске передвигается, весь скрюченный. А я уж и не шибко удивился. Знал: выручит меня фри-масонская Сила. Не путайся под ногами у вольного каменщика.

Ну как вам мой рассказ?

— Чувствуется, что не в первый раз исполняете, — не без сарказма ответил Фандорин, пока еще не решив, как отнестись к странной истории.

Понятно было, что Сивуха интересничает. Но что тут правда, а что фантазии? Кстати говоря, про кандидата, едва не утонувшего во время катания на яхте, в новостях, действительно, что-то было. Во всяком случае, на сумасшедшего Аркадий Сергеевич никак не походил.

Депутат рассмеялся.

— Неужели мне не удалось вас заинтриговать?

— Удалось, — признал Николас. — История занятная, и про вольного каменщика красиво излагаете. Однако прежде чем я соглашусь с вами работать, объясните, зачем вам рукопись Достоевского? Почему вы готовы потратить на этот поиск столько времени, сил и денег? Неужели ва-

ши инвестиционные портфели приносят мало барышей?

— Ну, во-первых, на перепродаже рукописи можно неплохо заработать, а денег, как известно, много не бывает. Упускать шанс получить верную прибыль или, как теперь говорят, *наварить бабuleк*, для бизнесмена — тяжкий грех. Но когда ко мне обратился Морозов, я подумал не о деньгах. Понимаете, для меня это шанс вырваться из толпы нуворишей, имя которым легион, и, наконец, стать Личностью, то есть обрести настоящую свободу. Миллионы можно потерять, эту цацку, — он небрежно показал на депутатский значок, — тем более. Но если ты — Личность, ты практически непотопляем. Всякий скоробогатей, достигнув определенного уровня, ищет себе палочку-выручалочку, которая выделит его из массы и делает особенным. Кто футбольный клуб покупает, кто яйца Фаберже, кто картины Малевича. А Достоевский — инвестиция понадежней. Аркадий Сивуха возвращает отечеству и мировой культуре неизвестное произведение классика. Это же мировая сенсация! Смешное имя «Сивуха» будет накрепко привязано к великому имени «Достоевский». Я превращусь в *того самого Сивуху, который*. Понимаете? Мне очень нужно добыть эту рукопись. Я ее законный владелец. Прежде чем Морозов надумал обратиться ко мне, он побывал у коллекционера автографов и, как выясняется, еще у кого-то, оставил им по куску текста. Но в конце концов выбрал меня. Потому что Сивуха умеет найти правильный подход. Ведь наш доктор филологии в денежных делах был лопух лопухом. Любая сумма больше тысячи долларов ему казалась фантастической, он в нулях плохо разбирался. Я

сразу понял: такого надо брать на конкретику. П.П.П., колечко это, я недавно у одного коллекционера прикупил. Не факт, что перстень тот самый, который правоведа собирались писателю преподнести — не успел я экспертизу сделать. Но тоже четыре карата, и гравировка совпадает. Я, знаете ли, давно интересуюсь всем, что связано с Федором Михайловичем. Хобби такое. На кольцо-то Морозов и клюнул. Как увидел — ручонки затряслись, и я сразу понял: дело в шляпе. Подписал со мной договор, по всей форме. Вот, можете удостовериться.

Фандорин посмотрел. Удостоверился.

Договор между Ф.Б.Морозовым (далее именуемым «Продавец») и А.С.Сивухой (далее именуемым «Покупатель») был составлен честь по чести. Рукопись Ф.М.Достоевского с подтверждающей документацией (далее именуемая «Материалы») передавалась покупателю за вознаграждение, состоящее из двух частей. Первая: антикварный золотой перстень с бриллиантом 3,95 карата, имеющий культурно-историческую ценность. Вторая: деньги — 100000 евро, из которых 30% выплачивались сразу по подписании, а остальное по передаче материалов в комплекте.

— Как видите, подписан четыре дня назад, то есть за сутки до того, как произошел форс-мажор в виде черепно-мозговой травмы, — со вздохом сказал вольный каменщик.

Вопрос у Фандорина возник только один:

— А что такое «подтверждающая документация»?

— Сейчас покажу. Но сначала небольшое вступление. Про Стелловского вы, конечно, знаете. Это

издатель, который воспользовался тяжелым положением Федора Михайловича и впарил ему кабальный договор, — тоном заправского лектора сказал депутат.

Даже называет Достоевского по имени-отчеству, как вся достоевсковедческая братия, отметил Ника.

— Про этого деятеля Федор Михайлович позднее писал: «Стелловский беспокоит меня до мучения, даже вижу во сне», — продолжил Сивуха, доставая из портфеля какие-то бумажки. — Вот ксерокопия письма, в котором Федор Михайлович сам описывает эту историю. Прочтите — с того места, где отчеркнуто красным фломастером.

Ника взял лист, исписанный знакомым ровным почерком.

«Стелловскій купилъ у меня сочиненія лѣтомъ 65 года слѣдующимъ образомъ: я былъ въ обстоятельствеяхъ ужасныхъ. По смерти брата въ 64 году я взялъ многіе изъ его долговъ на себя и 10,000 руб. собственныхъ денегъ (доставшихся мнѣ отъ тетки) употребилъ на продолженіе изданія «Эпохи», братняго журнала, въ пользу его семейства, не имѣя въ этомъ журналѣ ни малѣйшей доли и даже не имѣя права поставить на оберткѣ мое имя какъ редактора. Но журналъ лопнулъ, пришлось оставить. Затѣмъ я продолжалъ платить долги брата и журнальное чѣмъ могъ. Много я надавалъ векселей, между прочимъ (сейчасъ послѣ смерти брата) одному Демису. Этотъ Демисъ пришелъ ко мнѣ и умолялъ переписать векселя брата на мое имя (Демисъ доставлялъ брату бумагу) и давалъ честное слово, что онъ будетъ ждать сколько угодно. Я переписалъ.

Лѣтомъ 65 года меня начинаютъ преслѣдовать по вексялямъ Демиса и еще какимъ-то (не помню). Съ другой стороны служащій въ типографіи (тогда у Праца) Гавриловъ предъявилъ тоже свой вексель въ 1000 руб., который я ему выдалъ, нуждаясь въ деньгахъ по продолженію чужаго журнала. И вотъ хоть и не могу доказать юридически, но знаю навѣрно, что вся эта продѣлка внезапнаго требованія денегъ (особенно по вексялямъ Демиса) возбуждена была Стелловскимъ: онъ и Гаврилова тоже направилъ тогда. И вотъ въ то же самое время онъ вдругъ присылаетъ съ предложеніемъ: не продамъ-ли я ему сочиненія за три тысячи, съ написаніемъ особаго романа и проч. и проч., — то есть на самыхъ унижительныхъ и невозможныхъ условіяхъ. Подождать бы такъ я бы взялъ съ книгопродавцевъ за право изданія по крайней мѣрѣ вдвое, а еслибъ подождать годъ, то конечно втрое, ибо черезъ годъ одно «Преступленіе и Наказаніе» продано было вторымъ изданіемъ за 7000 долгу (все по журналу, Базунову, Працу и одному бумажному поставщику). Такимъ образомъ я на братнинъ журналъ и на его долги истратилъ 22 или 24 тысячи, т. е. уплатилъ своими силами и теперь еще на мнѣ долгу тысячъ до пяти.

Стелловскій далъ мнѣ тогда 10 или 12 дней сроку думать. Это же былъ срокъ описи и ареста по долгамъ. Забудьте, что Демисовы векселя предъявилъ нѣкто надворный совѣтникъ Бочаровъ (когда-то самъ пописывалъ, переводилъ Гёте; нынѣ же кажется мировымъ судьей на Васильевскомъ островѣ). Въ эти десять дней я толкался вездѣ чтобъ достать денегъ для уплаты векселей, чтобъ избавиться продавать сочиненія Стелловскому на такихъ ужасныхъ условіяхъ. Былъ и у Бо-

чарова разъ 8 и никогда не заставлялъ его дома. Наконецъ узналъ, что Бочаровъ — другъ Стелловскаго давнишній, ходитъ по его дѣламъ и проч. и проч. Тогда я согласился и мы написали этотъ контрактъ. Я расплатился съ Демисомъ, съ Гавриловымъ и съ другими и съ оставшимися 35 полуимперіалами потѣхалъ за границу».

Николаас вернул листок.

— Да, фрукт этот Стелловский.

— Деловой человек, родственная душа, — пожал плечами Аркадий Сергеевич. — Тоже был не дурак бабулек наварить. Раньше, до Морозова, фигурой Стелловскаго никто из литературоведов всерьез не занимался. А наш будущий маньяк поставил на эту карту всё. Он много лет разыскивал личный архив проклятого потомками издателя и в конце концов отыскал. Там, среди большого количества малоинтересных финансовых и юридических бумажек (Стелловский был известный сутяга и постоянно с кем-то судился), Морозов обнаружил то, о чем мечтал: папку переписки с Достоевским. В том числе несколько совершенно сенсационных документов. — Депутат передал Фандорину тоненькую файловую папку. — В частности, черновик очень важнаго письма самого Стелловскаго — тогда ксероксов и копирки еще не было, и черновики всегда сохранялись. Потом один любопытный финансовый документец. Плюс собственноручное письмо Федора Михайловича с комментариями Стелловскаго. Вы посидите, полистайте. А мы с Олегом пока доктора поищем. Он, как обычно, где-то застрял, а нам пора второй укол делать. — Депутат похлопал сына по плечу. — Олечек, кончай игру.

Как Сивуха, его сын и телохранитель вышли, Ника не заметил. Он весь углубился в чтение.

В первом файле лежало письмо Стелловского с пометкой красным карандашом «Отправлено 11 августа». Почерк у издателя был скверный, но к оригиналу для удобства прилагалась *распечаточка* (ну разумеется — не напрягать же депутату зрение): безо всяких неудобочитаемых ижиц и ятей, без помарок, крупным кеглем.

Wiesbaden, Hôtel «Victoria»,
à M. Theodore Dostoiewsky.

Милостивый государь Федор Михайлович!

Получил Ваше письмо и, признаться, остался весьма им недоволен. Денег хотите, а писать, о чем прошу, не желаете. Нехорошо. У меня, знаете ли, кредитные билеты на деревьях не растут. Говорил Вам в Петербурге и повторю ныне безо всяких экивоков. Мне идея повести про пьяненьких и убогеньких, коею Вы пытаетесь меня завлечь, нимало не привлекательна. Я Вам семь тысяч не за то посулил, а за уголовный роман в духе Габорио или Эдгара Поэ. Вот чего жаждет публика, а не униженных с оскорбленными. Ах, батюшка Федор Михайлович, описали бы Вы преступление страшное, таинственное, с кровопролитием, да чтоб не одно убийство, а несколько, это уж непременно. С Вашим-то талантом! Чтоб у читателей, а пуще того у читательниц мороз по коже!

Вы жалуетесь, что Вам трудно и скучно выдумывать уголовные сюжеты. И не нужно выдумывать! Жизнь — наилучший сюжетодатель. Не далее как давеча, в «Московских губернских ведомостях» прочитал отчет

о судебном процессе одного тамошнего приказчика, купеческого сына Герасима Чистова. Сей молодой человек 27 лет, раскольник по вероисповеданию, в январе сего года предумышленно умертвил двух старух, кухарку и прачку, с целью ограбления их хозяйки, мещанки Дубровиной. Преступление свершилось между 7 и 9 часами вечера. Убитые были найдены сыном Дубровиной, в разных комнатах, в лужах крови. Повсюду валялись вещи, вынутые из окованного железом сундука. Злоумышленник похитил деньги, серебряные и золотые предметы. Старухи умерщвлены порознь, в разных комнатах и без сопротивления с их стороны. На каждой множество ран, нанесенных, по-видимому, топором. Кстати говоря, именно топор, чрезвычайно острый и насаженный на короткую ручку, служит главной уликой против обвиняемого приказчика.

Чем Вам не канва уголовного романа? Только мой совет. Вы лучше не приказчика душегубом сделайте, а человека образованного, из общества. К примеру, студента, потому что сами знаете, какие теперь студенты пошли. Впрочем, на студенте я нисколько не настаиваю, это уж целиком на Ваше усмотрение, опять же прогрессивная публика может намек против современной молодежи усмотреть и обидеться, а к чему же нам с Вами прогрессивную публику обижать, когда она больше всего книжки покупает? Так что с преступником сами решайте, лишь бы только он до самого конца читателю неизвестен оставался. Запомните — это наиглавнейший закон в уголовном романе. Да, и еще озаботьтесь, чтобы в центре повествования оказался не преступник, а расследователь, поборник закона, этаким красивым, романтичным брюнетом с голубыми глазами, каких читательницы любят. Но только дилетанта вро-

де поэвского Дюпена за образец не берите. У нас, слава Богу, не Франция и не Америка, злодейства расследуются не частными лицами, а служителями закона. Да и цензоры не одобряют. Пускай Ваш герой будет человек основательный. Скажем, следственный пристав или квартальный надзиратель. Оно, конечно, звучит неромантично, но ежели у Вас не получится совместить романтичность с государственной службой, то Бог с ней, с романтичностью, лишь бы герой был человек облеченный, твердого общественного положения.

А пуще всего умоляю Вас избегать всегдашней Вашей тяжеловесности. Полегче пишите, повеселее, и фразы этакие Ваши, на целый абзац, не закатывайте. Публика не за то деньги платит, чтоб ей настроение портили и голову отягощали. Страданий и «несчастненьких» помене. Я Вам, драгоценный Федор Михайлович, семь тысяч не за страдательное чтение сулю. Подумайте только, семь тысяч! Столько Вам ни Корш, ни тем более Краевский не заплатят.

Сочувствуя затруднительному Вашему положению, высылаю с сим 175 талеров, однако же отнюдь не в долг, ибо деньгами никого и никогда не ссужаю из принципиальных соображений, а в качестве аванса за новую повесть. Ежели писать отказываетесь — прошу вернуть деньги с той же почтою. А коли примете — извольте расписаться в прилагаемой расписочке и отослать ее мне.

Покорный слуга Ваш
Федор Стелловский

Читая письмо, Николас, с одной стороны, негодовал на прохиндея-издателя, который смеет поучать самого Достоевского, как и что ему писать.

А с другой стороны, испытывал радостное волнение. Это было уже не косвенное подтверждение подлинности манускрипта, а самое что ни на есть прямое. Был, был заказ на детективную повесть — и именно такую, какая попала в руки к Морозову! Это не реконструкция и не умозаключения эксперта, а железный факт.

Фандорин сунул распечатку обратно в файл, перелистнул. Следующая пластиковая страничка была пуста — наверное, прилипла к верхней, а секретарь, готовивший для Сивухи материалы, этого не заметил. Неважно.

Зато в третьем файле имелось еще одно доказательство: собственноручная расписка Достоевского в том, что он получил от г-на Ф.Т. Стелловского задаток за новую повесть в сумме 175 талеров. Ах, хитрец Стелловский! «Ежели писать отказываетесь — прошу вернуть деньги с той же почтою». Будто не знал, что Федор Михайлович в его ситуации ни за что не сможет отказаться от денег. Задешево посадил на крючок автора, ничего не скажешь.

Последним документом в папке было письмо Достоевского. Небольшой листок смят и даже надорван, будто его нарочно комкали. На полях — снова красный карандаш Стелловского, да и в тексте некоторые строчки подчеркнуты. В отдельный файл вложен надписанный конверт с адресом («Г-ну Ф.Т.Стелловскому, Садовая улица, дом Шпигеля супротив Юсупова сада») и штампом санкт-петербургской городской почты (31 октября 1865 г.).

Чтобы лишний раз не трепать и без того ветхую реликвию, Николас оригинал письма доставать не стал, вынул приложенную распечатку.

Милостивый государь Федор Тимофеевич!

Не велите казнить, велите слово молвить. Не дам я Вам обещанной уголовной повести, ибо ее больше нет, да и Бог с нею совсем. Я честно, хоть и прокляная все на свете, писал ее в Висбадене, в тягчайшие дни моей жизни, иной раз без свечей, пользуясь единственно слабым отсветом уличного фонаря. Дописывал и здесь, в Петербурге. Сочинение уже почти было dokonчено, оставалось не более странички¹, но тут вышла оказия, при нынешних моих обстоятельствах, увы, слишкомжданная. Явился квартальный по иску трекаятого стряпчего Бочарова, коего под именем Чебарова я с большим наслаждением предал в своей повести лютейшей смерти. С полицейским был и судебный исполнитель, долженствовавший описать мое движимое и недвижимое имущество. Ни первым, тем паче вторым не обладаю, да и вся обстановка хозяйская, посему за неимением лучшего судейский забрал бумаги, что лежали у меня на столе, безо всякого разбора. В том числе унесли в квартал и повесть Вашу. Я, конечно, бранился и протестовал, но в глубине души рад.

Дрянъ было сочинение. Пускай оно сгинет навек в полицейском чулане. Даже пытаться не буду ее вернуть, не просите. Бог и даже черт с нею, с уголовной повестью, гори она огнем. Вот именно, буду считать, что она сгорела, улетела дымом в трубу. А чтобы Вы на меня не гневались и не расстраивались, я Вас теперь же обрадую. Решил я написать роман с теми же героями, да не пустяк, а настоящую вещь, с характе-

¹ Пометка красным карандашом: «Врет, скотина, и все время врал! Ничего не написал!»

рами, с глубокими чувствами и, главное, с *идеей*. Давно уже подступался к роману этому то с одной стороны, то с другой, да всё не складывалось. Стучался ко мне роман, стучался, а я по неспособности своей не мог догадаться, как ему дверь открыть. И вдруг — получилось, открылась дверь, и голос зазвучал, так что только поспевай записывать. Я уж и начало набросал, а тут квартальный надзиратель. Если чего и жалко, то лишь этого зачина, написанного прямо на последнем листе Вашей повестушки. Ну да ничего, я каждое слово запомнил и уже на чистую бумагу перенес.

С поденщиной покончено, благодарение Господу и квартальному надзирателю. Ежели пожелаете, свой новый роман о тяжком преступлении и суровом наказании передам Вам с зачетом присланных 175 талеров. А коли не захотите, я Вам задаток тотчас верну. У меня скоро деньги будут, через три дни должен получить от г. Краевского¹.

Не сердитесь,
С повинною головою
Ф. Достоевский.

Этот последний документ Фандорин дочитывал, когда Аркадий Сергеевич уже вернулся в кабинет. Встал за креслом, подглядывал через плечо.

— Ознакомились? Итак, господин Стелловский, сам будучи изрядным жуликом, решил, что Федор Михайлович ему наврал: талеры проиграл на рулетке, а уголовную повесть писать и не по-

¹ Красный карандаш: «Подлец!»

думал. Но Морозов, профессиональный исследователь биографии Достоевского, отлично знал, что такое вранье не в привычках Федора Михайловича. Наткнувшись в архиве Стелловского на эту переписку, Морозов весь затрясся. У него появилась Великая Цель: найти изъятую полицией повесть. Вдруг она лежит себе где-нибудь в запаснике, несмотря на все революции и блокады? Совершенно очевидно, что «уголовную повесть» никто не обнаружил, иначе о ней бы знали. Где искать, Филипп Борисович, в общем, себе представлял. Все бумаги полиции поступили на хранение в городской исторический архив Петрограда. Он благополучно существует до сих пор. Что же сделал наш Морозов? Уволился из своего НИИ и перевелся на работу в Питер. Зарплата, как вы понимаете, копеечная, плюс надо было комнатенку снимать, да на выходные в Москву ездить. Распродал всё что можно, потратил все сбережения, с женой чуть не до развода дошло, но Филиппа Борисовича всё это остановить уже не могло — закусил удила.

В этом месте рассказа Николас кивнул — ему был очень хорошо знаком азарт историка, учувшего безошибочный аромат открытия. А тут открытие не рядовое — неизвестная повесть самого Достоевского!

Аркадий Сергеевич продолжил:

— Когда удавалось выкроить время, Морозов рылся в неразобранных фондах петроградского градоначальства, так называемой «россыпи», которой никто никогда не занимался. Руки не доходили, да и мало там интересного для исследователей,

один канцелярский мусор. Датировку Филипп Борисович знал — октябрь 1865 года. Осенью 1915 года, за истечением установленного срока хранения, эту документацию должны были сжечь, но он надеялся на военную неразбериху. Многих сотрудников архива наверняка мобилизовали воевать с германцами, вряд ли у начальства была возможность скрупулезно соблюдать должностные инструкции. И что вы думаете?

Здесь, перед кульминацией рассказа, Сивуха в соответствии с законами драматургии сделал эффектную паузу — медленно, со вкусом раскурил свой «данхил».

— Нашел! Драную картонную коробку с наклейкой «СПИСАННОЕ. Архивы быв. 3 кв. Казан. части. 1865 г.». Федор Михайлович тогда проживал в Столярном переулке, по третьему кварталу Казанской части города. Представляете? Пролежала коробочка сто сорок лет в целости и сохранности. Не спалили ее в буржуйках, не отправили на свалку. С самого 1865 года никто туда ни разу не заглядывал. И там, среди прочего, обнаружил Морозов канцелярскую папку с заголовком: «Бумаги, описанные и изъятые у отставного подпоручика Ф.М. Достоевского».

Депутат негромко рассмеялся, покачивая головой.

— Можете себе представить, что было с доктором филологии. Когда сбывается мечта всей жизни, у любого крыша поедет. Филипп Борисович так мне и сказал. «Я, говорит, как открыл папку, как увидел рукопись, будто в уме тронулся. Прямо там, в хранилище, чихая от пыли. Даже в обморок

упал. Очнулся только за проходной, когда уже милицейский пост миновал. Иду, дрожу весь, а под пиджаком рукопись спрятана». Прочие бумаги он, правда, не взял. Посовестился. Пусть остаются будущим исследователям. Даже нарочно папку на видное место положил.

— Значит, рукопись украдена из госхранилища, — констатировал Фандорин. — И вы хотите, чтобы я стал соучастником кражи...

Сивуха так и зашелся от хохота — не дал договорить.

— Ой, насмешили! Да у нас в государстве всё краденое. Нефть, газ, никель, заводы, комбинаты. Кто был к чему-нибудь хлебному приставлен, тот и стал приватизатором. С какой стати главными богатствами страны владеют бывшие партработники, комсомольцы, гебешники и просто ловчилы? Ни с какой. Просто решили, что отныне будет так, и дело с концом. Между прочим, правильно решили. Лучше самозванный хозяин, чем вовсе никакого. Вот и Морозов приватизировал то, к чему был приставлен.

— Но это противозаконно!

— А законно было отбирать имущество у дворян и капиталистов в семнадцатом году? Но дворян с капиталистами тоже жалеть нечего. Тем, что у них отобрали, они тоже не по справедливости владели. Справедливости, дорогой Николай Александрович, на свете не существует. Разве что на небесах, у Ангелов божьих. Это во-первых. А во-вторых, откуда нам с вами знать, правду ли рассказал Филипп Борисович. У него и до черепно-мозговой с психикой не всё окей было. Штампов-то архив-

ных на рукописи нет. Может, Морозов ее в дедушкином сундуке нашел. Тогда, по закону, это его собственность. Я могу вам ручаться за одно: мне рукопись досталась честно и юридически чисто. Договор вы видели. Аванс я заплатил: П.П.П. плюс тридцать процентов. Половину денежного аванса наличными, половину старым «мерседесом», согласно просьбе продавца. Не пустяк.

— А на международном аукционе рукопись потянет миллиона два, а то и три. Я узнавал.

— Ну и что? За морем телушка полушка, да рубль перевоз. С перевозом, кстати, тоже будут проблемы, если дойдет до аукциона. Но это уж, как говорится, не ваши заморочки. Вы мне конец текста найдите. Окажу любую поддержку. Микрофон в вашем автомобиле пускай пока побудет. Ну, не пойте в машине дурным голосом и не выясняйте отношений с вашей красоткой-секретаршей. Зато если какое осложнение, мой Игорь сразу в курсе. Он тут при Олеге дежурит, ему скучно. Аппаратура у него с собой, в палате. Пусть сидит, слушает. В случае чего придет на помощь. Вы не смотрите, что он метр с кепкой и собой невидный. Игорь — человек больших талантов. Я вам сейчас про него расскажу. Чтоб вы прониклись.

И спонсор сразу, без малейшего перехода, начал новую историю.

Николас слушал молча, не перебивал. Личность рассказчика интересовала его, пожалуй, больше, чем предмет рассказа. Хотя и история тоже была вполне неординарная.

— Сколько же это лет прошло... Одиннадцать, двенадцать? Нет, больше. Это в 93-м было, вес-

ной. Я тогда жил на бывшей госдаче, в Барвихе. Олежка был еще ребенок, — сообщил Сивуха, как будто это требовало особого пояснения. — Ему требовался свежий воздух, мне — хорошая охрана. Проблемы у меня тогда возникли, очень серьезные. Причем сразу с двумя конкурентами, тоже очень серьезными. Короче, два заказа на мне висело. Просыпался утром — не был уверен, что доживу до вечера. Сидел на этой долбаной даче, как в осаде. Но знал: достанут. Вопрос времени. Спасти меня могло только чудо Божье. Вот оно и произошло.

Аркадий Сергеевич посмотрел на Нику, увидел, что зачин удался, и удовлетворенно запыхтел трубкой.

Про Чудо Божье

Стало быть, чудесный весенний день. Мы с Олежкой вдвоем — не считая охраны. Сидим на третьем этаже, в мониторинной, развлекаемся. Там центральный пульт, только-только экраны установили, тридцать штук. Сидим, ждем наугад: на одном экране вид бассейна, на другом южная стена, на третьем мой кабинет, к четвертому спутник подключен, мультики показывают.

Олежек и тогда уже редко смеялся, а тут развеселился, хохочет. Ну и я доволен. Вдруг включаю обзор ворот, вижу — стоит джип с темными стеклами. Что за ерунда? Если приехал кто, охрана должна доложить. Переключаюсь на КПП. Там со старшим по смене какой-

Мониторная

то мужик в кожаной куртке разговаривает, небольшого росточка. Удостоверением в нос тычет. Делаю звук погромче, слышу, мой говорит: «...Мало ли что ФСБ, тем более должен хозяину доложить».

Тот, спокойно так: «Я сказал: вызвал сюда всех охранников, быстро».

Мой ему: «Не положено по инструкции. Сейчас с хозяином свяжусь. А он в ФСБ позвонит. Проверит».

Молодец, думаю. Не зря бабки плачу. И хочу уже правда звонить, проверить, что за хрень такая, зачем человека прислали.

Вдруг этот, в кожанке, говорит: «Чего звонить-то? Ксива липовая. У меня на твоего хозяина заказ. Конец ему. Зови всех сюда, если жить охота».

В тот момент я не сильно испугался. Даже обрадовался. Какой, думаю, я башковитый мужик, что догадался повсюду видеонаблюдение сделать.

Хватаю телефонную трубку — молчит. Другую, третью — то же самое. Отключили! А мобильной связи тогда еще не было.

Спокойно, говорю себе. Он один, а у меня пятеро охранников, ребята бывалые.

И старший, вижу, ведет себя по-умному. Не паникует, не истерит.

«Хорошо, говорит, сейчас всех вызову». И вызывает. А сам (мне по монитору видно) потихоньку ящик выдвинул, там у него оружие.

Мы с Олежкой смотрим, дыхание затаили — прямо гангстерский боевик. Сердце у меня, конечно, колотится, но не так чтобы очень. Сейчас, думаю, мои афганцы лоха этого в залом возьмут. Потолкуем с ним, выясним, кто заказ дал — Богданчик или Бесо Гагринский (так моих врагов звали).

Приходят четверо охранников, все при оружии.

Мужичок в кожанке им говорит: «Пацаны, я пришел хозяина вашего завалить. И завалю, у меня осечек не бывает. Могу его одного грохнуть, могу вместе с вами. Сами решайте. Если еще пожить хотите, стволы на пол и давайте вон туда, в подсобку. Сидите тихо, не высывы-

вайтесь. Когда в ментуре допрашивать будут, скажете: кавказец приходил, рост метр восемьдесят, усы подковой. Опознаете по фотографии — вот этого».

И показывает им фотокарточку, во все стороны, так что и мне на мониторе видно. А на снимке Лаваш, главный киллер Бесо Гагринского. И понял я, что нахал этот, наоборот, от Богданчика. Хочет Богданчик не просто меня замочить, но еще и Бесо подставить.

Но не это меня потрясло, а мои афганцы. Вдруг один за другим кладут на пол оружие и все четверо, как овцы, в подсобку пятятся. Старшой ящик с «макаровым» прикрыл, и бочком, бочком за ними. Я потом их спрашивал, как же так, мол. Вас пятеро, он один. Они блеют: «Вы бы в глаза ему поглядели... И потом, сколько их еще в джипе было?»

В джипе, кстати, никого больше не было, Игорек любил один работать, без помощников. А вот глаза — это да.

Когда мужичонка охрану мою в подсобке запер, он голову задрал и прямо в монитор посмотрел, внимательно так. Вы как-нибудь встретитесь с ним взглядом, попробуйте. У Игорька шестой дан по карате, он кулаком дверные филенки пробивает, но драться ему никогда не приходится. Достаточно взгляда. Удав. Василиск.

В общем, поглядел он на меня с экрана своими черными дырками — будто два ствола навел. И стал я весь, как ватный.

Сижу, смотрю, только голову от одного монитора к другому поворачиваю.

Вот убийца вышел с КПП.

Вот идет по дорожке к дому.

Появился на мониторе прихожей. Не торопится, ведет себя, как дома. Снял куртку, повесил на крючок. Из-под мышки рукоятка торчит. Пригладил волосы перед зеркалом. Что меня больше всего потрясло — ботинки снял, выбрал себе гостевые тапочки по размеру. Это чтобы каблуками не стучать. Натянул перчатки и медленно пошел по коридору, в комнаты заглядывать.

Тут я, наконец, очнулся.

Ёлки, что со мной? Сейчас проверит первый этаж, за ним второй, потом сюда поднимется. А я сижу! Этот урод с мертвыми глазами меня убьет и мальчика не пожалеет, не станет живого свидетеля оставлять.

Что делать?

Можно попробовать в окно, но что дальше? Через стену не перелезть, высокая. Спрятаться где-нибудь на участке? Этот найдет, по нему видно — обстоятельный.

И понял я: максимум, на что могу надеяться — Олечку спасти.

«Залезь под стол, говорю, сиди тихо, и что бы ни было, не вылезай».

Сам быстренько спустился на второй этаж. Достал из сейфа пистолет, бельгийский. На день рождения подарили.

Встал сбоку от двери. Думаю, войдет — пальну, если успею. Что справлюсь с таким терминатором, не надеялся. Расчет был, что грохнет он меня и на том успокоится. Не пой-

дет дальше по дому рыскать. Хоть сынишка живой останется.

Стою, спиной к полкам прижался, «браунинг» этот дурацкий в руке ходуном ходит. Прикидываю: киллеру надо на первом этаже четыре спальни осмотреть, тренажерный зал, гостиную, столовую, кухню, кладовку, два сортира, плюс часовню. Часовня у меня в доме понтовая была, с наворотами: светомузыка, орган самоиграющий, долби-систем, икона Богородицы два метра на три — самому Шилунову заказал, за 15 тысяч. Я тогда сильно православный был, не открыл еще своего фри-масонского бога.

Слышу, внизу орган заиграл. Соображаю: это киллер уже до часовни добрался, на пульте кнопки тыкает, проверяет, не откроется ли где потайная дверь. Сейчас наверх пойдет.

На втором этаже, если повернет налево, где кабинет, то жизни у меня останется одна минута. А если сначала пойдет направо, то минут пять.

«Браунинг» А.С.Сивухи

И ужасно мне захотелось, чтоб он направо пошел.

Минута проходит, нет его.

Значит, направо!

И такое счастье нахлынуло, вы не представляете. Думаю, пять минут — это же триста секунд, целая вечность. Вон стрелка на часах еле-еле ползет. Можно в окно поглядеть. Там небо синее, береза ветвями качает, ничего прекраснее в жизни не видел. Засмотрелся я на эти ветки. И отключился, счет времени потерял. Потом дернулся, гляжу на часы. Что за черт! Больше 15 минут прошло, а я жив!

Охватил меня ужас. Вдруг он сначала на третий этаж поднялся?

В носках, крадучись, кинулся по лестнице вверх.

Слава Богу, Олежка жив-здоров, в мониторной под столом затаился, как я велел. Дышит часто-часто, страшно ему. А киллера не видно.

Бросился к экранам.

Нету! Нигде. Ни на первом, ни на втором, ни на третьем, ни на территории.

Стал еще раз просматривать, внимательней. Вижу — в часовне на полу лежит кто-то, руки крестом раскинул.

Он!

Не шевелится. Умер, что ли?

Долго я с духом собирался. Наконец спустился. Пистолет с предохранителя снял, держу перед собой.

Эй! — зову. — Эй, ты живой?

Приподнимается, поворачивает голову. В глазах слезы.

И задумчиво, мирно так говорит: «Голос мне был. — А сам на шилуновскую Богоматерь смотрит. И слезы текут, текут. — Никого больше убивать не буду, говорит. Прости, мать Божья».

В общем, чудо в чистом виде. Явление Богоматери разбойнику, как в древних житиях.

Случись это на пару лет позже, я бы не особо удивился. Догадался бы: моя Сила меня бережет. Но тогда, в 93-м, чуть умом не тронулся от религиозного восторга. Церковь Пресвятой Богородицы неподалеку построил, в Березовке. Можете заехать как-нибудь, полюбоваться. Краснокирпичный кошмар стиля «Новорусское барокко».

А Игорек с тех пор у меня работает. Самый верный мой сотрудник.

Дураком он, что ли, меня считает, подумал Фандорин. Сначала плел небывлицы про какую-то высшую силу, теперь про Богоматерь. Или, действительно, верит во всю эту галиматью?

Похоже было, что верит. У нынешней российской элиты прагматизм отлично уживается с сумеречностью сознания.

— Скажите, а жалованье раскаявшемуся киллеру вы хорошее положили? — осведомился Николас.

Аркадий Сергеевич засмеялся.

— Втрое больше, чем он получал у Богданчика. Догоняю ход ваших мыслей. Полагаете, Игорек

инсценировочку устроил? Чтоб перейти на выгодных условиях к более перспективному хозяину? Он действительно не прогадал. Богданчика в том же 93-м подорвали. И людишек его, бывших Игорьевых корешей, тоже давно на свете нет. А Игорь вон кум королю, помощник депутата. Но учтите одно. Когда он ко мне на службу шел, поставил условие: никого убивать не буду. Так что, может, все же это было чудо Господне?

«Или решение сменить рискованную профессию», мысленно возразил Ника, однако продолжать дискуссию не стал.

— Возможно. Но давайте к делу, а то меня Саша заждалась.

— Значит, беретесь? Отлично! Ваша главная задача — выяснить, где находится остаток рукописи. Рулета мы разыщем сами. О Лузгаеве тоже не беспокойтесь. Вернем ему задаток, и дело с концом. Никаких 50 тысяч фунтов он Морозову, конечно, не платил. Дал какую-нибудь мелочовку.

9. ФАРШИРОВАТЕЛЬ МОЗГОВ

Человек, пристегнутый к креслу, расхохотался.

— Ай да коллекционер! Не пятьдесят тысяч, а пять. И не фунтов, а рублей. Еще сорок пять обещал, когда получит остальное. Лопух я был. Потом поумнел, а все равно дураком остался. Какая к черту разница — рубли, фунты, пять тысяч, пять миллионов. Мне бы бабу помягче, да ***** послаще, — с чувством высказал свое нынешнее кредо Филипп Борисович.

Физическое состояние больного сегодня было явно лучше. Недаром главврач распорядился переместить его из лежачего положения в сидячее. Эту опасную операцию произвели четыре охранника под личным присмотром Марка Донатовича. Намордник сняли, лишь когда Морозов был накрепко прикован к специальному креслу для буйнопомешанных.

Перед тем как оставить посетителей наедине с пациентом, доктор шепнул:

— Колем препараты, каждые два часа вводим через капельницу реабилитирующий раствор... Пока — увы. Но ничего, количество рано или поздно перейдет в качество.

Насчет «увы» было ясно и без Зиц-Коровина. При виде Николаса и Саши маньяк так гаденько

захихикал, что надежда, теплившаяся у Фандорина, сразу растаяла. Предстояла новая пытка. Вероятно, еще более мучительная, чем вчера.

— Вы в прошлый раз нас обманули. Не сказали, что рукопись поделена на три фрагмента, — обреченно начал Ника.

Морозов подмигнул:

— Да, батенька. Придется вам еще потрудиться. Я вас прямо заждался. Уже придумал, что вы мне сегодня расскажете. Человек вы женатый, вон колечко у вас. Расскажите-ка мне, как вы с женой в первый раз ***** Порельефней, похудожественней, и главное, физиологию обрисуйте. Чтоб во всей наглядности.

— Ну уж этого... — Фандорин побагровел, обшарив взглядом углы палаты — где тут спрятан микрофон? — Не дождетесь!

На свете нет такого гонорара, ради которого он бы на такое пошел!

Подлый доктор филологии словно подслушал его мысли.

— Не ради рукописи. Ради Сашеньки, — проникновенно сказал он. — Вон у нее, ангела нашего, уж и слезки на глазах. Будто жемчужинки.

Тогда в голову магистру пришла спасительная идея. Ты всегда гордился своей фантазией. Выдумай что-нибудь. Не про Алтын, а про какую-нибудь пышнотелую блондинку. Саша опять слушать не станет, заткнет уши. А на депутата с его воцерковленным охранником наплевать.

— Только не вздумайте мне врать, — предупредил Филипп Борисович. — Почувствую. Фотокарточка жены с собой? У такого, как вы, обязатель-

но должна быть. Положите на тумбочку, чтоб я видел. Рассказывайте, рассказывайте быстрее! То есть быстрее начинайте, а рассказывайте-то не быстро!

Фотография Алтын у Николаса с собой действительно была, но доставать ее он не стал. Понял, что этого не сможет. Ни ради Саши, ни ради спасения человечества.

— Папа, не мучай Николая Александровича, — раздался сзади голос Саши. — Он в прошлый раз рассказывал. Теперь моя очередь.

Девочка была бледна, но казалась совершенно спокойной.

— Про девичьи грезы и шаловливые ручки? — оживился больной. — Давай!

— Не про ручки. Я давно не девушка, ты ошибся. Могу рассказать, как это случилось.

Лицо ее было совершенно бесстрастно. Голос тихий, вялый.

Морозов аж заизвивался в своих ремнях.

— Когда ж ты успела, тихоня? А я и прозевал, старый болван!

— Помнишь, в позапрошлом году Илюша на первое мая сильно заболел и дома совсем денег не было? Я еще на улице 300 долларов нашла, и Антонина Васильевна в церковь ходила — Бога благодарить, свечку ставить? Обманула я вас тогда. Я в газете рекламу нашла. Фирма «Первая любовь». «Неопытные девушки для солидных господ. Дорого». Сходила и заработала.

У Ники перехватило дыхание — прежде всего от этого невыносимо спокойного голоса. А папочке хоть бы что.

— Умница! Золотое сердечко! — завопил он. — Обожаю про дефлорацию! Честную оплату гарантирую! Я же вчера вас не надул? Не надую и сегодня. Только поподробней, люлечка, ничего не упускай!

— Хорошо. — Саша прищурилась, как бы вспоминая. — Я с самого начала, по порядку.

Фандорин сделал порывистое движение, но девочка едва заметно качнула головой: не мешайте.

Он отошел, безвольно опустил на стул. А Саша Морозова приступила к рассказу.

Про дефлорацию

Сначала я позвонила. По объявлению. Говорю, это фирма «Первая любовь»? Вам девственницы нужны? Меня спрашивают, вы точно девственница? Я говорю, да. Вы не думайте, говорят, у нас свой гинеколог, проверим. Я говорю, хорошо. Ну приезжайте, говорят. Адрес дали, какой-то переулок около площади Маяковского. Точно не помню, все-таки два года прошло. Я приехала. Врач меня посмотрел. Говорит, всё в порядке. Тогда меня женщина, которая у них менеджер, спрашивает: а тебе сколько лет? Я говорю, шестнадцать — мне тогда шестнадцать было. Она говорит: а выглядишь на тринадцать, может тебя, по программе «Лолита» запустить. Работы столько же, а такса пятьсот. Я говорю, хорошо, запускайте. Она говорит: повернись-ка. Стала меня вер-

теть, щупать. Нет, говорит, по «Лолите» не получится, поздновато уже. Пойдешь по стандартной, за триста. Иди домой, говорит, я тебе позвоню. И в тот же вечер позвонила. Я Антонине Васильевне сказала, что к Ленке ночевать пойду. Она говорит, иди куда хочешь. Ей не до меня было, потому что у Илюши температура сорок. А тебя не было, в Петербург уехал. Я приехала туда, на фирму. Это обычная квартира такая, только большая. Женщина, которая менеджер, говорит: надень вот это. Там что было? Гольфы белые, юбка короткая в клеточку, майка с Микки-Маусом. Ах да, еще лента. Она мне две косички заплела. Менеджер говорит: иди по коридору, вторая комната направо. Там клиент ждет. Делай, что скажет, потом придешь сюда, получишь деньги. Я пошла по коридору. Постучала в дверь, там мужской голос, хриплый такой, спрашивает: «Это кто ко мне пришел?»

— Скучно, скучно рассказываешь! Психологию давай! — всосав слюну, влез Морозов. — Сердечко сжималось? В низу живота подъеживало?

Ника вспомнил, как Саша вчера не стала слушать его эксгибиционистскую историю. А он-то что же — сидит, уши развесил.

— Сердце да, сжималось, — подумав, старательно ответила Саша. — А про живот ничего такого не помню. Это уже потом болело, когда...

Здесь Николас опомнился, с силой хлопнул себя ладонями по ушам и продолжения душераздирающего рассказа не слышал.

Сумасшедший еще что-то выпрашивал, Саша добросовестно отвечала. Лицо у нее было, как у прилежной, но туповатой ученицы на экзамене.

Она просто делает, что должна, и ей нисколько не стыдно, дошло до Николаса. Какая девушка! Насколько все-таки женщины лучше нас, мужчин. Мы заботимся только об одном — как бы себя не уронить, а они в критическую минуту о себе вообще не думают.

Наконец, Саша замолчала.

Мерзкий старик мечтательно пялился в потолок, с подбородка свисала нитка слюны.

Кажется, можно было убрать ладони.

— Расчувствовала ты меня, дочь моя. Не столько физиологическими описаниями, к которым у тебя нет никакого таланта, сколько благородством. Смотрел на тебя и восхищался, — торжественно произнес Морозов, но не удержался на высокой ноте. — А смешно он, стервец, с «чебурашкой» придумал! Ну-ка расскажи еще разок. Значит, он тебе говорит...

Ника поскорей опять заткнул уши. И сидел так до тех пор, пока Саша не подала ему знак: пора, началось!

— ...Золотце мое! Уважила старика! Да за это я тебе расскажу все, что только не пожелаешь! И про перстень, и про рукопись! Я тоже широк. Благородный отец... С чего прикажешь начать?

— С перстня, — быстро сказала Саша. — Его одного, наверно, хватит, чтоб за все лечение заплатить!

— Слушаюсь и повинуюсь, — торжественно наклонил голову больной. — С перстня так с перстня.

Местечко найти не просто, так я для себя стишок сочинил. Чтоб не забыть. Оцени изящество:

«Пять камешков налево полетели.
Четыре — вниз и не достигли цели.
Багрянец камня светит на восход.
Осиротев, он к цели приведет».

Николаса охватило нехорошее предчувствие. Неужто новое издевательство? Саша, наивная душа, спросила:

— Красивое стихотворение. А как это — «камешки полетели»?

Филипп Борисович ослабился:

— Вот это тебе и предстоит определить.

Увидев, как разочарованно вытянулось личико Саши, Фандорин решил вмешаться:

— В стишке содержится какое-то топографическое указание. Но как искать место, если вы не называете отправную точку? Получается уравнение с двумя неизвестными! Это нечестно!

С глумливой улыбкой Морозов обронил:

— Шагайте от первоисточника, не ошибетесь.

Никаких других подсказок от него не последует, это было очевидно. Если он намерен и про рукопись рассказать таким же манером...

— Про рукопись тоже шараду загадаете? — мрачно осведомился Ника.

— Лучше, чем шараду! — просиял маньяк. — В благодарность за увлекательный рассказ, а также в развитие темы прочту небольшую лекцию, — услышал Фандорин. — «Эротизм в жизни и творчестве Ф.М. Достоевского»

— Как лекцию? Какую еще лекцию? — крикнул он. — Вы же обещали!

Филипп Борисович взглянул на Николааса с видом оскорбленного достоинства.

— Я, молодой человек, не с вами разговариваю, а со своей дочерью. Она у меня сегодня героиня, горжусь ею. Так что, Санечка, будешь слушать лекцию?

— Буду, папа, буду.

Саша многозначительно посмотрела на Фандорина, и тот молча включил одолженный у Вали диктофон.

Эротизм в жизни и творчестве Ф.М. Достоевского (Лекция д-ра фил. наук Ф.Б. Морозова)

Как большинство эпилептиков, Федор Михайлович обладал повышенной половой возбудимостью. Друг и биограф классика Николай Николаевич Страхов в письме Льву Толстому от 28 ноября 1883 года пишет: «...При животном сладострастии у него не было никакого вкуса, никакого чувства женской красоты и прелести».

Эротические пристрастия Федора Михайловича хорошо изучены исследователями на материале художественных текстов и биографических сведений. Таковых пристрастий обнаружено пять.

Во-первых, садомазохистский комплекс.

Во-вторых, обсессивная страсть к роковым женщинам вроде Настасьи Филипповны

из романа «Идиот», Полины из романа «Игрок» или Грушеньки из романа «Братья Карамазовы», секс с которыми чреват всяческими проблемами и даже опасен для жизни.

В-третьих, явное влечение к женщинам прямо противоположного типа, легкомысленным развратницам, секс с которыми, наоборот, абсолютно безоблачен.

В-четвертых, довольно невинный фетишизм по части женских ножек.

И, наконец, в-пятых, куда более криминальный «Рорикон». Этот смешной термин я услышал на научной конференции в докладе одного японского исследователя. Японцы, которым не дается буква «л», так сокращенно называют «Лолита-комплекс», то есть патологический интерес к несозревшим особям женского пола, а проще говоря, к девочкам. Набоков, который, как известно, терпеть не мог Федора Михайловича, просто-напросто по-писательски ревновал к автору, который раньше него разработал этот увлекательный мотив столь ярко и талантливо. Ведь после растлителя Свидригайлова и растлителя Ставрогина банальный анекдот о развратной акселератке из американского захолустья не может восприниматься иначе как сугубо вторичный продукт.

Теперь пройдемся по этому списку чуть подробнее.

На первом месте у нас что? Правильно, садомазохистский комплекс.

Во времена Федора Михайловича говорили, что есть две категории женщин: петит-

ные и аппетитные. Добавлю от себя, что существует и две категории мужчин. Первым подавай худеньких и маленьких самочек — это садисты. Вторым — крупных и пышных, это мазохисты. Речь необязательно идет о мучительстве. Есть и очень добрые, заботливые садисты. Их инстинкт подавления проявляется в отеческом отношении, опеке, защите, но в любом случае садисту необходимо властвовать. То же относится и к симпатичному мазохисту. Он не ползает на четвереньках и не просит, чтоб его били плеткой. Симпатичный мазохист — нежное, покладистое существо, которое очень боится обидеть партнера, а главное — нуждается в психологической подчиненности. Случай Федора Михайловича — смешение двух этих потребностей, что встречается не столь уж редко. Наш гений на протяжении своей жизни побывал и мазохистом, и садистом. В общем, как сейчас выражаются твои сверстники, оттянулся по полной. Сладости мазохизма он познал с грудастой Аполлинарией Сусловой, которая помучила и поунижала его до полного удовлетворения. Сладости садизма вкусил с subtilной и безответной Анной Сниткиной. Цитирую из писем светоча мысли, по памяти:

Филипп Борисович вытянул губы трубочкой и засюсюкал противным голосом:

«Аня, милая, друг мой, жена моя, прости меня, не называй меня подлецом! Я сделал

преступление, я всё проиграл, что ты мне прислала, всё, всё до последнего крейцера, вчера же получил и вчера проиграл!»

«Милый друг Анечка, я проиграл твои последние тридцать рублей и прошу тебя ещё раз спасти меня, в последний раз, — выслать мне ещё тридцать рублей....»

«Аня, милая, я хуже чем скот! Вчера к десяти часам вечера был в чистом выигрыше 1300 франков. Сегодня — ни копейки. Всё! Всё проиграл!»

«...Милый мой ангел Нютя, я всё проиграл, как приехал, в полчаса всё и проиграл. Ну что я скажу тебе теперь, моему ангелу Божьему, которого я так мучаю. Прости Аня, я тебе жизнь отравил!..»

В общем, гений сполна отыгрался на педантичной Анечке за унижения, перенесенные от аппетитной Аполлинару. Мучая вторую, мстил первой. Как сказано про это у чудеснейшего писателя Леопольда фон... черт, первую половину фамилии запомнил... ну в общем, Мазоха, того самого, в честь которого назван мазохизм: «И я не раб больше, позволяющий вам попирать себя ногами и хлестать хлыстом». В смысле, сам теперь буду попирать и хлестать.

Обсессия номер два: роковая женщина, фам-фаталь. Это живое воплощение рулетки, главной страсти Федора Михайловича. Такая же непредсказуемая, алогичная, жестокая, но тоже способная на неслыханную щедрость. Беда в том, что щедрость и рулетки, и роковой

А. Г. Сниткина

женщины обычно достается мужчинам холодным и рассудочным, которые не теряют головы. А если не терять головы, то зачем тогда жить на свете — без страсти, без муки, без наслаждения?

Тут еще вот какая пикантность. Герой, являющийся alter ego Федора Михайловича, беззащитен перед чарами фам-фаталь, но неспособен удовлетворить ее как самку. Это непременно или тоскливый зануда (герой ро-

мана «Игрок»), или импотент (князь Мышкин), или монашек (Алеша Карамазов). Налицо комплекс сексуальной неполноценности автора, которым Федор Михайлович обязан реальной роковой женщине — Аполлинарии Сусловой.

А на самом-то деле — и здесь мы переходим уже к пункту третьему — писателя всю жизнь томила мечта о легкой, безответственной интрижке с какой-нибудь веселой давалкой. Вроде той милой грешницы, которая говорит в «Братьях Карамазовых»: «Ça lui fait tant de plaisir et à moi si peu de peine!» — «Это доставляет ему такое удовольствие, а мне так мало стоит». И мечта эта, кажется, в конце концов осуществилась. Помнишь, доченька, я тебе рассказывал про некую госпожу Браун, в судьбе которой Федор Михайлович принимал живейшее участие? Как ее звали-то, смешное такое имя, не припомню. Память стала ни к черту. Помнишь про мадам Браун?

Саша покачала головой, и Филипп Борисович сделал вид, что ужасно расстроился.

Ну как же! Авантюристка, бывшая проститутка. Пошлялась по белу свету, побывала замужем за английским матросом, откуда и экзотическая фамилия. Потом вернулась на родину, сошлась с журналистом Горским. Он пил запоем, семья бедствовала, и Федор Михайлович оказал бедной женщине материальную поддержку. Я-то тебе рассказывал эту исто-

рию как пример душевного благородства нашего гения. Но, похоже, она перед ним в долгу не осталась. Браун эта была дамочка прямая, без предрассудков. Сохранилось ее письмо, в котором она без экивоков извещает благодетеля о своей готовности на всё: «Удастся ли мне или нет отблагодарить вас в физическом отношении» — так и пишет. Уверен, что Федор Михайлович не оплошал. Он давно мечтал о чем-то вроде этого.

Взять хоть эротическую фантазию из романа «Игрок» про то, как учитель Алексей Борисович (автопортрет писателя) вдруг выигрывает кучу денег в казино и покупает на них красотку-француженку. Восхитительная сцена! Кокотка Бланш лежит в постели и высовывает ножку (про этот особенный пункт Федора Михайловича я уже говорил).

«— Ну же! Хочешь увидеть Париж? Скажи, наконец, что такое outchitel? Ты был очень глуп, когда ты был outchitel. Где же мои чулки? Обувай же меня, ну!» Она выставила действительно восхитительную ножку, смуглую, маленькую, не исковерканную, как все почти эти ножки, которые смотрят такими миленькими в ботинках. Я засмеялся и начал натягивать на нее шелковый чулочек. M-lle Blanche между тем сидела на постели и тараторила...»

Здесь Никино терпение лопнуло — он больше не мог выносить это отвратительное и, главное, бессмысленное словоблудие.

— Перестаньте издеваться! Саша такую муку выдержала! Вы обещали сказать, где рукопись, а сами...

— Да я уже почти всё сказал. Осталось только про «Рорикон»... — Морозов засопел, не очень старательно имитируя оскорбленные чувства. — Хотел подать красиво, изящно, с выдумкой. Всю ночь готовился. Но раз вам невтерпеж, конец лекции скомкаю.

Он на несколько секунд замолчал, щурясь. Потом скороговоркой выпалил:

— Нимфетка минус дурацкое уменьшительное плюс город, где родился император-эпилептик... Теперь уже совсем всё.

— Ч-что?

Николас и Саша переглянулись.

— Собирался сформулировать пояснее, но вы сами виноваты — перебили меня. Катитесь к черту, я спать буду. — Больной вытянул шею и заорал. — Санитар! В кровать хочу!

Больше они из маньяка ничего не вытянули.

* * *

Саша выглядела совершенно потерянной.

— Я ничего не поняла. Какие-то камешки, куда-то полетели... Что это такое?

— В стихотворении закодировано местонахождение тайника, где ваш отец спрятал перстень. Думаю, зарыл где-то, и никакой приметной вехи рядом нет — иначе не понадобились бы все эти указания: влево, вниз, на восход.

— А рукопись? Лекция — это тоже была загадка? Но как ее разгадывать? — шепнула она, когда выходили из палаты.

— Ничего, как-нибудь, — с фальшивой бодростью уверил ее Ника. — Это моя профессия. Пока не найду ответа, не сдамся.

Девушка вдруг ни с того ни с сего всхлипнула.

— Простите меня, я такая плохая... Меня Бог накажет, я знаю.

— Из-за трехсот долларов, что ли? — Фандорин полуобнял ее за плечо. — Так вот из-за чего вы себя ужасной грешницей считаете и всё у Бога прощения просите? А по-моему, вы святая. Честное слово.

Она вырвалась, побежала прочь по коридору, утирая слезы.

Таких девушек на свете больше нет, думал он, глядя ей вслед. Раньше, во времена Федора Михайловича были, но давным-давно повывелись. Лишь одна каким-то чудом уцелела.

— Гм-гм, — раздалось откуда-то сбоку глуховатое покашливание.

У окна стоял сивухинский телохранитель, почти сливаясь с коричневой шторой в своем строгом костюме.

— Господин Фандорин... — Ну и взгляд — мороз по коже. — Олег Аркадьевич просит вас заглянуть к нему в палату.

И не дожидаясь ответа, пошел вперед. Ни тени сомнения, что Николас может за ним не последовать.

Ника разозлился: надо же — «Олег Аркадьевич»! Не идти что ли за этим Азazelлой, пусть знает свое место. Но вспомнил худенькое личико малолетнего «гения», и стало жалко паренька.

Пошел.

Спустились на первый этаж, пересекли широкий центральный коридор, зачем-то вышли во внутренний двор.

Оказалось, что «палата» спонсорского отпрыска — отдельное здание, разместившееся в глубине сада. Собственно, не здание, а что-то вроде ангара, очертаньями и размером напоминающего крытый теннисный корт.

— Как же он тут без окон? — спросил Ника у спины телохранителя.

Игорь не ответил. То ли счел ниже своего достоинства, то ли не любил попусту болтать языком. Все равно минуту спустя посетитель увидит всё сам.

Наследник вольного каменщика устроился в гигантской «палате» своеобразно. Свет проникал сверху, через застекленный потолок. Вдоль металлических стен тянулась галерея, к которой вела легкая лестница. Там, наверху, всё было залеплено яркими афишами и постерами с изображением бэтменов, бекхэмов и прочих персонажей современного подросткового пантеона. Внизу же без какой-либо системы и видимой логики была расставлена разномастная мебель и аппаратура: несколько столов, железные и кожаные стулья на колесах, компьютеры, акустические системы, еще какая-то техника. Два или три автомата с соками и колой, мини-мотороллер, всякий спортивный инвентарь, а на самом почетном месте скалила зубы огромная пластиковая Годзилла.

Хозяин всего этого хлама сидел спиной ко входу и сосредоточенно мастерил что-то на верстаке,

время от времени сверяясь по мудреной схеме на мониторе.

Какое причудливое сочетание взрослости с инфантильностью, подумал Николас. Наверное, таким же был вундеркинд Самсон Фандорин, который, если верить семейному летописцу, в двенадцатилетнем возрасте изобрел летательный аппарат наподобие дирижабля и летал на нем над уральскими горами.

— А, Николай Александрович, — сказал мальчик. — Спасибо, что согласились зайти. Я бы сам к вам вышел, но здесь... лучше.

Вдали от отца он держался совсем иначе. Спокойнее, естественнее, взрослее.

— Почему «лучше»?

Годзилла

Паренек сказал Игорю:

— Можешь идти на место.

— Хорошо, Олег Аркадьевич.

Ну и нравы, слегка поморщился Николас. Мальчишка взрослого мужчину зовет на «ты», а тот его по имени-отчеству. Правильно сказано: худший воспитатель — богатство.

Игорь удалился в угол и сел к столу, сплошь уставленному какими-то хитрыми приборами. Там же на полу лежал аккуратно свернутый спальный мешок.

— Спартанец, — усмехнулся Олег, поймав взгляд Фандорина. — Довольствуется малым.

— Капитально вы здесь обустроились.

— Мой второй дом. — Подросток исподлобья смотрел на гостя. — Две недели дома, две недели здесь.

— Извините, но... от чего вас все-таки лечат?

— От разного. — Олег отвернулся, стал свинчивать какую-то штуковину, похожую на детский водяной пистолет. — Роды были неудачные, мать подорвала здоровье, недолго потом жила. А я получился ходячее недоразумение. Всё во мне не так. Позитивист папочка со своим непотопляемым оптимизмом уверяет, что я — аномалия со знаком плюс. — В голосе мальчика прозвучала насмешка, но не злая, а, пожалуй, ласковая. — Но вопрос остается открытым. Сейчас, по плану великого доктора Зиц-Коровина, мне колют гормональные препараты. В следующий раз будем регулировать сон. Я — урод, посплю полтора — два часа, и мне хватает. А великий доктор Зиц-Коровин считает, что в этом одна из причин болезни. Буду учиться дрых-

нуть по восемь часов в сутки, как все нормальные люди. У великого доктора Зиц-Коровина на мой счет большие планы. Вторая пятилетка к концу подходит, третья на носу. Без финансирования Центр физиологии мозга не останется.

Фандорин хотел спросить, почему Олег так ожесточен против главврача, но решил с этим подождать. Подросток позвал корифея добрых советов неспроста. Если хочет что-то рассказать, не стоит его подгонять.

— А что вы такое мастерите?

— Дурью маюсь. Прочитал, что японцы изобрели полимерную нить сверхбыстрого растяжения-стягивания. Изобрести изобрели, а как использовать, пока не придумали. Попросил папу выписать мне образец. И сделал игрушку, занятую.

Он поднял пластмассовый пистолетик, нажал кнопку, и из дула вылетело что-то маленькое, блестящее. Приглядевшись, Николас увидел, что это присоска на тонкой блестящей нити. Присоска впиалась в корешок книги, лежавшей на диване, метрах в трех от стола.

— Теперь включаем стягивание...

Олег нажал кнопку еще раз — и книга оказалась у него в руке.

Запрокинув голову, паренек беззаботно расхохотался.

— Говорю же, дурью маюсь. Что с меня, аномального, взять?

— Но это совсем не дурь! — пришел в восхищение Фандорин. — Великолепное изобретение! Например, пригодится людям, которые не могут пе-

редвигаться. Да мало ли, как можно использовать такой чудо-инструмент!

Но Олег лишь махнул рукой.

— Ерунда всё это... — Он оглянулся на Игоря, потом на дверь и понизил голос. — Я вас не для этого... Я поговорить хотел. Так, вообще... А то не с кем. Не с Игорьком же. А у вас лицо такое, ну, как будто вы слушать умеете. И болтать потом не станете.

Фандорин поневоле почувствовал себя польщенным. Да и жалко было этого наследного принца, запертого в своих технохоромах, как в золотой клетке.

— Хотите поговорить по душам? — улыбнулся Ника мальчику. — Что ж, давайте попробуем.

Но разговора не вышло.

Лицо Олега внезапно изменилось — стало отчужденным, замкнутым.

— Не сейчас, — прошептал он. — Фарширователь мозгов пришел.

— Кто?

Оглянувшись, Ника увидел в дверях фигуру в белом халате.

Доктор Коровин смотрел на шепчущихся собеседников с веселым удивлением.

— Подружились? Похвально, похвально... О чем беседуете? Можно мне тоже поучаствовать?

Какой уж тут разговор по душам.

10. ФЛАНГОВЫЙ МАНЕВР

Новые загадки оказались не в пример труднее первой. Вызвали из засады в Саввинском переулке Валу (за Рулетом теперь пускай люди Аркадия Сергеевича охотятся), до вечера втроем просидели в офисе, но так ни до чего путного и не додумались. Начали с П.П.П. «Первоисточник», от которого Морозов порекомендовал шагать, это, вероятно, роман «Преступление и наказание». Но как можно шагать от романа? Может быть, все-таки он имел в виду что-то иное? Пять камешков, четыре камешка... Ерунда какая-то.

Плюнули. Переключились на рукопись — в конце концов, клиента интересовала именно она, а не кольцо. Распечатали весь текст гнусной лекции, крутили его и так, и этак. Всё впустую. До последней шарады, про нимфетку, вообще не добрались. Разошлись одуревшие, унылые, чтобы снова собраться завтра в десять.

А наутро, когда Николас одевался, из кармана брюк выпал дублон и закатился под кровать. Магистр долго стоял на четвереньках и, чертыхаясь, шарил рукой по пыльному полу. Проклятая монета словно пропала. Пришлось отодвигать кровать.

Увидев, как под плинтусом тускло поблескивает желтый металл, Фандорин вдруг подумал: надо не перебирать слова, которые есть, а искать те слова, которые пропали!

И дело сразу пошло. К десяти часам головоломка была полностью разгадана.

Своих помощниц Ника встретил спокойный, торжественный. Но для пушшего эффекта торопиться не стал.

Спросил с хитрой улыбкой:

— Ну что, пошевелили мозгами на досуге?

— Я читала-читала, ничего не поняла, — виновато сказала Саша. — Я тупая.

— Туфта какая-то, — согласилась Валя. — Я тоже по нулям. А вы, шеф?

— Да есть кое-что...

Позволив себе посмаковать наступившую паузу, Фандорин направился к окну.

— Припекает. Открою, а то душно.

Открыл — и триумфального настроения как не бывало. Сквозь шум утренней улицы донесся звук пианино. Урок музыки у Алтын сегодня только в двенадцать, а она уже вернулась. Значит, заскочила в редакцию совсем ненадолго и скорей домой, готовиться. Бойтся ударить лицом в грязь перед своим гением.

Окно снова было закрыто. Ника вернулся к столу и уже безо всякого куража, хмуро стал рассказывать.

— С лекцией всё оказалось довольно просто. Больше всего времени заняла шарада про нимфетку, но и на нее хватило получаса.

— Ну да! — не поверила Валя.

— Смотрите сами. «Нимфетка минус дурацкое уменьшительное плюс город, где родился император-эпилептик». «Нимфетка» — это, конечно, Лолита, которую Морозов поминал и в лекции. Вопрос, что такое «дурацкое уменьшительное». Я порылся в романе Набокова. Его герой называет Лолиту сокращенным именем «Ло» — действительно, довольно дурацким. От «Лолита» отнимаем «Ло». Что получается?

— «Лита». Это что значит?

— Пока ничего. Переходим к месту рождения императора-эпилептика.

— Это кто такой?

— Вопрос. Ясно было одно: искомый император имеет какое-то отношение к Федору Михайловичу. Ведь нам известно, что эрудиция у Морозова чрезвычайно узкого профиля, ни в чем кроме биографии и творчества писателя он не разбирается. Я полез в энциклопедию выяснять, кто из императоров страдал эпилепсией. Выяснилось, что на удивление многие. Очевидно, существует какая-то связь между этой болезнью и инстинктом власти. Я выписал имена, прогнал их через указатель электронного собрания сочинений. Ответ нашелся сам собой, достаточно было пройти по полученному списку. Александр Македонский? Родился в городе Пелла. «Лита» + «пелла»? Бессмыслица. Цезарь и Калигула родились в Риме. «Литарим» — чушь. Берем Петра Первого. Научой точно не установлено, имели ли судороги великого царя эпилептическое происхождение, но предположим, что имели. Для нас существенно, что Петр упоминается в текстах

Федора Михайловича неоднократно. Однако Петр родился в Москве. Что такое «Литамосква»? Нонсенс. Идем далее. Наполеон Бонапарат. Он для Федора Михайловича, как красная тряпка для быка. Упоминается вновь и вновь, причем по большей части в негативном контексте. Но корсиканец родился в Аяччо. «Литааяччо»?

— Мимо кассы, — кивнула Валя. — Ну и кто же оказался?

— Представьте себе, Карл Пятый Габсбург. Испанский король и император Священной Римской империи. В самих текстах Федора Михайловича он напрямую ни разу не упоминается, но

Тициан.
«Карл Пятый»

среди сопроводительных материалов на диске есть статья на тему «Великого инквизитора» — знаете, знаменитая глава из «Братьев Карамазовых».

Валя с Сашей переглянулись и ничего не сказали. Фандорин только вздохнул.

— Ладно, Бог вам судья. В статье говорится, что, изучая историю испанской инквизиции, Федор Михайлович в особенности интересовался судьбой императора Карла — тоже эпилептика, величайшего монарха своей эпохи, добровольно отрекшегося от престола.

— «Литамадрид», да? — встряла Валя, которой слушать про Карла Габсбурга было неинтересно. — А что это значит?

— Понятия не имею. Тем более что Карл родился не в Мадриде и вообще не в Испании. Он появился на свет в 1500 году во фламандском городе Генте.

— «Лита-гент». Литагент! — ахнула Саша.

Фандорин довольно рассмеялся.

— Вот вам и вся шарада. И сразу всё встало на свои места. Ну конечно, ваш отец, побывав у коллекционера автографов, потом сообразил, что выгоднее обратится к агенту. Ведь это не просто автограф, это литературное произведение, а значит можно продать издательские права.

Валентина была не удовлетворена.

— Ну хорошо, литагент, но как мы его искать будем? Не объяву же в газету давать: «Уважаемый литагент, заныкавший рукопись писателя Достоевского, позвоните, пожалуйста по такому-то телефону».

— Имя агента закодировано в тексте лекции, — небрежно, как о чем-то само собой разумеющемся, сказал Николас, хотя, если б не закатившийся под кровать дублон, вряд ли ему удалось бы расшифровать этот код. — Ты лекцию, наверно, уже наизусть выучила. В чем там странность?

— Во всем! Например, ни хрена он не смыслит в садо-мазо, а учит. Я бы ему про это такого порассказала...

— Нет, странность в другом. Девочки, вы обратили внимание, какая у Филиппа Борисовича феноменальная память? Цитирует целыми кусками и из романа «Игрок», и из писем. А в двух местах память ему вдруг отказывает, и оба раза пропадают имена. Странно! Сначала он не может вспомнить первую половину фамилии литературного отца мазохизма. Потом имя госпожи Браун, предполагаемой любовницы Федора Михайловича (кстати, я прочитал про нее в энциклопедии — оклеветал Морозов писателя, ничего там такого не было).

— А как ее звали, шеф?

— Марфа. Необычное сочетание — «Марфа Браун». Трудно забыть, правда? А с австрийским писателем совсем просто. Любой мало-мальски образованный человек безо всяких энциклопедий скажет, как его звали.

— Я не скажу, — пожала плечами Валя.

И Саша призналась:

— Я тоже.

Ну Саша еще ладно, роман «Венера в мехах», слава Богу, в школьную программу не входит. Но

порочная Валентина могла бы получше знать классиков близкого ей жанра.

— Леопольд фон *Захер*-Мазох — вот его полное имя.

— Захер? — ухмыльнулась секретарша, сделав ударение на последнем слоге, но Фандорин так строго на нее посмотрел, что она воздержалась от комментариев.

— А теперь смотрим сюда. — Николас открыл адресно-телефонный справочник на заложенной странице. — Вот раздел «Литературные, художественные и театральные агентства». Смотрите: **«SACHER LITERARY&ART AGENCY. Консультации по всем вопросам авторского права. Посреднические услуги в работе с зарубежными издательствами, галереями, аукционами. Разрешения на вывоз культурных, исторических и художественных ценностей».**

Объявление было обведено рамочкой и украшено логотипом: рука, держащая копьё.

Валя логотип одобрила:

— Прикольнo. Так, а Марфа при чем?

Самое эффектное Николас приберег напоследок.

— Я позвонил по указанному здесь телефону. Якобы хочу вывезти за границу картину. Знаете, как зовут директора агентства? Марфа Леонидовна Захер.

— Николай Александрович!

— Шеф! Ну вы вообще!

И снова, как в прошлый раз, Фандорин был вознагражден за дедукцию поцелуями в обе щеки: с Валиной стороны мокрым и горячим, с Сашиной — сухим и прохладным.

— Это еще не всё, — сказал он скромно. — Я успел собрать о Марфе Захер кое-какую информацию в интернете. Оказывается, это особа довольно известная. Не звезда, конечно, но, знаете, из тех дамочек, кто часто бывает на разных презентациях, банкетах, вернисажах и попадает в глянцево-журналы по разделу светской хроники. Видели, наверно? Маленькие такие фотоэтикеточки в конце номера.

— Не видела, — сказала Саша.

— Конечно, видела — сказала Валя. — Сама сколько раз попадала.

Николас поманил девушек к компьютеру.

— Я сделал закладки... Вот, это из он-лайн-версии журнала «Большой стиль»: бал-маскарад по случаю открытия магазина эксклюзивных шлепанцев в Третьяковском проезде. Видите? «Писатель Б. Акунин и литературный агент Марфа Захер». А тут фоторепортаж с юбилея ночного клуба «Улет»: «Кинорежиссер Н. Михалков, продюсер А. Максимов и светская львица Марфа Захер».

Львица была гламурная на все сто процентов: синтетический загар, умопомрачительные наряды, неживая улыбка в пол-лица. И, как положено, эластичного возраста. Тщательно следящие за собой дамы попадают в него лет с тридцати и растягивают эту вечнозеленую пору лет до шестидесяти, а некоторые и дольше.

— Хроникеры не всегда знают, кто эта элегантная особа, — продолжал демонстрировать улов Ника. — Вот здесь, например, подпись: «Визажист Рауль Хвостенко с подругой» Подруга — Марфа Захер.

— А-а, — протянула Валя. — Кто-то из наших говорил, будто Рауль замутил с какой-то навороченной фефелой. Я хочу сказать: завел роман с какой-то стильной женщиной. Все еще ржали, потому что Раульчик голубее голубики.

— Еще есть любопытная статейка на сайте «ротоi.ru», где собирают сплетни обо всех мало-мальски известных людях. Что здесь имеется? — Николас перешел на следующую закладку. — Марфа Захер — бизнесвумэн широкого профиля с интеллектуально-художественным уклоном. Специализируется главным образом на переправке произведений искусства за границу, используя всякие лазейки. Считается, что для нее невозможного не существует. Кроме того, помогает подешевле про-

Писатель Б. Акунин
и литературный
агент
Марфа Захер

вести груз через таможенную, решить визовые трудности, добыть разнообразные справки. В статье сказано, что «литературно-художественным агентством» ее лавочка называется для благозвучия, хотя иногда, действительно, приторговывает издательскими правами. Ну и последнее. — Фандорин вошел на страницу интернет-журнала «Республика Рублевка», предназначенного для обитателей этого нуворишского заповедника. — Интервью с интересующей нас особой. По большей части всякая ерунда: сумки какой фирмы предпочитаете, ваше отношение к липосакции, любимый аромат и тому подобное. Но два куска прочту вслух. Первый — в качестве характеристики объекта. «Вопрос: Марфа, а что для вас как бы главнее всего по жизни? Ответ: Взять ситуацию под контроль, подломить ее под себя. Кайф, когда не ты вращаешься вокруг солнца, а солнце вокруг тебя. У меня в офисе на стене слоган висит, мое кредо: «Видишь добычу — бери ее. Захер.» (Смеется)». Кремль дамочка, — подытожил Ника. — Как к такой подступиться — вот в чем вопрос. Если прямо спросить про рукопись, ответа скорее всего не получим. Без расчета такая акула ничего делать не станет. Как бы не вышло хуже, чем с коллекционером. Выколачивать из нее рукопись, слава Богу, не наше дело. Но прежде чем передать эту информацию заказчику, мы должны удостовериться, что текст действительно у литагентши. Для «Страны советов» это вопрос профессиональной чести. Поэтому предлагаю в лоб не атаковать, а предпринять фланговый маневр. Думаю, для начала надо к этой Марфе присмотреться, последить за ней.

В том же интервью содержится полезная информация... — Фандорин прокрутил текст до нужного места. — «Вопрос: Как вам удается так классно выглядеть? Ответ: Уважающий себя человек должен быть в хорошей форме. Я встаю поздно и начинаю день с контрастного душа. Перед обедом, с часу до двух, всегда занимаюсь в «Фитнес-эмпориуме». По четным дням на тренажерах, по нечетным играю с тренером в теннис. Потом можно и немножко расслабиться. Летом я всегда обедаю в «Прибое». И только после этого я начинаю свой рабочий день, часов с четырех и до позднего вечера. А там пора в клуб — совместить полезное с приятным. Деловые встречи, общение в друзьями. Все они интересные, состоявшиеся люди. Прекрасные отношения у меня с...» Ну, дальше она начинает хвастать знакомствами, это неинтересно. Валя, ты рублевская старожилка. Где это — «Фитнес-эмпориум» и ресторан «Прибой»?

— «Эмпориум» — самый большой спорткомплекс. А «Прибой» — тусовочное место. И поесть можно, и позагорать. Кормят, правда, не ахти, зато свежий воздух, речка, и пляж тут же. Жуешь руколу, на мужиков в плавках пялишься — красота. Дайте-ка мне эту Марфу получше разглядеть. Фотка покрупнее есть?

Фотографию Марфы Браун ассистентка рассматривала не долее минуты — для психологического портрета хватило.

— Клиент понятен. Я таких щучек много повидала. Для них существуют только две наживки — бабло и понты. В смысле, деньги и престиж, он же имидж. За это они что хочешь отдадут. Но только

за это, другая валюта не танцует. Бабла Марфуше мы за информацию дать не можем. Вывод: ловим на престиж.

— Как это?

Николас слушал помощницу почтительно — понимал, что тут она гораздо компетентней.

А Валя была вся во власти вдохновения.

— Вопросов пока не задавайте. — Окинула начальника скептическим взглядом. — У вас рубашка «бриони» цела? Которую я вам на 23 февраля дарила?

Рубашка лежала в шкафу, Ника ни разу не достал — не его стиль.

— Надевайте. К ней пиджак кремовый, у вас есть. Мокасины. Брюки все равно какие, но чтоб обязательно белые. Часы нацепите, которые английская тетя прислала.

— Не люблю я их, они тяжелые, — пожаловался Фандорин.

— Зато «роллекс».

Николас попробовал взбунтоваться:

— Зачем всё это? Мы же собираемся следить за Марфой, а не в гости к ней идти!

— Делайте, что говорю. Вы должны смотреться на сто миллионов. Теперь ты. — Она повернулась к Саше и вздохнула. — М-да. Тяжелый случай.

— Она-то нам зачем? — кинулся на защиту девочки Фандорин.

Но Валентина на него даже не взглянула.

— Спокуха, шеф. Сценарий пишу я. Ох, Сашок, придется с тобой повозиться. Значит, так. — Она кинула взгляд на часики. — Золушку забираю с собой. Приведу в порядок, приодену. Это займет часа два. Еще надо тачку подходящую достать.

— Вот это правильно, — согласился Фандорин. — Какую-нибудь понеприметнее. Мой англичанин и твоя ядовитая итальянка не годятся, слишком бросаются в глаза.

Валя немножко подумала.

— Не заморачивайтесь, шеф. Я заеду за вами ровно в час. Оденьтесь по-человечески, причешитесь и ждите.

* * *

Причесаться Ника причесался — сделал аккуратный пробор посередине и даже волосы смазал для блеска. Но оделся не по-Валиному, а так, как одеваются снобы в Англии: темно-синий пиджак, белая рубашка с галстуком (на нем эмблема Итона), светлые брюки, вычищенные до блеска черные туфли, из кармашка чуть-чуть торчит голубой платочек. Майкл Кейн, фильм «Dirty Rotten Scoundrels». Тетя Синтия бы одобрила.

Ровно в час дня, с улицы Солянка, с трудом вписавшись в подворотню, въехал лимузин «бентли» цвета первого снега.

За рулем сидела Валентина: дамский брючный костюм, зеркальные очки, в ухе провод. На заднем сиденье виднелся силуэт Саши, но Ника так остолбенел, что туда даже не посмотрел.

— Класс! — одобрила ассистентка наряд шефа. — Реальный «бритиш».

— Ты что, с ума сошла? Я же сказал: неприметную! Ты бы еще на «хаммере» приехала!

— «Хаммер» на Рублевке точно бы никто не заметил, — согласилась Валя. — Их там, как «жигу-

Майкл Кейн.
Фильм «Dirty Rotten Scoundrels»

лей» в городе Тольятти. Нам не подходит. Зато эта тачка какая надо. У друга покататься взяла. Всё под контролем, шеф. Лучше на цыпу нашу посмотрите. Сашка, алле!

Из машины неловко вылезла Саша Морозова. Фандорин едва ее узнал.

Волосы — платинового цвета, распущены и расчесаны. Маечка, вся из бисера, фасоном и размером скорее напоминает лифчик. В пупке, непонятно на чем держась, сверкает огромный страз. Белая юбчонка едва прикрывает бедра, зато красные бархатные сапоги натянуты выше колен. Косметики наложено столько, что лица не видно.

— Вот уставился! — ревниво воскликнула Валентина. — Эх, что я, дура, натворила!

А Саша виновато пролепетала:

— Она сказала, так для дела нужно.

И попробовала оттянуть юбку пониже.

— Время, господа, время! — поторопила Валя. — Щучка, она же акула, играет в теннис до двух. А нам еще через весь город гнать.

Свой «сценарий» ассистентка разъяснила уже за рулем.

— Пристраиваемся за ней у «Эмпориума». Чтоб наше авто приметила. Подкатываем в «Прибой» — это рядом, пятьсот метров. Будем надеяться, что интервью не врет и Марфуша обедает одна. Если не одна, придется вносить в план коррективы. На ходу.

— Да что за план? Ты говорила, наша наживка — имидж. Что это будет?

— Не что, а кто. Шикарный джентльмен на белоснежном «бентли». Вы, шеф, вы, — пояснила помощница, когда Николас захлопал глазами. — Перед таким джентльменом ни одна рублевская фифа не устоит. Познакомитесь, заведете светский разговор, как вы умеете. Когда будете представляться, обязательно скажите, что вы баронет — это круто. Легкий английский акцент не помешает. Культурный разговор: Coelho-Murakami, Robsky-Dostoevsky. Сама вам про рукопись расскажет, вот увидите. Обязательно захочет выпендриться.

— Погоди, Валя. Если я правильно понял, ты хочешь, чтобы я приударил за этой женщиной. Но ведь со мной две девушки. Не лучше ли, чтобы я был один?

— Ох, шеф, ничего вы не понимаете! Короля делает свита. Я — телохранительница, это последний рублевский писк. Видите, у меня очки зеркальные и провод в ухе. Вы с Сашкой сядете за один столик, я за соседний, так положено. Сосу кока-колу, верчу башкой, как заведенная. Сашка — ваша лялька. В смысле, любовница. Знающему человеку понятно без слов: солидный джентльмен с хорошим вкусом вывез свою девушку покушать и позагорать. Марфа вас такого прикинутого вмиг срисует, станет пялиться, соображать, что вы за шиш с горы. Вы на нее тоже как бы западаете. Бросаете ляльку, подсаживаетесь. Ей приятно — весь «Прибой» видит. Да за такой пи-ар она вам что хотите расскажет.

План, пожалуй, был неплох. В самом деле, навести Марфу Захер на разговор о рукописи будет несложно. Можно намекнуть на знакомства в среде лондонских издателей...

Валя позвонила в спорт-клуб, поворковала с администратором, называя ее «Верунчик». Доложила:

— Всё нормально, шеф. Марфуша играет в теннис. Полный вперед!

Вырулила через сплошную черту и погнала прямо по разделительной полосе, со скоростью двести.

— Ты что?! Остановят!

— По Кутузовскому можно, — снисходительно обронила ассистентка. — Если, конечно, ты на «бентли» и в номере три буквы А. Иначе опоздаем.

* * *

Не опоздали. Даже раньше приехали.

Просторная парковка перед спорт-клубом была сплошь забита дорогими автомобилями, не воткнешься. Имелось, правда, одно-единственное местечко, но туда уже нацелился въехать задом громоздкий черный джип.

Как бы не так!

Валя дала по газам и ввинтилась в просвет прямо перед носом у конкурента.

— Что за хамство, — обругал ее Ника.

Того же мнения был и водитель джипа. Большой мужчина с квадратной физиономией не спеша вылез из своего катафалка, не спеша подошел.

— Алё, подруга, тебя где так ездить учили? Это мое место. Ну-ка отъехала!

— Отвали, — лениво уронила невоспитанная ассистентка.

Квадратный запыхтел:

— За хамство ответишь. Мне плевать, чья ты лялька.

Этого Валя стерпеть не могла.

— Мужчина, вы хотите проблем? — Она выскочила из машины. — Обеспечу.

— Я тебе сам обеспечу, сучка драная. Да ты знаешь, кто я?

Объяснить, кто он, борец с хамством не успел — Валя ткнула ему железным пальцем в солнечное сплетение, и он согнулся пополам.

— Учти, урод, это еще не проблема. Проблемы будут впереди. Исчез по-быстрому, ясно?

— Ясно, — прохрипел квадратный и заковылял прочь.

От этой отвратительной сцены Фандорина всего заколотило.

— Валентина, ты ведешь себя гнусно!

А помощница была сама безмятежность — инцидент нисколько не испортил ей настроения, совсем наоборот.

— Николай Александрович, это же Рублевка. Тут по-другому нельзя. Тонкий слой гламура, под ним джунгли. Если не показывать зубы, в два счета затопчут.

Пока поджидали Марфу Захер, Валентина стояла, облокотясь о дверцу, и развлекала слушателей антропологическими этюдами — сортировала посетителей «Фитнес-эмпориума» по разрядам.

— Все жительницы Рублевки, за малым исключением, делятся на четыре категории, — вещала ассистентка, стараясь не выбиваться из лексикона настоящей леди. — У каждой свои видовые признаки. Вот эта, например, — показала она на даму, вышедшую из клуба, — из высшего класса. Жена большого чинуши. Сейчас они на Рублевке главные. Деньги у них не заработанные, а нахапанные. Бояться нечего, никто не тронет. Видите, какая она важная. По сторонам не смотрит, но на губах легкая улыбочка — потому что не из-за чего нервничать. Сядет в «ауди-8» или БМВ, обязательно с федеральным номером.

Так и вышло: дама села в черный лимузин с мигалкой и укатила.

— Эта из силовиков, — уверенно сообщила Валя про следующую спортсменку. — Сразу видно: никаких улыбочек, губки коромыслом. Ментовская или прокурорская жена. У них улыбаться не принято. Тачка — «гелендеваген» или джип «лексус», тоже черная.

Николас только головой покачал — в точку.

— А эта? — спросил он про скромную, интеллигентного вида женщину с рюкзачком через плечо.

— Обычная буржуйка, их номер теперь последний. Деньги у мужа есть, но все в бизнес вложены. Запросто миллион из оборота не вынешь, чтоб десять соток к участку прикупить. Сейчас сядет в скучный «мерс», а то и в обычное «вольво».

И опять угадала.

— Какая красивая! — сказала Саша про смазливую и нарядную девицу, легко сбежавшую по ступенькам. — На остальных непохожа.

— Правильно. Это четвертая категория. Золотая молодежь. Дочка какого-нибудь хрена, то есть господина, из первых трех категорий. Целый день по бутикам и кафешкам тусуется. Тачка — спортивная или кабриолет.

Девица, в самом деле, укатила в приземистой открытой машине. Саша в восторге захлопала в ладоши:

— Здорово!

— Ну хорошо. А к какому разряду принадлежал человек, которого ты так ужасно обхамила? — спросил Фандорин.

— Мент, конечно. Разве непонятно? «Ваген», номера, говорок. Полковник или подполковник. Нормальный «оборотень в погонах». Тут их пруд пруди.

— И он тебя испугался?

Валя засмеялась.

— Само собой. Он же знает, что я знаю, что он мент. Если так на него пружу, значит, имею право. Внимание, вот она!

Из дверей вышла стройная женщина в индийском сари и больших темных очках, с теннисной сумкой через плечо. Николас нипочем не узнал бы в ней красотку с гламурных фотографий, но Валиному глазу можно было доверять.

Саша шепнула:

— А она в какую машину сядет?

— Эта косит под «звезду», их на Рублевке немало, на целую категорию не тянут, — прикидывала вслух Валя. — Настоящих бабок у нее нет. Какая-нибудь тачка из не шибко дорогих, но с претензией. Или вон тот кабриолетик «пежо», или «ранглер», или открытый «крузер»...

Марфа Захер села в красный джип «ранглер».

— Bravo, Валентина, — склонил голову Ника. — Садись, поехали за ней.

Но ассистентка пребывала в задумчивости.

— Шеф, вы ее хорошо рассмотрели?

— Да, а что?

— Видели, как она на меня глянула, когда мимо проходила?

— Нет, не обратил внимания.

Валентина поцокала языком.

— План меняется.

— Почему?

— Не клюнет она на вас. Я этот взгляд хорошо знаю. В интернете вашем главного не написали. Розовая она, сто пудов. В смысле, наверняка.

— Какая-какая?

— Розовая. Лесба. Поэтому и с голубым Раульчиком замутила. Ему удобно, и ей тоже. Шеф, давайте за руль.

Она сдернула с носа зеркальные очки, вынула наушник. Отдала Николасу.

— Ты что?

— Спокойно. На арену выходит Валентина, укротительница розовых львиц. Легенда меняется. Вы сами по себе — папа с дочкой. Или папасик с лялькой. Неважно. Сидите себе, обедайте. Всё сделаю сама.

* * *

Столики были установлены на дощатом помосте, нависшем прямо над рекой. Слева, на таких же мостках, пляж с лежаками.

Мягкая тень от зонта, волны прохладного воздуха от вентиляторов — всё здесь раполагало к *релаксу* или, как говорили в прежние времена, к неге.

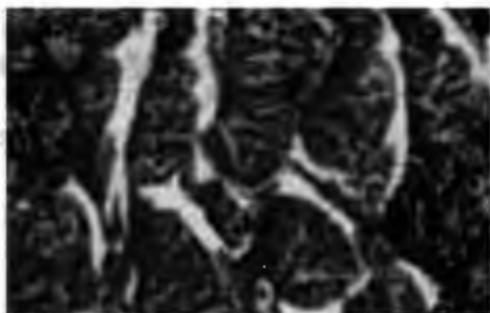
— А цены не очень дорогие, — сообщила Саша, углубившаяся в изучение меню. — Салат из крабов 22 рубля, отбивная из мраморной говядины — 55. А что такое «мраморная говядина»?

— Черт ее знает. Но это не рубли, это у.е. Видишь, внизу написано?

Девушка в ужасе отложила карту.

— Не беспокойся. Выбирай, что хочешь. Клиент оплачивает все расходы.

Он помахал платиновой кредиткой, полученной от Аркадия Сергеевича, но сам в меню еще

Мраморная говядина

не заглядывал — всё время следил за «объектом», Марфой Захер. Вот когда зеркальные очки пригодились.

Валя заняла столик по соседству с литагентшей, которая, на счастье, обедала в одиночестве. Сейчас она, посасывая сигарету, как раз делала заказ. Голос уверенный, слышен издали. По всему видно — эта дамочка здесь, как дома:

— Просто порежьте зеленюшечки, капельку ачетто бальзамико, оливкого маслица ложечку — Марио знает, какое я люблю. А рыба у вас сегодня какая?

Едва официант удалился, за дело взялась Валентина.

Подошла с сигаретой в руке, что-то сказала — очевидно, попросила прикурить. Наклонившись к зажигалке, бросила на Марфу длинный взгляд из-под челки (Фандорин поморщился).

— А можно, я буду закуску, первое, второе и третье? — тронула его за руку Саша.

— Что? Ну конечно можно.

Когда он снова повернулся, обе красотки уже сидели рядом, а официант переносил с одного столика на другой Валин прибор.

— Кажется, контакт налажен, — прошептал Ника.

— Угу.

Но для Саши вокруг было слишком много всего интересного. Определившись с выбором блюд, она стала вертеть головой во все стороны.

— Ой, глядите, голая совсем!

На самой ближней к столикам лежанке спиной кверху загорала фантастически сложенная девица. В первый миг Николасу тоже показалось, что на ней ничего нет.

— Что ты, она в трусах. Видишь?

Из складки между ягодиц высовывался шнурочек телесного цвета и, раздвоившись, охватывал талию. Николас поскорей отвел взгляд.

Принесли закуску: ему салат, Саше селедку под шубой. Девочка сосредоточенно заработала вилкой.

За интересующим Нику столиком дружба крепла прямо на глазах. Марфа и Валя о чем-то перешептывались, лазили вилками друг к дружке в тарелки. На шефа ассистентка ни разу не посмотрела, она была вся в образе.

Но минут через десять вдруг встала, направилась в сторону туалета и метнула на Нику быстрый, многозначительный взгляд.

Немного выждав, он пошел туда же.

— Всё на мази, — скороговоркой сообщила помощница, поправляя прическу перед зеркалом. —

Сейчас поедem к ней смотреть коллекцию бабочек. Она в Жуковке живет. Интересная женщина. С шармом.

— Каких еще бабочек? — нервно зашептал Фандорин. — Валентина, я вовсе не требую от тебя таких жертв!

Она проникновенно посмотрела на него.

— Для вас, Николай Александрович, я пойду на что угодно. Вы же знаете.

— Да не надо мне! — разозлился он. — Неужели нельзя с ней без этого про Достоевского поговорить?

Валя обрадовалась:

— Ревнуете?

— При чем тут ревность!

— Ну и нечего тогда. Потусуйте тут с Сашкой пару часиков. Потом подваливайте в Жуковку, там кафешка есть итальянская. Ждите. Вот вам ключи от тачки, меня Марфуша подвезет.

— А документы на машину?

— Зачем? Кто на Рублевке «бентли» остановит?

Саша поела по полной программе, а поскольку торопиться было некуда, *схозячила* (еще одно слово из Валиного глоссария) целых три десерта.

Ника скучал. От нечего делать прислушивался к разговорам.

Слева два молодых человека в концептуально продранных майках увлеченно обсуждали новые модели мобильных телефонов.

Справа *ланчевал* одинокий бизнесмен в летнем льняном костюме и всё время вел переговоры по

телефону. Слова были вроде все понятны, но смысл этих речей от Николаса ускользал:

— Я уже озвучивал, что мы как бы готовы порешать этот вопрос в плане поддержки. Привлеченку обеспечим. Но только если объект реально в шаговой доступности... — и дальше всё в том же роде.

Бизнесмен ушел, за его стол села парочка, парень с девушкой, оба в купальниках, и громко начали обсуждать всякие интимности.

— Что за предъявы, Макс? Я прямо в шоке! — горячилась барышня, изъясняясь на причудливой смеси блатного говорка и гламурного слэнга, которая в ходу у нынешней продвинутой молодежи. — Подумаешь, эпиляцию не сделала! А сам дезодорантом не пользуется!

— Не гони, — обиделся кавалер. — У тебя чего, нос заложило? На, нюхай! «Хуго Босс», летняя коллекция! Знаешь, Оксан, тебе пора серьезно задуматься о наших отношениях. Надо уважать сексуального партнера!

Николас покраснел и заскрипел стулом.

— Саша, может быть, переберемся на пляж?

* * *

Саша позагорала, потом переехали в Жуковку, еще и там в кафе насиделись. Валентина заставляла себя ждать.

Девочка несколько раз спросила, где та и что, но Фандорин отвечал уклончиво.

Наконец, появилась. Ленивой, как у нагулявшейся кошки, походкой подошла, промурлыкала:

— Ух, я такая голодная! Девочки, что это у вас там на витрине за салатик? Несите! И булочку! Две!

Моральный облик помощницы Николасу был давно и хорошо известен, поэтому от нравочений он воздержался и лишь спросил:

— Ну?

Валентина подмигнула:

— Бинго! «Нет таких крепостей, которых не могли бы взять большевики». Это из кино одного, старого.

— Значит, рукопись, действительно, у нее? Можно докладывать клиенту?

Ника знал, что помощнице не хочется комкать рассказ о своих подвигах, но Саше выслушивать все эти неаппетитные подробности было совершенно ни к чему.

Однако сбить Валю не удалось.

— Рассказываю. Приезжаем к Марфуше. Сначала то-сё, бабочек смотрели... — Она выразительно покосилась на шефа.

— Я знаю, это инсектариум называется, — сообщила Саша. — Много бабочек? Красивые?

— Только две, но шикарные.

Ника пнул ассистентку под столом ногой.

— Что рукопись? Как ты вышла на тему?

— Всё по плану. Пили кофе, лялякали про литературу. Мы же интеллигентные девушки. Она Мураками обожает, Коэльо для нее простоват, но Харуки — супер. А я ей говорю: твой япошка — лажа, вот русская классика — это рулёз. От Достоевского, говорю, прямо залипаю вся. У меня дома ПээСэС, пятьдесят томов, так я их с первого до

последнего читаю, как заведенная, а как закончу, снова начинаю. Что ни говори, а наша русская литература самая великая на свете. Особенно Достоевский, говорю, меня жутко заводит. Он такой сексуальный. Тут тебе и садо-мазо, и фетишизм, и лесби, только умей между строчек читать. И пересказала ей Сашкиного папаши лекцию, близко к тексту.

— Про лесби там ничего не было. А в полном собрании сочинений Федора Михайловича не пятьдесят томов, а тридцать, — поправил Фандорин.

— Неважно. Важно, что Марфутка клюнула. Говорит: «А если я тебе дам почитать романчик Достоевского, которого никто на свете еще не читал? У меня есть». Я ей: «Иди ты». Ну, она и рассказала, как было дело. Явился к ней один лох с ушами (это она, Сашок, твоего ботинка так описала. В смысле, родителя). Он по телеку видел передачу про литагентство — Марфуша каналу проплатила, для пиара. Типа про прочные связи с культурной элитой Запада, про контакты с зарубежными издателями. Ну и повелся. В смысле, купился. Короче, поверил. Позвонил в офис, потом пришел. Вежливый такой, скромненький, в очках. Она бы сейчас на него посмотрела, — хохотнула Валя. — Надо будет ее после в палату сводить, Марфушке понравится... В общем взяла она кусок рукописи, отвезла к экспертше, самой главной по Достоевскому. Та говорит: верняк.

— А как звали экспертшу? — спросил Николас.

— Я не спросила. Что, надо было?

— Нет, я и так знаю.

То-то Элеонора Ивановна засмеялась, когда он сказал по телефону про рукопись. «Снова-здорово» — так она выразилась. И потом вела себя странновато...

— Она смешно про экспертшу эту рассказывала. Заранее узнала, что у той такса — сто баксов. Приходит, а старушка требует триста. Кстати, не больно-то удивилась, будто ей каждый день по новому Достоевскому притаскивают. Марфушка ей: «Нет вопросов. Сто даю сразу, двести потом». Ну а когда заключение получила, кинула пенсионерку. «Стыдно, говорит, в вашем возрасте клиентов дурить». Марфушу на козе не объедешь.

Теперь Нике стало понятно, почему Моргунова вела себя с ним так настороженно и почему не дала в руки результат экспертизы, пока не получит расчета. Тут вообще многое начинало проясняться. Не больно удивилась? Еще бы! Можно не сомневаться, что у Элеоноры Ивановны к тому времени уже успел побывать коллекционер Лузгаев, с другим куском того же текста. Поэтому, наверное, и таксу подняла. На спрос отреагировала, жадная ведьма.

— Что было дальше? Она заплатила Морозову аванс?

— Ни шиша она ему не заплатила. Марфушу раскрутить на бабки непросто. Нагнала пурги полную тундру. В смысле, заморочила лоху голову. Сказала, книжку издать не проблема, хоть у нас, хоть за границей. Но заплатят только за первую публикацию, а потом всякий, кому не лень, может перепечатывать и гнать любые тиражи. Писатель-то давным-давно помер, законных наследников нет.

Это называется public domain, общественная собственность. Но есть одна хитрость, специально для таких случаев придумана. Вы, говорит, несколько страничек подпортите, чтоб прочесть было нельзя. А потом типа как проведете научную работу — восстановите текст. Тогда он юридически будет считаться вашей редакцией авторского текста, и права окажутся все ваши. Не баба, а Государственная Дума, даже еще умнее. Эту «редакцию» купят во всем мире, Марфуша устроит. За посредничество ей 50 %. Рукопись оставила себе. Сказала, что будет иностранным издателям показывать, ну а на самом деле, чтоб дедок не передумал. Кстати, что с ним стряслось, она не в курсе. Говорит, пропал куда-то, на звонки не отвечает.

— Ты саму рукопись видела?

— Нет. Стала клянчить, а она ломается. Я, говорит, раненая, истекаю кровью, сегодня нельзя. Это она кекс резала и палец чуть-чуть ножиком задела. Всего одна капелька крови вытекла, и ту я языком слизнула.

У Саши на лбу появилась удивленная морщинка.

— Это она меня нарочно завлекает. — На лице Вали вновь возникло блудливое, кошачье выражение. — Чтоб я снова приехала. Говорит, спрятала рукопись в надежном месте, потому что этим бумажкам цена минимум миллион зеленых.

— Ты уверена, что «надежное место» находится в доме?

— Да. Она сказала, завтра приезжай, Достоевскоманка. Дам почитать, на сладенькое. Так что рукопись здесь, в Жуковке. Улица Серафимовича, дом 25. Сами видите: моя жертва была не напрас-

на. Завтра помусолю странички в руках, для сто-процентной уверенности, и можете докладывать. Но учтите: Марфа — тетка ушлая. Заломит еще дороже, чем коллекционер. Хотя, насколько я понимаю, это уже не наша проблема. Пускай спонсор с ней договаривается.

— Ты права, — согласился Фандорин. — Подождем до завтра. Я тебе дам прочесть ксерокс, чтобы ты проверила, совпадает ли конец второй части с началом третьей. Итак, откладываем до завтрашнего утра.

* * *

Но до завтрашнего утра было еще очень далеко. И наступило оно не для всех.

* * *

Разбудил Николаса телефонный звонок. Правда, утро было не раннее, половина одиннадцатого. Ночью у Фандорина состоялся разговор с Алтын по поводу уроков музыки — длинный, мучительный и безрезультатный, потому что говорить прямым текстом он не решился, а жена упрямо делала вид, что не понимает причины его недовольства. Легли в третьем часу обиженные друг на друга, и потом еще он долго не мог уснуть.

Так вот, звонок:

— Шеф, хреновые дела. — Валя, голос дрожит. — Позвонила Марфе, как договаривались. Трубку берет мужик. Я подумала, ошибка. Второй раз набираю — снова мужик. «Вам, говорит, наверно, Марфу Леонидовну? Она не может подойти, кто

ее спрашивает?» Не понравилось мне это. Не стала отвечать, отключилась. Через 15 минут звонок. Тот же мужик. Называет по имени-отчеству, представляется: оперуполномоченный такой-то. В каких отношениях вы состояли с покойной Захер?

Ника вскрикнул.

— Вот и я тоже заорала. Мент говорит: «Нужно поговорить. Сами приедете, или вас принудительно доставить?» Это они меня по номеру мобильного вычислили. Грохнули ее, сто пудов грохнули! У такой акулы наверняка врагов хренова туча. А в доме повсюду мои отпечатки! Звоните своему депутату, шеф, отмазывайте меня!

Дрожащим пальцем Ника набрал телефон Сивухи. Коротко рассказал про вчерашние события и про Марфу Захер. Потом про главное.

— Почему вы не сообщили мне прямо вчера, что рукопись найдена? — недовольно спросил Аркадий Сергеевич.

— Хотели проверить. Что делать моей Валентине? Ехать по вызову или нет?

Большой человек помолчал, подумал. Надо отдать ему должное — спокойствия не утратил.

— Вы уверены, что рукопись в доме?

— Так она сказала моей ассистентке.

— Охо-хо, — вздохнул Сивуха. — Литагентша-то черт с ней. Как бы рукопись не пропала. Вот что. Ассистентке скажите, пусть пока никуда не едет. Сейчас выясню, что там случилось. Перезвоню.

Разбирался он примерно полчаса — Валя за это время звонила восемь раз.

Девятый звонок, наконец, был от Аркадия Сергеевича.

— Имею две новости, хорошую и плохую. Начну, как положено, с хорошей. Марфа Захер не убита. Произошел несчастный случай.

— Уф, — шумно выдохнул Николас.

— Поскользнулась в ванной на мокром полу. Основанием носа стукнулась о край биде. Со всего маху. Вместо носа — кровавая лепешка. Вскрытие показало, что от удара верхняя часть носовой кости вошла в мозг. Редкостное невезение. Такое иногда случается в драке, если резко бьют кулаком или ребром ладони снизу, под определенным углом. А тут — жახнулась всей массой тела. К тому же от наркоты у нее суставы все вихлялись, мышцы расслаблены. Она под дозой была, это установлено. В крови высокое содержание какой-то наркотической дряни, мне сказали название — забыл. Наширялась, да и не удержалась на ногах. Подозрений на умышленное убийство никаких. Дом по периметру на сигнализации, следов проникновения нет. Милицию вызвала горничная, она неподалеку, в поселке живет. Возвращалась из гостей поздно ночью, видит: в доме свет. Решила проверить — ну и обнаружила... Так что опер вашу девчонку хотел на испуг взять. Его контакты по наркотикам интересуют. Но я объяснил начальству, что к чему. Успокойте свою ассистентку. Вызов к оперуполномоченному отменяется.

Как все-таки удобно жить в неправовом государстве, подумал Фандорин. Столько неприятных проблем можно решить парой телефонных звонков. Если, конечно, знаешь правильных людей.

— А плохая новость?

— Рукописи нет. — Даже по телефону было слышно, как Сивуха скрипнул зубами. — ...Дом обыскали очень тщательно. Они же надеялись найти наркотики. Что-что, а искать там умеют, профессионалы. Бумаги все тоже просмотрели. Папки с рукописью нет, я спрашивал. А ведь это не иголка. Так что наврала покойница вашей ассистентке.

— И «перстень Порфирия Петровича» мы не нашли... — вздохнул Ника. — Я этот чертов стишок наизусть выучил: «Пять камешков налево полетели». Каких камешков? Драгоценных, что ли? Но драгоценных камней всего четыре: алмаз, изумруд, сапфир, рубин. Иногда прибавляют жемчуг, хотя он, строго говоря, не камень. Почему налево полетели пять, а вниз только четыре? Если пятый — «багрянец» — то, может, это рубин? Но перстень-то с бриллиантом! А что если всё совсем не так, и...

— Послушайте! — рассердился клиент. — Выкиньте вы из головы эту муру про перстень, не занимайте ею мозги! Я вам плачу за поиск рукописи — вот на ней и сосредоточьтесь!

— Марфа Захер говорила Вале про какое-то «надежное место». Может, тайник? — упавшим голосом предположил Николас.

Аркадий Сергеевич оживился.

— Хотите поискать сами? Это я организую, не проблема. Я в ваши способности верю.

* * *

У калитки дома 25 по улице Серафимовича Фандорина поджидал оперативник в штатском, сидел в джипе «лексус», то есть, по Валиной классификации, являл собой классический образчик «оборотня». На долговязого магистра профессиональный криминалист посмотрел со скептической гримасой.

— Искать будете? Ну попробуйте.

В юридические тонкости ситуации — на каком основании и с какой стати постороннему человеку позволено рыться в доме покойницы — лучше было не вдаваться. Нечего лезть с английским уставом в русский монастырь.

Ника и не стал. Есть задание, его нужно выполнить.

Прошелся по небольшому, но стильному жилищу светской львицы. Всюду сталь, никель, хром, яркие пятна цветного пластика. Броско, но холодно и неудобно. Николас предпочел бы ночевать под мостом, чем жить на этой орбитальной станции.

Понаблюдав, как Фандорин в нерешительности бродит по пустым комнатам, оперативник презрительно бросил: «В машине побуду» — и вышел.

Где же искать папку?

Идей не было. Тем более что здесь уже очень тщательно искали.

Он заглянул в основательно выпотрошенный кабинет, в оранжево-синюю спальню, в ощерившуюся выдвинутыми ящиками кухню.

На всякий случай покрутил в пальцах дублон. Вдохновение не нахлынуло. Зато захотелось в туалет.

Так Николас оказался в *аквазоне*, как по-гламурному называют санузел — если таковой, конечно, достоин этого красивого названия.

Санузел Марфы Захер был настоящей, стопроцентной аквазоной.

Спустив воду в унитазе, изображавшем раковину-жемчужницу, Фандорин огляделся вокруг. Джакузи, гидромассажная кабинка, зеркало во всю стену — это ладно, но главным украшением просторной комнаты был широченный аквариум.

Установленный посередине помещения, на особой тумбе, он посверкивал голубыми бликами, внутри проглядывал коралловый риф, а вокруг него чертила круги маленькая акулка.

Вот что такое настоящий шик!

Ника подошел ближе и застыл, зачарованный мерным, невыразимо изящным кружением стальной рыбины.

Морской аквариум был давней мечтой мужской половины фандоринского семейства. Ника с сыном, бывало, по часу простаивали в специализированном магазине, рассматривая разноцветные кораллы и рыб райской расцветки. Такой резервуар, как этот, стоил минимум полмиллиона рублей. Вот если удастся выполнить заказ Сивухи, может быть...

Ужасно хотелось дотронуться до рифа, попробовать, какие они, кораллы, на ощупь. В магазине, при продавце, этого не сделаешь, а тут никого.

Аквариум с акулой

На всякий случай оглянувшись на дверь, Фандорин засучил рукав повыше, наклонился и сунул руку в теплую воду.

Акулы он не боялся. Серые рифовые неопасны. В магазине говорили, что можно чистить аквариум, не обращая на них внимания.

Он все же не спешил лезть слишком глубоко — следил за акулой. Но она, действительно, не проявила к фандоринской пятерне ни малейшего интереса. Успокоенный, он опустил руку по локоть, потрогал дивный каменный цветок ярко-алого цвета. Поверхность коралла оказалась неожиданно твердой и острой.

Черт, порезался!

Из пальца выплыла красная капелька, начала бледнеть, расширяться. Он досадливо цокнул языком.

Вдруг серебристая торпеда стремительно метнулась к центру круга — Николас едва успел выдернуть руку из воды. Рыбеха жадно проглотила мутную капельку крови, еще с пол-минуты возбужденно пометалась по аквариуму и снова начала чертить круги.

Идиот, укорил себя Николас. Ну конечно, она среагировала на кровь. Так можно и без пальца остаться.

Он стал смотреть на миниатюрную акулу, думая, что точно такой же была и ее покойная хозяйка. Красивой, гибкой, безжалостной, бросающейся на добычу, как молния. Марфа Захер принадлежала к типу женщин, которые собираются жить вечно. Когда-то она была маленькой девочкой, которая верила в сказки, потом подросла, обзавелась острыми зубами в три ряда и отменным аппетитом. Думала, что проглотит весь мир, а вместо этого поскользнулась на мокром полу, ударилась носом о биде и умерла. И теперь уже не узнать, как в точности всё случилось и успела ли она что-либо сообразить своим одурманенным мозгом...

* * *

Успела, еще как успела.

Про Серого Волка и Красную Шапочку

Последний день в жизни Марфы Захер начался со всяких нехороших примет.

Во-первых, под колесом припаркованного «ранглера» дрыхла жирная черная кошка. Это к несчастью.

Во-вторых, из сумки выпала косметичка, и в ней треснуло зеркальце. Это тоже хреново.

В-третьих, на повороте к «Фитнес-эмпориуму» дежурил гаишник с огненно-рыжей шевелюрой, а это (автомобилисты знают) вообще караул.

Марфа внимание на опасные предзнаменования обратила — она привыкла обращать внимание на всё, в том числе на ерунду. Но грузиться из-за этого не стала, потому что ерунда, она и есть ерунда. В приметы литагентша не верила. И правильно делала — во всяком случае, так стало казаться к середине дня, когда Марфе обломился подарок судьбы в виде чумовой девочки Вали.

Редкостное существо. Это ж надо, чтоб в девушке всё было по суперу: и фигура, и темперамент, и энергетика. А сколько силы в руках!

Всё прошло исключительно тип-топ. Марфа так разнежилась, что чуть на деловую встречу не опоздала.

Но ничего, не опоздала. Она никогда никуда не опаздывала, разве только если нарочно.

Встреча была с одним библиофилом, которого тормознули на таможне с библией шестнадцатого века. Он, кретин, не догадался решить вопрос на месте, и теперь ему ломилось от трех до семи. Торчал на подписке о невыезде и очень нервничал.

Марфа нагнала на него побольше страху, рассказала, как одного интеллигентного человека, тоже страстного книжника, довели в уральской колонии до самоубийства. Когда же клиент полностью созрел, предложила разрулить ситуацию. Цена вопроса — пол соточки тоннобаксов. Взяла бы меньше, но ведь сам должен понимать, основная часть не ей пойдет.

Библиофил чуть не расплакался от облегчения, придурок.

Чем обходные лазейки искать, лучше бы хорошего юриста нанял. Тот сразу бы сказал, что протокол изъятия составлен с нарушениями, грош ему цена. Так что делиться с судьей Марфе не придется. Не сделка, а мечта: максимум навару, ноль противозаконных действий.

Потом посидела со знакомыми в модном ресторане «Сэппуку», покушала суси с черной икрой и сасими из фугу («суши» и «сашими» говорят только гопники).

К себе в Жуковку вернулась хорошо за полночь. Как говорится, усталая, но довольная.

Дом Марфе достался на память от бывшего мужа-брокера, такого же пидора как Рауль-

чик, только подпольного. Гаража, правда, не было, участок маленький. Зато в Жуковке, а не в каких-нибудь Горках-15.

Машину она обычно ставила у забора, но сегодня там воткнулся чужой микроавтобус. Если б не красный крест на борту, не надпись «Реанимобиль», Марфа ему шину бы проткнула. Но раз реанимобиль, пускай живет, скаламбурила она и припарковалась перед калиткой.

В окнах было темно. Прислуга делала уборку вечером, а потом уходила. Марфа любила на ночь оставаться одна. Когда спишь, в доме никого быть не должно. Потому что спящий человек беззащитен.

А если Валюша? — спросила она себя, поднимаясь на крыльцо. Свернется калачиком на кровати, будет спать рядом.

Достоевского она любит, надо же. Умная, начитанная. Как про эротизм лихо завернула. Занятный экземпляр. Что-то в ней есть необычное, надо будет разобраться. Может, пригласить ее пожить немного, несколько дней? Или вместе съездить куда-нибудь. На Сейшелы, например. Рауль рассказывал, там можно целый островок арендовать. И ни души, только прислуга.

Тут Марфа себя осадилa. Стоп, девка. Не увлекайся. Не нарушай основное правило жизни. Валюша твоя — чья-нибудь шлюшка. «Бентли», шмотки от «Гермеса», силиконовые сиськи. Ей наверняка есть, у кого ночевать и с кем на Сейшелы ездить...

Неладное Марфа почуяла сразу, когда открыла входную дверь. Огонек на пульте горел, но кто-то с сигнализацией явно пошуровал — она пикнула необычным образом. Это означало: отключили, потом снова включили.

Кто?

Зачем?

Выбор был такой. Первое: выкатиться на улицу и вызвать по мобильнику патруль. Второе: сразу нажать «тревожную кнопку».

Но Марфа поступила иначе, так как была не робкого десятка и относилась к себе с уважением. Расстегнула сумочку, сняла пистолет с предохранителя. Резиновые пули, валят с пяти метров. Если в упор — на смерть. При этом всё законно: необходимая оборона, и разрешение имеется.

В гостиной побывали чужие. Всё вроде на месте, но торшер чуть сдвинут, угол ковра загнулся, шкаф приоткрыт. Глаз у Марфы был алмаз.

Спокойно, сказала она себе (все-таки разволновалась, не железная же). Тайник хрен найдут, а больше тут брать особенно нечего.

Тихо было, совсем.

Она даже испытала что-то вроде разочарования. Уже представляла себе, как на нее, слабую женщину, попрет воришка, и она в него — ну хорошо, не в упор, а метров с двух — бабах, ба-бах по яйцам. Будет что знакомым рассказать.

А потом она зажгла свет и увидела в телевизионной зоне не одного вора, а двоих.

Серого Волка и Красную Шапочку.

Сидели себе рядышком, утонув в глубоченной софе. Смотрели на Марфу.

Она прямо обалдела.

Волк-то был откровенно халтурный: обычный мужик в костюме, только маску надел. Зато Красная Шапочка какая положено: чепчик, золотые кудряшки, передничек, белые гольфы.

Стильно работают, уроды, подумала Марфа, немножко придя в себя. В сказки она и в детстве-то не верила.

— Привет, уроды. Стильно работаете. — И приготовилась выхватить пистолет из сумочки.

Надо было только поближе подойти. Значит, волку — по яйцам, девчонке — по голой коленке. Чтоб не сбежала.

Воры сидели смирно, как голубки, не подозревали, что сейчас пальба начнется.

У «волка» в прорезях маски угольками посверкивали глаза. В руке он держал какую-то плоскую коробочку, вроде футляра от очков.

«Красная Шапочка» посмотрела на литагентшу с ясной улыбкой и заговорила стихами — звонко, как на пионерской линейке во времена марфиного детства:

— Здравствуйте, тетя, я Красная Шапочка! Где моя чудная красная папочка?

И всё стало понятно. Загадка разъяснилась.
— Папочку тебе? — прошипела храбрая Марфа.

Рванула из сумочки пистолет, но футляр в руке (или в лапе?) Серого Волка слегка дрогнул, что-то там блеснуло, и Марфа почувствовала болезненный укол в грудь. Опустила голову, чтобы посмотреть, чем это ее — и потеряла сознание.

Пришла в себя уже не в гостиной, а в аквазоне.

Аквазона у Марфы была — супер. Кто из гостей ни войдет, обязательно скажет «вау!». Тридцать квадратов, посередине аквариум на две тонны воды, дизайнерская сантехника, пол — итальянская мраморная плитка с подогревом.

На этом-то чудесном полу она и очнулась, но подогрев не работал, и было Марфе очень холодно. Тем более, лежала она совсем голая.

Вроде не связана, не скована, а пошевелиться не могла. Тело будто не свое, пальцем не двинуть. А голова при этом работала ясно.

Иголкой парализующей стрельнули, поняла Марфа. Как в зоопарке в какую-нибудь львицу или тигрицу.

Серый Волк и Красная Шапочка стояли над ней.

— Красивая, — с подсюсюкиванием сказала Красная Шапочка — не про голую Марфу, а

про декоративную акулу. — Так где папочка, тетенька? Мы с серым все перерыли, три часа трудились. Скажи, тетенька, не капризничай. А то бо-бо будет.

Присела на корточки. Глаза у нее, извращенки поганой, были веселые, спокойные. И Марфа, женщина бывалая, повидавшая на своем веку всякое, поняла, что ей в любом случае не жить.

— На ушко шепну, — сказала она не своим, хриплым голосом.

И когда Красная Шапочка наклонилась совсем близко, Марфа отчаянным, нечеловеческим усилием рванулась кверху, попробовала ухватить гадину зубами за губу. Удалось бы — вцепилась бы намертво. И отгрызла к чертовой матери. Чтоб помнила Марфу Захер.

Плоховато получилось, как в замедленном кино. Красная Шапочка успела отшатнуться. И единственное, что смогла сделать ей Марфа — плюнула в глаза.

Взвилась Красная Шапочка, будто ее кипятком ошпарили.

И закричала, уже безо всякого сюсюканья:

— Ах ты, сука! Сука! Сука!

— Стоп, стоп, стоп! — сказал себе Ника, глядя на мокрую руку с окровавленным пальцем.

Как Валя сказала? Она попросила Марфу Захер показать рукопись, а та ответила: у меня кровь, нельзя. Потому что палец порезала!

Она не шутила и не кокетничала!

Он снова кинулся к аквариуму. Здесь тоже искали: дверцы тумбы открыты и видно всю подпитывающую требуху — фильтры, насос, термостат. К стеклянной стенке прислонена каминная кочерга, с нее натекло. Значит, и в риф тыкали, камешки на дне ворошили.

Где же тут можно спрятать папку?

Он осторожно сунул в воду левую, не пораненную руку. Акулка продолжала нарезать свои меланхоличные круги.

Тихонько, чтоб не уколоться, Фандорин пошевелил риф — и так, и этак.

Сначала ничего не произошло. Но когда он взялся за ажурный розовый веер (кажется, эта красота называлась «горгониевый коралл») и слегка повернул, вся верхушка рифа внезапно сдвинулась и осталась у него в руке. Внизу открылась выемка, а в ней лежал черный каучуковый контейнер.

Одной рукой доставать его было неудобно, контейнер выскальзывал, и акулка недовольно заметалась в помутившейся воде.

Рискуя лишиться пальца, Николас нетерпеливо помог себе правой рукой, а сунувшуюся было хищницу просто отпихнул — не до нее.

Всё, черный блестящий футляр лежал на полу.

Щелкнули замочки.

Ну-ка, что там?

Внутри, один на другом, лежали несколько пластиковых пакетов разного размера.

В первом оказались пачки сто долларовых купюр, довольно много. Николас пересчитывать не стал — не интересно.

Во втором коробочки с драгоценностями. Тоже не заинтересовался.

В третьем, самом маленьком, несколько кредитных карточек иностранных банков. Нелегальные счета? Черт с ними!

Ура, папка!

Открыв ее, Николас чуть не застонал от разочарования: какие-то деловые бумаги на русском и английском.

И лишь в самом последнем пакете сквозь полупрозрачный пластик просвечивала знакомая крокодиловая кожа, красного цвета.

Достал.

Да! Да!

Ай да Ника! Ай да Фандорин! Нашел!

Все остальные пакеты засунул обратно в контейнер.

Позвал с улицы милиционера.

— Вот тайник. Тут ценности, какие-то документы. Это вы сами разбирайтесь. А вот папка, принадлежащая моему клиенту. Я хочу ее взять, но это, наверное, нужно как-то оформить?

Оперуполномоченный ошарашенно тряс долларами, тарашился на кольца и браслеты.

— Так что с папкой? — снова спросил Фандорин.

Тот очумело уставился на него.

— Забирайте. На что она мне?

И уткнулся в бумаги.

Забрать-то Ника забрал, но, когда ехал в Москву, сильно сомневался, правильно ли поступил. Не следовало ли потребовать, чтобы вызвали понятых? Как-то очень уж легко страж порядка со-

гласился отдать рукопись. Там в контейнере столько всего...

В любом случае нужно позвонить Сивухе.

Николас набрал номер, услышал: «Это телефон депутата Государственной Думы Аркадия Сергеевича Сивухи. Оставьте сообщение, и вам обязательно перезвонят». Ну уж нет, такое известие не для автоответчика.

Фандорина распирало от восторга. Бог с ними, с долларами и бирюльками покойницы. Если милиционер заберет их себе, пускай это будет на его совести. Переделать нравы и порядки родной милиции Николасу Фандорину не под силу. Да, он не борец с общественным злом. Но зато какой аналитический дар! Какая пронизательность! Профессионалы искали — не нашли, а ему часа хватило. Правда, профессионалы не знали про порезанный палец Марфы Захер, но это частности.

Он позвонил Саше, чтобы порадовать. Отключен телефон.

Позвонил Валентине — занято.

Тогда набрал номер жены. Хотел порадовать: выполнен крупный заказ, будут деньги. Пусть знает, что ее муж не такой уж нахлебник и неудачник.

И Алтын трубку сняла, почти сразу.

Сказала:

— Ты? Как некстати! Я в консерватории, на Славином концерте. Забыла звонок убрать, ужасно неудобно! Потом-потом.

И отключилась, даже не выслушав.

Настроение враз испортилось.

До Солянки Николас ехал мрачный.

Позвонил Сивухе еще раз, уже из офиса. Опять нарвался на автоответчик, но теперь было не до эффектов. Сказал сухо: «Это Фандорин. Рукопись у меня. Можете забирать».

Походил по кабинету, чтобы успокоиться.

Когда успокоился, сел за стол и открыл красную папку.

Конец первого тома

Содержание

Ф.М.

Том 1

1. ФОРС-МАЖОР	5
2. ФИГЛИ-МИГЛИ	16
ТЕОРИЯКА. ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПОВЕСТЬ	33
3. ФАТА-МОРГАНА	88
4. ФАНТАСТИЧЕСКИЙ МИР	117
5. ФИЗИОЛОГИЯ МОЗГА.	137
6. FM.	170
7. ФИЛОСОФ-МЕРКАНТИЛИСТ	197
ЗЕЛЕНАЯ ВАЛКА.	219
8. ФРИ-МАСОН	272
9. ФАРШИРОВАТЕЛЬ МОЗГОВ	313
10. ФЛАНГОВЫЙ МАНЕВР	334

Акунин Борис

Ф. М.

Роман

Том 1

Художественный редактор *А. Гладышев*

Технический редактор *Л. Бирюкова*

Компьютерная верстка *О. Солововой*

Подписано в печать 04.04.2006.
Формат 84x108^{1/32}. Бумага офсетная.
Гарнитура Ньютон. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 20,16. Тираж 300 000 экз.
Изд. № 06-8115. Заказ № 0604500.

Издательство «ОЛМА-ПРЕСС»
129075 Москва, Звездный бульвар, 23
«ОЛМА-ПРЕСС» входит в группу компаний
ЗАО «ОЛМА МЕДИА ГРУПП»

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ООО "Дом книги" 5513028

9785224016587

Акулиня Ф. М. 2тт

19 05 06 265.00 р.

ПРЕСС 9785224016587